

Ulrich Beck

WAS IST
GLOBALISIERUNG?

IRRTÜMER DES GLOBALISMUS –
ANTWORTEN AUF GLOBALISIERUNG

Suhrkamp

Ульрих Бек

ЧТО ТАКОЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?

ОШИБКИ ГЛОБАЛИЗМА –
ОТВЕТЫ НА ГЛОБАЛИЗАЦИЮ

*Перевод с немецкого
А. Григорьева и В. Седельника*

Прогресс-Традиция
Москва

2001

УДК 316
ББК 60.55
Б 42

Послесловие *А.Ф. Филиппова*
Редактор *Л.Н. Павлова*

Данное издание выпущено в рамках программы Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI–Budapest) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия

Бек У.

Б 42 Что такое глобализация?/Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

ISBN 5-89826-109-5

Книга известного немецкого социолога, профессора Мюнхенского университета Ульриха Бека (р. 1944) посвящена проблеме глобализации. Автор пытается ответить на двойной вопрос: что имеется в виду под глобализацией и где искать политическое решение проблемы.

ББК 60.55

В оформлении книги использована работа итальянского художника Микеланджело Пистолетто.

Издано при финансовой поддержке фонда
ИНСТИТУТ им. ГЁТЕ – ИНТЕР НАТИОНЕС, Бонн

Die Herausgabe dieses Werkes wurde aus Mitteln von
GOETHE-INSTITUT INTER NATIONES, Bonn, gefördert

ISBN 5-89826-109-5

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1997
© Издательство «Прогресс-Традиция», 2001
© А. Григорьев, перевод, 2001
© В. Седельник, перевод, 2001
© А. Филиппов, послесловие, 2001
© Г. Ваншенкина, оформление, 2001

Предисловие

Цель этой книги – дать вразумительные и четкие ответы на нерешенные пока вопросы, возникшие в ходе дискуссии о глобализации, показать неоднозначность этой дискуссии, расплывчатость используемых в ней понятий, ее (часто неразличаемые) измерения, помочь избежать ошибок в толковании этого явления, но в первую очередь открыть путь для политических ответов на вызов глобализации. В центре, таким образом, оказывается простой, но нелегкий для ответа двойной вопрос: что имеется в виду под глобализацией и где искать политическое решение проблемы?

В связи с этим исследованием возникли два тома материалов дискуссии, в которых на примере «классических» и новых текстов представлены различные ответвления темы, результаты споров и разногласия по поводу глобализации:

- *политика глобализации,*
- *перспективы мирового общества – контрверзы, конфликты, парадоксы.*

Я начал работу над этими томами два года назад. Их завершение стало возможным благодаря стипендии, которую мне предоставил Кардиффский университет в Уэльсе (Distinguished Research Professorship) и которой я воспользовался в течение зимнего семестра 1995/96 года. Эта книга не была бы написана без чрезвычайно плодотворных дискуссий, в которых участвовали Барбара Адам, Мартин Олброу, Йорг Дюрршмидт, Энтони Гидденс, Дэвид Хелд, Скотт Лэш, Джон Томпсон, Ро-

бин Уайт-Гров, Хелен Уилкинсон, Брайен Уинн и многие другие, но прежде всего, как всегда, — Элизабет Бек-Гернсхайм. Всем им я выражаю свою сердечную признательность.

Часть первая

ВВЕДЕНИЕ

Виртуальные налогоплательщики

В мирном крахе берлинской стены и закате советской империи многие увидели начало конца политики как таковой, полагая, что наступила эпоха по ту сторону социализма и капитализма, утопии и эмансипации. Но шло время, и радостные декларации прощания с политикой все больше сбавляли тон. Ибо непременно возникающее сегодня в любой публичной дискуссии пугающее слово «глобализация» говорит не столько о закате политики, сколько о том, что *политическое вырывается* за категориальные рамки национального государства и даже из ролевой схемы того, что считалось «политическим» и «не-политическим» действием. На какой бы содержательный аспект ни указывала новая риторика глобализации (экономика, рынки, борьба за рабочие места, производство, товары и услуги, финансовые потоки, информация, стили жизни), в каждом случае бросаются в глаза политические последствия, вызванные к жизни действием механизмов *экономического* риска глобализации: институты индустриального общества, до того как бы полностью закрытые для политики, могут «дать трещину» и открыться для политического вмешательства. Предпосылки социального государства и пенсионной системы, социального обеспечения и коммунальной политики, функционирования инфраструктуры, организованная сила профсоюзов, межпроизводственная система переговоров по вопросам тарифной автономии, так же как государственные расходы, налоговая система и «справедливое налогообложение» — все плавится под палящим солнцем глобализации и отливается в формы, делающие возможным (как предполагается) политическое воздей-

стве. Реагировать, тем или иным образом отвечать на это должны все действующие лица общества, причем ответы будут даваться не по старой типичной схеме (деление на правых и левых) политического поведения¹.

Можно сказать так: то, что для рабочего движения в XIX веке было вопросом классовой борьбы, для транснациональных предприятий на рубеже XX–XXI столетий стало вопросом глобализации. С тем, однако, существенным различием, что рабочее движение выступало как *оппозиционная* сила, в то время как глобальные предприятия до настоящего времени действуют *без* (транснационального) оппонента.

Почему глобализация означает политизацию? Потому что приведение в действие механизма глобализации позволяет предпринимателям и их объединениям отвоевать у демократически организованного капитализма свободу действий, сдерживаемую политикой социального государства. Глобализация делает возможным то, что, по-видимому, всегда скрытно присутствовало в капитализме, но на стадии его укрощения социальным демократическим государством оставалось замаскированным: предприятия, особенно работающие в глобальном масштабе, играют ключевую роль не только в организации экономики, но и общества в целом — хотя бы уже «только» потому, что они в состоянии отнимать у общества его материальные ресурсы (капитал, налоги, рабочие места).

Функционирующая в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств. Тем самым открывается путь субполитизации совершенно нового размаха и с непредсказуемыми последствиями. Речь идет о том, чтобы в новом раунде борьбы элегантно

¹ См. об этом: Giddens A. *Jenseits von Links und Rechts*, Frankfurt/M. 1997. — *Здесь и далее прим. автора.*

отодвинуть старого противника по имени «труд» на запасной путь истории; но также — и прежде всего — о том, чтобы одновременно заявить о расторжении договора с «идеальным совокупным капитализмом», как Маркс называл *государство*; т. е. чтобы избавиться от пут труда и государства, как они сложились в XIX и XX веках.

«Все сословное, все стародавнее, все окостеневшее и заскоружное испарилось», — заявлял Маркс уже в *Коммунистическом манифесте*, не скрывая ликования по поводу заложенного в капитализме революционного потенциала. «Сословной» теперь стала социально-государственная и профсоюзная организация труда, а «окостеневшими и застывшими» оказались бюрократические контрольные установки и налоговые ограничения (национального) государства. При этом эффективность и элегантность обосновываются совершенно новыми измерениями «политики объективной необходимости» глобализации.

Повсюду утверждают, будто бы не интересы предприятий, а «глобализация» делает необходимыми мучительные разрывы и надломы. Под давлением «законов» глобализации ради достижения определенной цели якобы нужно действовать в направлении, противоположном движению к цели; к примеру, чтобы обеспечить людей работой там, где они живут, рабочие места необходимо радикально упразднить или переводить в другие местности. Именно потому, что занятость в сфере труда может и должна сокращаться во имя повышения прибыли, нынешняя политика превращается в свою противоположность. Кто подстегивает экономический рост, тот в конечном итоге плодит безработицу. Кто понижает налоги, чтобы повысить шансы на получение дохода, тот, вероятно, тоже *порождает* безработицу. Необходимо подвергнуть научному изучению и критическому осмыслению политические

и общественные парадоксы транснациональной экономики, которая заманивает обещаниями «упразднить инвестиционные препоны» (читай: упразднить экологическое, профсоюзное, социально-государственное, налоговое регулирование) во имя все большего сокращения рабочих мест и одновременно дальнейшего роста производства и доходов.

Это означает, что введение в действие механизма глобализации несет в себе фактор угрозы, т. е. политика глобализации нацелена на избавление не только от профсоюзных, но и от *национально-государственных* ограничений, она имеет целью ослабление национально-государственной политики. Риторика занимающих важные посты представителей экономики против политики социального государства предельно ясна. В конечном итоге речь идет о том, чтобы предельно уменьшить возложенные на государство задачи и сократить государственный аппарат, осуществить мечту анархического рынка — утопию *минимального* государства. При этом происходит довольно парадоксальная вещь: глобализация нередко влечет за собой *ренационализацию*.

Многие не понимают, что глобализация представляет опасность не только для профсоюзов, но и для политики как таковой, для государства. Представители разных политических партий, пораженные и восхищенные глобализацией, «размягчающей государственные и общественные институты», только начинают смутно догадываться, что они, по словам старика Маркса, обречены стать своими собственными «могильщиками». Я, по крайней мере, с невольной иронией смотрю на то, как некоторые политики требуют рынка, рынка, как можно больше рынка и явно не замечают, что тем самым они умерщвляют свой собственный жизненный нерв, перекрывают кран, из которого текут деньги и властные полномочия. Видели ли вы когда-

нибудь подобное бездумно-радостное театральное представление публичного самоубийства?

На чем строится новая власть и могущество транснациональных предприятий? Из чего рождается, каким образом прирастает их стратегический потенциал?

Он рождается из вторжения в материальные жизненные артерии современных национально-государственных образований, вторжения, которое происходит *без* революции, *без* изменения законодательной базы и тем более конституции, а только в процессе нормального функционирования, так сказать, в *business as usual*, обычной деловой активности.

Во-первых, предприятия могут экспортировать рабочие места туда, где расходы по найму рабочей силы и налоги самые низкие.

Во-вторых, они в состоянии (на основе создания информационно-технической близости и соседства в любой точке планеты) *благодаря разделению труда* таким образом рассредоточивать производство продуктов и оказание услуг *в разных местах мира*, что национальная принадлежность фирм способна только вводить в заблуждение.

В-третьих, они в состоянии сталкивать лбами национальные государства и таким образом устраивать глобальные закулисные торги в поисках мест с самыми низкими налогами и самой благоприятной инфраструктурой; они могут также «наказывать» национальные государства, если сочтут их слишком «дорогими» или «враждебно относящимися к инвестициям».

Наконец, в-четвертых, они могут в произведенных и контролируемых ими дебрях глобального производства *самостоятельно определять место для инвестиций, для производства, для уплаты налогов и для жительства* и противопоставлять их друг другу. В результате капитаны бизнеса могут жить в са-

мых красивых местах, а налоги платить там, где они самые низкие.

И все это, разумеется, без обращения в парламент или консультации с ним, без решения правительства, без изменения в законодательстве; для этого не нужна даже публичная дискуссия. Это дает право ввести понятие «субполитика»¹ — не как (теоретическую) возможность заговора, а как дополнительный шанс для деятельности и узурпации власти *за рамками* политической системы, шанс, который во все большей мере получают предприятия, действующие на всем пространстве мирового общества. Баланс власти нарушается, договор о распределении полномочий Первого модерна индустриального общества расторгается и — *без* участия правительств и парламентов, общественности и судов — переписывается в пользу *самостоятельного управления* экономической деятельностью самого собой. Переход к еще не выторгованной, но, во всяком случае, заново переписывающей правила игры в обществе политике глобализации произошел незаметно, в нормальном режиме, в ходе разворачивающейся своим чередом модернизации.

Национальное государство есть государство территориальное, его власть зиждется на связи с определенной местностью (контроль над членством, издание действующих законов, защита границ и т. д.). Мировое общество, которое образовалось в процессе глобализации во многих сферах, а не в одной только экономической, ослабляет, ставит под сомнение могущество национального государства, вдоль и поперек пронизывая его территориальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией

¹ Подробнее о понятии «субполитика» см.: Beck U. *Die Erfindung des Politischen*, Frankfurt/M. 1993, Kap. V, S. 149–171.

социальных зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения. Это проявляется во всех важнейших сферах, на которых держится национально-государственный авторитет: в налоговой политике, в высших полномочиях полицейского аппарата, во внешней политике, в области военной безопасности. Для примера рассмотрим внимательнее налоговую политику.

Взимание налогов — не просто один из принципов авторитета национального государства, а его *главный* принцип. Суверенное распоряжение налогами связано с контролем за хозяйственной деятельностью в пределах определенной территории. Но расширение возможностей хозяйствования в рамках мирового общества делает эту предпосылку все более фиктивной. Предприятия могут производить продукцию в одной стране, платить налоги в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры — в третьей. Обладающие богатством частные лица стали мобильнее, изобретательнее в поисках и использовании лазеек в законодательстве национального государства; те, кто располагает пользующимися спросом знаниями, могут использовать их там, где им будет выгоднее; наконец, бедные могут уехать туда, где, как они думают, в кисельных берегах текут молочные реки. Напротив, попытки национальных государств отгородиться от этих процессов сталкиваются с противоречиями: чтобы выдержать глобальную конкурентную борьбу, отдельным государствам приходится привлекать капитал, людей и знания.

Гладиаторы экономического роста, обхаживаемые политиками, подрывают авторитет государства, когда ратуют за увеличение производства и одновременно уводят у государства налоги. Пикантность ситуации заключается в том, что именно самые богатые становятся *виртуальными налогоплательщи-*

ками, и их богатство не в последнюю очередь покоится на виртуозной ориентации в виртуальном мире. Они подрывают (чаще всего) легальными, но нелегитимными способами благосостояние демократического общества, возможностями которого пользуются.

Журнал «Фортуне», который регулярно публикует список пятисот крупнейших предприятий мира, добившихся наибольших успехов, с ликованием возвещает, что они «преодолели границы ради завоевания новых рынков и подавления локальной конкуренции. Чем больше стран, тем выше доход. Доходы крупнейших пятисот предприятий выросли на 15%, а их оборотные средства только на 11%»¹.

«Доходы ползут вверх, рабочие места сокращаются, — пишет “Шпигель”, — экономическое чудо особого рода отпугивает нацию. На предприятия проникло новое поколение руководителей концернов — приверженцев культа акции по американскому образцу. Самое фатальное заключается в том, что биржа поощряет этих губителей рабочих мест»².

Предприниматели открыли философский камень богатства. Новая магическая формула гласит: капитализм *без труда* плюс капитализм *без налогов*. Поступления от налогов с корпораций и налогов на доходы предприятий упали с 1989 по 1993 год на 18,6%; их доля в общих налоговых сборах государства уменьшилась почти наполовину. «Социальная система нуждается в перестройке, для нее должна быть создана новая база, — аргументирует Андре Горц. — Но в ходе этой перестройки — не демонтажа — следовало бы спросить себя, по-

¹ *Fortune*, New York, 5. 8. 1966, цит. по: Frederic F. Clairmont, *Endlose Profite, endliche Welt*, in *Le monde diplomatique*, 11. April 1997, S.1; там же приводятся данные транснационального развития.

² *Der Spiegel*, 12/1997, S. 92–105; там же приводятся данные о многократном росте доходов на фоне драматического сокращения занятости.

чему создается впечатление, что она не финансируется. Страны Европейского Союза (ЕС) за последние двадцать лет стали богаче на 50–70%. Рост экономики значительно превышал рост населения. И все же ЕС насчитывает сегодня двадцать миллионов безработных, пятьдесят миллионов бедных и пять миллионов бездомных. Куда же девалось дополнительное богатство? Известно, что в США рост экономики обогатил только десять процентов населения. Эти десять процентов получили девяносто шесть процентов дополнительных доходов. В Европе дела обстояли не столь удручающе, но и не намного лучше.

В Германии доходы предприятий выросли с 1979 года на девяносто процентов, зарплата – на шесть процентов. Поступления с подоходного налога за последние десять лет удвоились; налоги с корпораций уменьшились наполовину и составляют всего лишь тринадцать процентов общих налоговых сборов. В 1980 году они составляли двадцать пять процентов; в 1960-м – даже тридцать пять. Останься они на уровне двадцати пяти процентов, государство получало бы в последние годы дополнительно 86 миллиардов марок ежегодно.

Подобное же развитие наблюдается и в других государствах. Большинство транснациональных фирм, таких, как «Сименс» или БМВ, больше не платят налоги внутри страны... Если в этой сфере ничего не изменится... то люди вряд ли станут покорно взирать на то, как сокращаются их пенсии, заработная плата, услуги социального характера»¹.

Транснациональные организации превосходят самих себя рекордными доходами – и массовым сокращением рабочих мест. В конце хозяйственного года правления одно за другим

¹ Интервью Андре Горца в «Франкфурте альгемайне цайтунг» от 1. 8. 1997, с. 1.

сообщают о фантастических прибылях. А в это время политики, в обязанности которых входит оправдание скандального роста массовой безработицы, настаивают на дальнейшем понижении налогового бремени в чаще всего тщетной надежде, что дополнительное богатство богачей даст хотя бы немного новых рабочих мест.

Как следствие этого накапливаются конфликты – в том числе и в хозяйственной сфере, а именно между виртуальными и *реальными* налогоплательщиками. В то время как транснациональные корпорации в состоянии уклоняться от налогообложения в рамках национального государства, малым и средним предприятиям, создающим большую часть рабочих мест, приходится истекать кровью под прессом перестроившейся налоговой бюрократии. Словно в насмешку, история распорядилась таким образом, что именно те, кто оказывается *в проигрыше* от глобализации, в дальнейшем должны будут оплачивать всё, социальное государство и функционирующую демократию, в то время как оказавшиеся в выигрыше получают сказочные прибыли и уклоняются от ответственности за грядущие судьбы демократии.

Но и противоречия «капитализма без труда» дают о себе знать. Менеджеры мультинациональных концернов переводят свои правления в Южную Индию, а своих детей посылают учиться в лучшие европейские университеты, финансируемые национальными государствами. Им и в голову не приходит перебраться жить туда, где они создают рабочие места и платят низкие налоги. Сами они, как чем-то само собой разумеющимся, пользуются дорогостоящими основными политическими, социальными и гражданскими правами, общественное финансирование которых ими же и торпедировается. Они ходят в театры. Наслаждаются природой и ландшафтами, уход за которыми требует больших денег. Окола-

чиваются в еще относительно свободных от насилия и криминала метрополиях Европы. Но своей ориентированной на прибыль политикой они вносят существенный вклад в разрушение этих европейских форм жизни. Позволительно спросить, где будут жить они или их дети, когда государства и демократия в Европе лишатся финансирования?

Что хорошо для «Дойче банк», давно уже нехорошо для Германии. Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и де-факто расторгают договор о лояльности с институтами национального государства. По этой причине падает *внутренний* уровень социальной интеграции соответствующих стран, и падает тем ниже, чем больше он обосновывался чисто экономическими факторами. В этот коварный водоворот попадают прежде всего благоденствующие социальные государства: им приходится выплачивать кодифицированные пособия постоянно растущему числу безработных (их около пяти миллионов в одной только Германии), причем число это увеличивается по мере утраты государствами контроля над налогами, ибо у транснациональных предприятий в их игре за право размещать производство по своему усмотрению на руках оказались одни только козыри. Эти предприятия дотируются многократно: во-первых, оптимизируя мероприятия по созданию инфраструктуры, во-вторых, собирая дотации, в-третьих, уменьшая до минимума налоги и, в-четвертых, экстернализируя расходы по содержанию безработных.

Водоворот, тянущий вниз социальное государство, проявляет себя не только убывающими ресурсами при скачкообразно растущих расходах, но и отсутствием средств для его умиротворения, в то время как пропасть между бедными и богатыми становится все шире. Поскольку национально-государственные рамки утрачивают свою обязательность, те, кто

выигрывает от глобализации, и те, кто от нее проигрывает, оказываются, так сказать, сидящими за разными столами. Новые богатые больше не нуждаются в новых бедных. Добиться какого-то равновесия между ними трудно хотя бы уже потому, что отсутствуют рамки общности, в которых можно было бы локализовать и урегулировать этот выходящий за границы национального государства конфликт¹.

Не составляет труда представить себе, как логика конфликта капиталистической игры с нулевой суммой² заявляет о себе все острее, в то время как средства умиротворения сокращаются и оказываются недостаточными для того, чтобы при форсированном экономическом подъеме возникали условия для роста общественного пирога.

Так проявила свою ненадежность модель Первого, национально-государственного модерна, задуманного и осуществленного на принципе единства культурной идентичности («народ»), пространства и государства; при этом пока не просматривается идея нового единства человечества, планеты Земля и мирового государства или хотя бы желания такого единства.

¹ См. об этом с. 102 и след. наст. изд.

² В теории игр эта игра, в которой выигрыш одного участника в точности равен проигрышу другого. — *Прим. ред.*

Национальное государство между мировой экономикой и индивидуализацией утрачивает свой суверенитет: что делать?

Вывод витает в воздухе: проект модерна, по всей видимости, провалился.

Первыми свидетельство о смерти притязаниям науки на разум и рационализм с радостным энтузиазмом выдали философы *постмодернизма*. То, что выдает себя за универсализм западного Просвещения и прав человека, есть не что иное, как голос «мертвых, старых, белых мужчин», которые подавляют права этнических, религиозных и сексуальных меньшинств, возводя в абсолют свой партийный «метарассказ»¹.

Столетняя тенденция к индивидуализации, утверждают далее постмодернисты, привела к ослаблению социальных связей, к утрате обществом коллективного самосознания и, следовательно, способности к политическому действию. Попытки политических ответов на судьбоносные вопросы о будущем лишились субъекта и локализации в пространстве.

Экономическая глобализация лишь завершает в этой мрачной перспективе то, что постмодернизм готовил в интеллектуальной сфере, а индивидуализация в политической — распад модерна. Диагноз звучит так: *капитализм не нуждается в труде и плодит безработицу*. В результате распадается исторический союз между рыночной экономикой, социальным

¹ Немецкому термину *Metaerzählung* соответствует французский *metarécit*. — Прим. ред.

государством и демократией, который до сих пор сплачивал и узаконивал национально-государственный проект модерна. С этой точки зрения неолибералы являются ликвидаторами западной цивилизации — даже если они выдают себя за ее реформаторов. Их модернизация, если иметь в виду социальное государство, демократию и общество, ведет к смерти.

Но упадок начинается в голове. Фатализм — болезнь, в том числе и болезнь языка. Прежде чем бросаться с Эйфелевой башни, не мешало бы сходить к логопеду. «Понятия стали пустыми, они больше не захватывают, не проясняют, не вдохновляют. Серая пелена, нависшая над миром... возможно, объясняется и тем, что слова заплесневели»¹. То, что представляется распадом, могло бы, если бы удалось преодолеть ортодоксальность взглядов, приведших к краху Первый модерн, стать началом превращения во Второй модерн².

¹ Beck U. *Väter der Freiheit*, in: ders., (Hg.), *Kinder der Freiheit*, Frankfurt/M. 1977, S. 377 f.

² Pater semper insertus. По поводу «Второго модерна» в прессе задним числом разгорелся спор об авторстве. Но отсутствие начитанности и неумение правильно цитировать — еще не основание для подозрений в неоригинальности. «На пути к Второму модерну» — так формулируется название издаваемой мной серии. «На пути к другому модерну» — так звучит подзаголовок моей книги «*Общество риска*», вышедшей в 1986 году в издательстве Suhrkamp. Там тоже делается различие между «простой» и «рефлексивной модернизацией», «первым» и «вторым модерном» — как и во всех книгах, появившихся после этого. Книга «*Изобретение политического*» (вышла в 1993 году в издательстве Suhrkamp) должна была называться сначала «*По ту сторону правой и левой ориентации*», а потом «*Второй модерн*»; по разным причинам от этих названий пришлось отказаться. Впрочем, значение, которое придается тому или иному понятию, играет, наверно, не такую уж важную роль. Между понятиями «второй модерн» и «другой модерн» существует близость и в содержательном отношении. Темы книжной серии — индивидуализация, экологический кризис, общество без работы, даже глобализация — были центральными темами уже в «*Обществе риска*». Догадываюсь, каким будет очередной упрек: «Так, значит, ничего нового!..» Если и есть понятийное родство, то со словосочетанием «незавершенный модерн», предложенным Юргеном Хабермасом. См.: Habermas J. *Jenseits des Nationalstaats?* In: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, Frankfurt/M. 1997.

В книге «Дети свободы» я попытался показать, что с так называемым «распадом ценностей», по-видимому, приходит конец коллективной ортодоксии политической деятельности, а не политической деятельности как таковой. Социально-моральная среда блекнет, но параллельно с этим вырабатываются основы жизненного мира для *всемирного республиканства*, в центре которого свобода отдельного человека.

Разумеется, выступать против мощного мирового рынка нелегко. Это можно делать только при условии, что будет разрушено сложившееся в головах людей представление о всемогуществе этого рынка, которое подавляет способность к действию. Против этого мегапризрака, что бродит по Европе, мне хочется в своей книге пустить в ход камень различения — различия между *глобализмом*, с одной стороны, и *глобальностью* и *глобализацией*, с другой. Это различие имеет целью разрушить территориальную ортодоксию политического и общественного, сложившуюся в проекте Первого модерна, привязанном к национальному государству, и получившему статус категориально-институционального абсолюта.

Глобализмом я называю понимание того, что мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность, для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма. Она действует по монокаузальному, чисто экономическому принципу, сводит многомерность глобализации только к одному, хозяйственному измерению, которое мыслится к тому же линейно, и обсуждает другие аспекты глобализации — экологический, культурный, политический, общественно-цивилизационный, — если вообще дело доходит до обсуждения, только ставя их в подчинение главенствующему измерению мирового рынка. Само собой разумеется, при этом не следует отрицать или преуменьшать центральную роль глобализации, в том числе в выборе и восприятии акто-

ров хозяйственной деятельности. Идеологическое ядро глобализма заключается, скорее, в том, что здесь ликвидируется основополагающее различие Первого модерна, а именно различие между политикой и экономикой. Главная задача политики – определять правовые, социальные и экологические рамочные условия, в которых хозяйственная деятельность вообще становится общественно возможной и узаконенной, выпадает из поля зрения или утаивается. Глобализм позволяет управлять таким сложным образованием, как Германия, – т. е. государством, обществом, культурой, внешней политикой – как простым предприятием. В этом смысле можно говорить об империализме экономической составляющей, благодаря чему предприятия требуют для себя таких рамочных условий, в которых они могут добиваться своих целей с оптимальным успехом.

Странность здесь в том, что таким образом понимаемый глобализм подчиняет своему влиянию и своих оппонентов. Существует не только *утверждающий*, но и *отрицающий* глобализм, который, будучи уверенным в неотвратимом господстве мирового рынка, спасается в различных формах протекционизма:

черные протекционисты оплакивают распад ценностей и ослабление национального начала, но, противореча самим себе, занимаются неолиберальным разрушением национального государства;

зеленые протекционисты видят в национальном государстве отмирающий политический биотоп, защищающий экологические стандарты от вторжения мирового рынка и поэтому, в свою очередь, нуждающийся в защите;

красные протекционисты уже на всякий случай стряхивают со своих одежд пыль классовый борьбы; глобализация для них – всего лишь подтверждение их «правоты». Они радост-

но отмечают праздник возрождения марксизма. Но это утопическая, слепая правота.

От этих ловушек глобализма следует отличать то, что я — следуя за англосаксонской дискуссией — называю глобальностью и глобализацией.

Под *глобальностью* понимается то, что *мы давно уже живем в мировом обществе*, в том смысле, что представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию. Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга. Различные формы экономического, культурного, политического взаимодействия сталкиваются друг с другом, поэтому само собой разумеющиеся вещи, в том числе и самоочевидности западной модели, приходится оправдывать заново. «Мировое общество» имеет в виду общность социальных отношений, которые *не могут* интегрироваться в национально-государственную политику или определяться ею. При этом ключевую роль играет (инсценированная национальными средствами массовой информации) самоидентификация, в результате чего под мировым обществом (в узком смысле) — тут я предлагаю операционный (и политически релевантный) критерий — понимается *воспринимаемое, рефлексивное* мировое общество. Вопрос о том, в какой мере оно существует на самом деле (по теореме Томаса, согласно которой то, что люди считают реальным, и становится реальностью), эмпирически оборачивается другим вопросом: как и в какой мере люди и культуры мира *воспринимают* себя во взаимном переплетении своих различий и в какой мере это самовосприятие в рамках мирового общества становится существенным фактором поведения¹.

«Мир» в словосочетании «мировое общество» означает, следовательно, *различия, многообразие*, а «общество» — *не-ин-*

¹ См. об этом на с. 73 и след., 89 и след., 124–139, 156–163 наст. изд.

тегрированность, поэтому (вместе с М. Олброу) мировое общество можно понимать как *многообразие без единства*. А это предполагает — как будет показано в настоящей книге — очень разные по своей сути вещи: транснациональные формы производства и конкуренцию на рынке труда, глобальную отчетность в средствах информации и транснациональный покупательский бойкот, транснациональные формы жизни, воспринимаемые как «глобальные» кризисы и войны, использование атома в военных и мирных целях, разрушение природы и т. д.

Напротив, *глобализация* имеет в виду *процессы*, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности.

Существенным признаком различия между Первым и Вторым модерном является *невозможность устранить уже возникшую глобальность*. Это означает, что рядом друг с другом существуют различные собственные логики экологической, культурной, экономической, политической и общественно-гражданской глобализации, несводимые друг к другу и не копирующие друг друга, а поддающиеся расшифровке и пониманию только с учетом их взаимозависимостей. Легко предположить, что именно благодаря этому открывается возможность и простор для политического действия. Почему? Потому что только так можно выйти из подчинения деполитизированному глобализму, только при появляющемся в перспективе условии многомерной глобальности лопаются и разлетаются на куски принудительная идеология глобализма. Что же не позволяет устранить глобальность? Восемь причин, сразу обозначу их в кратких тезисах:

1. Расширение географии и нарастающая плотность контактов в сфере международной торговли, глобальное

- переплетение финансовых рынков, увеличивающаяся мощь транснациональных концернов.
2. Продолжающаяся информационная и коммуникационно-технологическая революция.
 3. Повсеместно выдвигаемые *требования* соблюдения прав человека, т. е. принцип демократии (на словах).
 4. Изобразительные потоки охватившей весь мир индустрии культуры.
 5. Постинтернациональная, полицентрическая мировая политика — наряду с правительствами существуют транснациональные акторы, могущество и количество которых постоянно растут (концерны, неправительственные организации, Организация Объединенных Наций).
 6. Вопросы глобальной нищеты.
 7. Проблемы глобального разрушения окружающей среды.
 8. Проблемы транскультурных конфликтов на местах.

В этих условиях новое значение приобретает социология — как исследование того, что значит человеческая жизнь в западне, в которую превратился мир. Глобальность отражает то обстоятельство, что отныне все, что происходит на нашей планете, несводимо к локально ограниченному событию, что все изобретения, победы и катастрофы касаются всего мира и что мы должны нашу жизнь и наши действия, наши организации и институты подвергнуть реориентации и реорганизации в соответствии с осью «локальное — глобальное». Глобальность, понимаемая таким образом, означает новое положение Второго модерна. Это понятие одновременно сводит воедино важнейшие причины, по которым стандартные ответы Первого модерна становятся противоречивыми и непригодными для Второго модерна, поэтому политика Второго модерна должна быть заново определена и обоснована.

В отличие от понятия глобальности *глобализация* есть, выражаясь старомодным языком, диалектический *процесс*, который создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур. «Немножко того, немножко этого – вот путь, каким приходит в мир новое» (Салман Рушди). В этой сложной системе отношений можно по-новому ставить вопросы о *масштабах* и *границах* глобализации, имея в виду прежде всего три параметра:

во-первых, расширение в *пространстве*;

во-вторых, стабильность во *времени*;

и, в-третьих, *плотность* транснациональных сетей связи, отношений и телевизионных потоков.

В этом понятийном контексте можно поставить и следующий вопрос: в чем заключается историческая особенность нынешней глобализации и ее парадоксов в определенных местах (например, в сравнении с развивающейся уже со времен колониализма «мировой капиталистической системой», о которой говорит Иммануэль Уоллерстайн)?¹

Особенность процесса глобализации заключается сегодня (и, возможно, будет заключаться в будущем) в устанавливаемых *эмпирическим путем расширении, плотности и стабильности взаимодействующих регионально-глобальных сетей связи и их массмедиальной самоидентификации, а также социальных пространств и их телевизионных потоков на культурном, политическом, хозяйственном, военном и экономическом уровнях*.² Мировое сообщество – не мега-национальное сообщество, вбирающее в себя и ликвидирующее все национальные об-

¹ Об И. Уоллерстайне см. с. 62–66 наст. изд.

² Это подчеркивает группа ученых под руководством Хелда Д. *Die Globalisierung der Wirtschaft*, in: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, а. а. О.

щества, а отмеченный многообразием и не поддающийся интеграции мировой горизонт, который открывается тогда, когда он создается и сохраняется в коммуникации и действии.

Люди, скептически относящиеся к глобализации, спросят: что тут нового? И ответят: ничего действительно важного. Но они не правы ни в историческом, ни в эмпирическом, ни в теоретическом отношении. Новы не только повседневная жизнь и действия, перешагнувшие национально-государственные границы и покрывшие государства плотной сетью взаимных зависимостей и обязанностей; нова и «не-привязанность к определенному месту» общности, труда и капитала; новы также осознаваемые угрозы экологии и связанные с этим арены действия; ново не поддающееся разграничению восприятие транскультурных «других» в собственной жизни со всеми противоречащими друг другу достоверными фактами; нов уровень циркуляции «глобальной индустрии культуры» (Скотт Лэш/Джон Урри); новы и увеличившееся количество европейских государств, и могущество транснациональных акторов, институций и договоров; наконец, нов размах экономической концентрации, который, правда, притормаживается новой, не признающей государственных границ конкуренцией.

Под глобализацией, таким образом, подразумевается и *отсутствие* всемирного государства. Точнее: наличие мирового общества *без всемирного государства и без всемирного правительства*. Речь идет о расширении глобально дезорганизованного капитализма. Ибо не существует насаждающей гегемонию власти и интернационального режима — ни в экономическом, ни в политическом смысле.

В горизонте этого различения наше сочинение делится в дальнейшем на три части. Во второй части, названной «Что имеет в виду глобализация?», кратко описываются и сопо-

ставляются многозначность, амбивалентность и парадоксы глобальности и глобализации в общественном, экономическом, политическом, экологическом и культурном плане.

Как будет показано в третьей части, озаглавленной «Заблуждения глобализма», игровое пространство, примат политического аспекта могут быть снова завоеваны только в процессе решительной критики глобализма.

В четвертой части – «Ответы на вызов глобализации» – для мозгового штурма публичного в качестве противоядия от наступившего паралича политики намечаются десять отправных точек, которые помогут ответить на политические вызовы глобальной эпохи.

Заключение представляет собой опыт предсказания в духе Кассандры: что произойдет, если ничего не произойдет, – *бразилизация Европы*.

Шок глобализации: запоздалая дискуссия

Дискуссия о глобализации достигла нашей страны и потрясла ее с опозданием. В Великобритании, к примеру, о «g-word», слове, начинающемся на «г», вот уже более десяти лет ведут оживленные и плодотворные споры все политические партии с участием ученых-экономистов, социологов, политологов и историков. Тем неожиданнее оказался *шок глобализации* в Германии.

Одна из причин этого шока состоит в том, что, по преобладающему у нас мнению, глобализация односторонне связывается в первую очередь с уменьшением рабочих мест для местного населения и их перемещением в страны с низкой оплатой труда — и это в то время, когда общество, несмотря на непрекращающийся экономический рост и стремительно повышающиеся прибыли транснациональных концернов, терзает массовая безработица, напоминающая безработицу в Веймарской республике.

Наряду с этим можно назвать еще четыре причины политического шока, вызванного глобализацией и охватившего Центральную Европу, Францию, Австрию, Швейцарию, Италию и особенно Германию.

Во-первых, страны и общества с первичным экономическим самосознанием — «национализм немецкой марки», «экспортирующая нация» — чувствуют себя особенно ущемленными и подвергаемыми опасности со стороны надвигающейся якобы извне глобализации — этим детищем мирового рынка.

Во-вторых, социальные государства, такие, как Франция и Германия, относятся, в отличие от США и Великобрита-

нии, к странам, проигрывающим от процесса глобализации. Они попали в затруднительное положение из-за социальной политики в эпоху экономического глобализма: развитие экономики уходит из-под национально-государственного контроля, в то время как социальные последствия этого процесса — безработица, миграция, нищета — накапливаются в системе национального социального государства.

В-третьих, глобализация до основания потрясает самоидентификацию гомогенного, закрытого, замыкающегося на себя национально-государственного пространства, называемого Федеративная Республика Германия. Великобритания, напротив, была мировой империей, и глобализация для нее — лишь приятное воспоминание о прошлом. Правда, Германия тоже давно уже представляет собой глобальное пространство, в котором сталкиваются культуры мира и их противоречия. Но эта реальность до сих пор была затемнена господствующим представлением о себе как о в значительной мере гомогенной нации. Все это выяснилось в ходе дебатов о глобализации. Ибо глобализация, как уже говорилось, означает прежде всего денационализацию — эрозию, но и возможную трансформацию национального государства в государство транснациональное.

Шок глобализации как шок денационализации ставит под сомнение не только ключевые категории послевоенной идентичности немцев, корпоративную «Германию как модель» с ее специфической социальной системой. Этот опыт и вызов, в-четвертых, плохо согласуется в конечном счете с теми спорными проблемами, которые были вызваны объединением двух Германий. Ведь драма объединения (кое в чем напоминающая супружескую драму) обернулась тем, что немцы стали заниматься собой и задаваться вопросом, что осталось от «немецкой» общности после полувековой жизни врозь и ка-

кие элементы этой общности заслуживают того, чтобы идентифицировать себя с ними? И в ту фазу, когда у немцев пришла пора посмотреть на самих себя и задать себе вопросы, вдруг врывается сообщение о глобализации: национальное государство утрачивает, сверх запланированных уступок компетенций в рамках общего европейского рынка, суверенитет и субстанцию, причем во всех сферах — финансовых ресурсов, политической и экономической свободы действий, информационной и культурной политики, повседневной идентификации граждан. Вопрос о том, как *могут* возникать «транснациональные государства» в ответ на глобализацию¹, что это означает в экономическом, военном, политическом и культурном отношении, обсуждается только в форме кратких тезисов.

Если в угаре удивительного 1989 года еще считалось, что «срастается все, что по сути едино» (Вилли Брандт), то теперь в ходе дискуссии о глобализации ее участники приходят к выводу, что в основе этих надежд — и последующего разочарования в них — лежит устаревшее представление о национально-государственной идиллии. Если унаследованная модель национального государства вообще имеет шанс выжить в новой структуре власти, порожденной мировым рынком и транснациональными акторами и движениями, то только в том случае, если процесс глобализации станет критерием национальной политики во всех сферах (экономика, право, армия и т. д.)

Признать это не дано отдельным людям или общественным и политическим организациям по их собственному усмотрению. Новая ситуация, сложившаяся в мировом обществе, в результате которой становится фикцией представление о

¹ См. об этом с. 188–198 и 228–236 наст. изд.

«национальном» продукте, национальных фирмах, национальной индустрии (и даже о национальных спортивных союзах), *вынуждает* под угрозой наказания в виде экономического, политического и культурного упадка с пониманием отнестись к возможностям, идеологиям, парадоксам и истериям эры глобализации. Но прежде всего к новой расстановке сил, от которой зависят все — кто в большей, кто в меньшей степени. Другими словами: *глобализация есть неустранимое условие человеческой деятельности в конце XX века.*

В связи с этим должны быть заново осмыслены основы Первого модерна. Что значит толерантность? Какое содержание вкладывается в понятие «права человека», которые, в отличие от культуры, должны быть одинаковыми для всех? Кто гарантирует права человека в постнационально-государственном мире? Как спасти, как реформировать перед лицом обостряющейся глобальной нищеты и сужающегося рынка труда социальные гарантии, которые до сих пор в значительной части были заботой национальных государств? Вспыхнут ли в результате разрушения национальных государств новые религиозные войны, чреватые экологическими катастрофами? Или же мы движемся навстречу миру без насилия, который после триумфа мирового рынка придет к отказу от войн? Быть может, мы даже стоим на пороге второго Просвещения?

Все это всплывает в ходе дебатов о глобализации, но никто не знает, не может знать, как ответить на затрагивающие основы цивилизации вопросы, как преодолеть противоречия между бедностью и богатством, между этническими образованиями, между континентами и религиями с их крайне запутанной, полной насилия историей.

Часть вторая

**ЧТО ИМЕЕТ В ВИДУ
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?**

**ИЗМЕРЕНИЯ, КОНТРОВЕРЗЫ,
ДЕФИНИЦИИ**

Контрреволюция терпит крах

Когда рушилась советская империя, Борис Ельцин, тогдашний президент России, обратился с брони танка к населению Москвы с мужественной речью против коммунистических путчистов, и эта речь передавалась не по советскому радио (оно было в руках коммунистов-догматиков), а через искусственный спутник компанией «Си-эн-эн». В этот исторический момент политического решения стало ясно огромное значение глобальной информационной Сети, символизируемое искусственными спутниками: национально-государственная информационная независимость как часть политического суверенитета была аннулирована. Национальные государства больше не могут отгораживаться друг от друга, в их охраняемых вооруженными силами границах появились дыры, во всяком случае, в той их части, которая имеет отношение к вхождению в пространство глобальной коммуникации: *информационная* глобализация.

Отравленное мясо пингвинов

Задолго до этого, в шестидесятых годах, биологи обнаружили в мясе пингвинов с Южного полюса высокие концентрации промышленных ядов, которые какими-то путями из продуктов и дымовых труб химических концернов проникли в самые отдаленные уголки, казалось бы, еще нетронутой природы. На конференции по защите окружающей среды, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 1992 году, этот исторический опыт глобального экологического кризиса был политически конкретизирован и заострен в формуле «устойчивого развития» («sustainable development»). И хотя этот принцип в повседневной политической жизни толкуется всюду разными группами по-разному, хотя

следующая конференция летом 1997 года в Нью-Йорке показала, что такие встречи приводят к очень незначительным политическим последствиям, тем не менее появился масштаб (противоречивый по содержанию и потому нуждающийся в политическом уточнении), которым можно измерять и подвергать критике деятельность или бездеятельность всех общественных акторов во всем мире почти во всех общественных сферах (от производства и потребления до принципов архитектуры, организации дорожного движения и коммунальной политики и др.): *экологическая глобализация.*

Финансовые жонглеры

Несколько лет тому назад один молодой финансовый жонглер с помощью разрешенных и запрещенных транснациональных спекуляций разорил старинный британский банк, который в кратчайшее время потерял несколько миллиардов фунтов стерлингов. В джунглях мирового рынка образовалась новая виртуальная экономика транснациональных денежных потоков, все менее и менее привязанных к материальному субстрату и растворяющихся в игре информационных данных. Вытекающие отсюда новые спекулятивные опасности не поддаются национально-государственному контролю и разрушают основы национальных экономик, причем в перспективе для транснациональных или глобальных экономик не видится никаких дисциплинирующих рамок: *экономическая глобализация.*

Служба оповещения в аэропорту: из Калифорнии в Берлин

Десять минут десятого вечера; в берлинском аэропорту Тегель диктор любезно-равнодушным голосом сообщает устав-

шим от ожидания пассажирам, что их самолет на Гамбург наконец подан под посадку. Голос принадлежит Анжелике Б. из Калифорнии, она сидит перед экраном своего компьютера. Служба оповещения берлинского аэропорта после восемнадцати часов местного времени обслуживается per online из Калифорнии – по простой и понятной причине: во-первых, там не нужно доплачивать за работу в позднее время, во-вторых, плата за точно такую же работу там значительно ниже, чем в Германии. Телекоммуникация позволяет это делать. Распадается, казалось бы, неустранимая предпосылка системы труда в индустриальном обществе: чтобы производить товары и услуги, теперь уже необязательно коллективу людей работать в одном месте. Рабочие места можно экспортировать, а занятых трудом людей «кооперировать» в транснациональном и даже трансконтинентальном масштабе или представлять определенные услуги в «прямом» контакте с их получателем и потребителем. Эту мысль можно развить дальше: если кругосветное путешествие в принципе может быть организовано так, что на всех континентах туриста будет ожидать весна, то и рабочие и производственные процессы теоретически поддаются распределению по земному шару таким образом, что в каждом конкретном месте будет выплачиваться самый низкий тариф и в то же время достигаться необходимый уровень кооперации: *глобализация рабочей кооперации и производства.*

Халед, король Раи

В феврале 1997 года на французский олимп поп-музыки была вознесена и названа лучшей песней года «Айша» – новейший хит иммигранта из Алжира Халеда, называемого также «королем Раи». Примечательно уже то, что гимн арабской девушке передается всеми крупнейшими французскими ра-

диостанциями (а не только захудалыми арабо-язычными). Это указывает на приход во французскую национальную (поп)культуру мигрантов из стран Магриба. В глазах иностранцев Халед даже представляет всю Францию. Его музыку с восхищением слушают в таких непохожих странах, как Египет, Израиль и даже архиконсервативная Саудовская Аравия; существуют локальные версии на древнееврейском и турецком языках, и даже на хинди. Своей музыкой Халед снижает уровень арабофобии на Западе. Его образ и музыка доказывают, что глобализация не обязательно движется в одном направлении и что она может предоставлять региональным музыкальным культурам мировую сцену и признавать их значение: *глобализация культуры*.

Без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым — и наименее проясненным, вероятно, самым непонятым, затуманенным, политически эффективным словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет и останется таковым в ближайшее время. Как показывают приведенные выше примеры, необходимо проводить различие между разными *сферами* глобализации (без претензий на полноту и четкость различения), а именно между *коммуникационно-технической, экологической, экономической, культурной сферами, сферой организации труда, гражданского общества* и т. д. Когда выбирается сфера, которая (почти исключительно) стоит в центре публичных дискуссий, а именно экономическая глобализация, туман не рассеивается. Непонятно, о чем идет речь. О прямых инвестициях немецких фирм в зарубежные страны? О роли крупных транснациональных концернов? О денационализации экономики, т. е. о том, что этикетки национальных фирм и национальных экономик повсюду становятся фикцией, в результате чего процветание «национальной» индустрии перестанет совпадать с процветанием граждан этой нации?

А, может, речь идет о «виртуальной экономике» денежных и финансовых потоков, которая, видимо, отделяется от материального субстрата производства потребительских ценностей? Или о куда более банальной вещи — о том, что немецкая экономика испытывает давление в связи с тем, что в других местах производство обходится дешевле?¹

Эта последняя точка зрения, чаще всего оказывающаяся у нас в стране на переднем плане, нередко переоценивается. Факты не подтверждают, что глобализация в смысле сокращения рабочих мест в Германии и их экспорта в страны с низкой оплатой труда уже состоялась в достойных упоминания масштабах. Поэтому до настоящего времени *данная* форма глобализации *не является* существенной причиной безработицы². Само собой разумеется, отдельные отрасли страдают от конкуренции с менее квалифицированной и оплачиваемой рабочей силой в быстро развивающихся странах Азии и Восточной Европы. Но подобные проблемы приспособления к международному разделению труда вряд ли способны оказывать значительное влияние на всю экономику: ими затронуты лишь около 10% рабочих мест. Кроме того, германский экспорт в эти страны за последнее время тоже превысил средний уровень. Бурный экспорт рабочих мест, не сбалансированный дополнительным спросом на экспортные товары, не зафиксирован³. В этой связи многие говорят о необходимости проводить границу между глобализацией и *интернационализацией*. Это значит, что торговые отношения между высокоразвитыми странами все еще доминируют *внутри* крупных

¹ Подробнее об этом см.: Kommission für Zukunftsfragen, Zweiter Bericht, Bonn 1997.

² О многозначности понятия «глобализация» см.: Hirst P., Thompson G. *Globalization in Question*, Cambridge 1996, p. 1–18.

³ Hengsbach F. *Wetlauf der Besessenen*, Spiegel-Gespräch, 10/1977, S. 40.

экономических пространств Европы, Америки и тихоокеанского региона¹.

Но и вопрос о том, когда началась экономическая глобализация, ведет в усеянные терниями дебри. Одни (Иммануэль Уоллерстайн) относят начало «капиталистической мировой системы» к началу XVI века, к появлению колониализма, другие связывают его с появлением интернациональных концернов. Для третьих глобализация наступает с отменой твердых валютных курсов или с крахом восточного блока²...

Вероятно, именно здесь следует искать причины, почему понятие и дискурс глобализации столь расплывчаты. Пытаться определить их — все равно что гвоздем прибивать к стенке пудинг.

Но нельзя ли все-таки из разных измерений и контrovers глобализации выделить общий знаменатель этого понятия? Вполне возможно. Сплошь и рядом аннулируется центральная предпосылка Первого модерна, т. е. представление о том, что *мы живем и действуем в закрытых, отграниченных друг от друга пространствах и национальных государствах и, соответственно, в национальных обществах*. Глобализация означает познаваемое на опыте уничтожение границ повседневной деятельности в разных сферах хозяйствования, информации,

¹ См. об этом с. 205 и след. наст. изд.

² Начало глобализации разными учеными датируется по-разному.

Автор	Начало	Тема
Маркс	XV век	Современный капитализм
Уоллерстайн	XV век	Капиталистическая мировая система
Робертсон	1870–1920	Многомерность
Гидденс	XVIII век	Модернизация
Перлмуттер	Конец конфликта между Востоком и Западом	Глобальная цивилизация

См. об этом: Pieterse J.N. *Der Melange-Effekt*, in: Beck U. (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, Frankfurt/M. 1977.

экологии, техники, транскультурных конфликтов и гражданского общества, означает, таким образом, нечто в принципе давно знакомое и одновременно непонятное, с трудом понимаемое, нечто такое, что с неодолимой силой меняет нашу повседневную жизнь и принуждает всех приспособляться и отвечать на эти изменения. Деньги, технологии, товары, информация, яды «перешагивают» границы, словно их вовсе не существует. Даже вещи, лица и идеи, которые правительства не хотели бы пускать в свои страны (наркотики, иллегальные иммигранты, критика нарушения прав человека), находят пути проникновения. Понимаемая таким образом глобализация означает аннулирование расстояний, погружение в часто нежелательные и непонятные транснациональные формы жизни или, следуя определению Энтони Гидденса¹, в *деятельность и (со)существование, не признающие расстояний (внешне отделенных друг от друга миров, национальных государств, религий, регионов и континентов)*.

Аннулирование расстояний ведет к тому, что «пространственная матрица мира, во-первых, больше не имеет белых пятен и, во-вторых, в принципе открывает возможность ориентации каждому человеку, независимо от того, в какой точке глобуса он (или она) находится. Благодаря современным средствам коммуникации и передвижения глобализация осуществляется... в принципе без затруднений». Она входит в наш повседневный опыт, становится, так сказать, «формой поведения провинциала. Сегодня трудно представить себе одиссею или робинзонаду в качестве художественных форм освоения мира, так как герои вроде Одиссея или Робинзона покажутся смешными фигурами в эпоху, когда нормальным явлением стал немецко-американский обмен школьниками

¹ Giddens A. *Jenseits von Links und Rechts*, a. a. O., S. 23 ff.

через Атлантику, а протесты европейских парламентариев против испытания Францией ядерного оружия организуются в той точке мира, для достижения которой капитан Кук потратил добрую часть жизни... Местное время многих регионов сжимается в единое нормированное и нормирующее всемирное время, не только потому, что современные средства в состоянии «виртуально» устанавливать одновременность происходящих в разное время событий, благодаря чему каждое, быть может, всего лишь локальное или региональное событие становится частью мировой истории, но и потому, что синхронная одновременность может быть превращена в диахроническую неодновременность и таким образом искусственно воспроизведена цепь причинных взаимосвязей. Возникает «глобус компактного времени». События разного значения, случившиеся в разных точках мира, отныне могут размещаться на *одной* временной оси, а не на многочисленных местных... Когда во Франкфурте открываются биржи по продаже валюты и акций, то уже известно, чем закончились торги в Токио, Сингапуре или Гонконге, а когда открывается биржа на нью-йоркской Уолл-стрит, там уже знают о курсовых тенденциях европейских бирж. Дело еще более упрощается, когда биржевые маклеры работают в различных точках мира круглые сутки, чтобы иметь возможность получать даже минимальные арбитражные доходы... Следовательно, земной шар в экономическом отношении уже не огромен и не широк и в нем нет дальних стран; он уплотнился и стал маленьким благодаря объединенным телекоммуникационной сетью (денежным) рынкам. Ибо расходы на преодоление пространства и необходимое для этого время минимальны, их можно просто не принимать в расчет»¹.

¹ Altvater E., Mahnkopf B. *Die globale Ökonomie am Ende des 20. Jahrhunderts*, in: *Widerspruch*, 31, 16. Jg. 1996, S. 21 f.

Глобализация ставит под сомнение основную предпосылку Первого модерна, а именно то, что А.Д. Смит называет «*методологическим национализмом*»¹, когда контуры общества в значительной мере покрываются контурами национального государства. Напротив, вместе с глобализацией во всех ее сферах возникает не только новое многообразие связей между государствами и обществами; в куда большей мере рушится структура основных принципов, на которых до сих пор организовывались и жили общества и государства, представляя собой *территориальные, отграниченные друг от друга единства*. Глобализация означает разрушение единства национального государства и национального общества; образуются новые силовые и конкурентные соотношения, конфликты и пересечения между национально-государственными единствами и акторами, с одной стороны, и транснациональными акторами, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами — с другой.

¹ Smith A.D. *Nationalism in the Twentieth Century*, Oxford 1979, p. 191.

IV

Открытие мирового горизонта: к социологии глобализации

«Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров, она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара. И вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*, цит. по: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе, М., 1956, т. 4, с. 427–428.

Это цитата не из Неолиберального манифеста 1996 года, а из *Коммунистического манифеста* Маркса и Энгельса, опубликованного в феврале 1848 года. Из него можно вычитать многое. Во-первых, то, что авторы *Коммунистического манифеста* в прямо-таки гимнических выражениях воздают должное революционной роли «буржуазии» в мировой истории; во-вторых, то, что дебаты об «эксплуатации всемирного рынка» датируются значительно более давним числом, чем хотели бы считать участники недавних публичных дискуссий; в-третьих, то, что по иронии судьбы совпадают основные гипотезы неолиберальной и исконно марксистской позиций; и не в последнюю очередь, в-четвертых, то, что национально-государственная точка зрения, еще и сегодня держащая в плену общественные науки, ставилась под сомнение уже в пору своего возникновения, в политических борениях зарождающегося индустриального капитализма.

1. Социология как интеллектуальная дисциплинирующая сила: контейнерная теория общества

«Современная» социология видит себя, если обратиться к одному из ее определений, «современной» наукой о «современном» обществе. При этом схема членения социального пространства не раскрывается и как бы при общем согласии предполагается наличие того, что можно назвать *контейнерной теорией общества*.

Во-первых, общества по этой теории предполагают — политически и теоретически — «государственное распоряжение пространством» (Дж. Эгнью и С. Корбридж). Это означает, что социологический взгляд подчинен дисциплинирующему авторитету — власти и силе национального государства. Выражается это в том, что общества (по определению) под-

чиняются национальным государствам; общества суть государственные общества, общественный строй есть государственный строй. Так, в повседневной жизни и в научных исследованиях говорят о «французском», «американском», «германском» обществе.

В дополнение к этому понятие политической составляющей связывается не с обществом, а с государством, что бывало в истории далеко не всегда (как показывает М. Виролли¹). Только в этой логической и институциональной структуре «современные» общества становятся самостоятельными, ограниченными друг от друга обществами. Ибо во властном пространстве национальных государств они удобно устраиваются, *словно в контейнере*. С другой стороны, «современные» общества по определению являются обществами неполитическими, так как политическую деятельность естественным образом сосредоточивают только в пространстве государства.

Эта упорядочивающая схема, во-вторых, действительна не только для внешних, но и для внутренних образований. Внутреннее пространство отдельных обществ подразделяется на внутренние совокупности, которые, с одной стороны, мыслятся и рассматриваются как *коллективные идентичности* (классы, сословия, религиозные и этнические группы), но, с другой стороны, разделенные и организованные в соответствии с органической метафорой «социальных систем» на отдельные миры со своим хозяйством, политикой, правом, наукой, семейными отношениями и т. д., они выстраиваются и дифференцируются по своим собственным «логикам» («ко-

¹ Так, например, в эпоху раннего итальянского Возрождения понятие политического было тесно связано с обществом; см. об этом: Virroli M. *From Politics to Reason of State: The Acquisition and Transformation of the Language of Politics*, 1250–1600, Cambridge 1992, p. 2 f.

дам»). Внутренняя однородность в значительной части есть порождение государственного контроля. Все виды социальной практики — производство, культура, язык, рынок труда, капитал, образование — стандартизируются, создаются, ограничиваются, рационализируются или хотя бы обозначаются как таковые в рамках национального государства (национальная экономия, национальный язык, литература, общественность, история и т. д.). Государство в качестве «контейнера» претендует на территориальное единство, в котором регулярно собираются статистические сведения об экономических и социальных процессах и ситуациях. Таким путем категории государственного самоконтроля становятся категориями эмпирических социальных наук — с целью подтверждения общественно-научных бюрократических дефиниций реального положения вещей.

В-третьих, рука об руку с этим образом обособленных снаружи и изнутри, устроенных по национально-государственному принципу обществ идет самосознание и *эволюционное представление о самих себе*, которое складывается у современных обществ. Быть современным — значит иметь превосходство над другими. Это универсальное требование выражается в притязании на «освобождение человека от незрелости, в которой он же сам и повинен», (И. Кант) путем установления основных прав и правил демократического саморегулирования. С другой стороны, это желание облагодетельствовать человечество находит свое воплощение сначала в основанной на насилии истории европейского колониализма и империализма, а потом, после Второй мировой войны, в так называемой «политике развития» и «теории развивающихся стран». Не случайно слово «модернизация» впервые возникает в начале пятидесятых годов в названии книги о *модернизации развивающихся стран*. Эмпирические общественные и полити-

ческие науки рассматривают себя, соответственно, то как политических лекарей, то как политических инженеров этого процесса и вырабатывают «социальные индикаторы», которые вроде бы позволяют измерять стадии и успехи модернизации и подвергать их контролю и воздействию со стороны национально-государственных органов. Я не хочу создавать нечто вроде ярмарочного силомера для демонстрации собственной правоты. Аксиоматика выстроенной на национально-государственных принципах социологии Первого модерна в дискуссиях последних лет была изрядно поколеблена. Однако ее запрограммированный взгляд, особенно касающийся организованной практики исследований и отшлифованных контроверз, по-прежнему остается доминирующим, в том числе и в Германии. Но эта контейнерная теория общества позволяет, даже вынуждает заново обратиться к осмыслению начального периода социологии в пору возникновения национального государства в Европе в XIX и первых десятилетиях XX века.

Связь между социологией и национальным государством настолько тесна, что образ «современных», упорядоченных отдельных обществ, обретший вместе с укреплением организационно-политической модели национального государства обязательный характер, благодаря притязаниям классиков общественных наук на фундаментальность в лучшем смысле этого слова был абсолютизирован в логически неизбежный образ общества вообще. Не признавая никакой дифференциации, такие классики современных общественных наук, как Эмиль Юркгейм, Макс Вебер и даже Карл Маркс, придерживаются территориального определения современного общества¹, т. е. национально-государственной модели общества,

¹ Smith A. D. *Nationalism in Twentieth Century*, a. a. O., S. 191 ff.

поколебленной ныне глобальностью и глобализацией. Когда сегодня повсюду идут разговоры о закате «в духе Шпенглера», то это, без сомнения, связано и с тем, что общество и социология застряли в «территориальной ловушке» (Эгнью/Корбридж) отождествления национального государства и общества. Но мир не гибнет, ибо – как сформулировал, противореча самому себе, уже Макс Вебер – свет великих проблем культуры проникает все дальше и ученые вынуждены переосмысливать свои взгляды в новых понятиях и по-новому приспособляться к не поддающемуся интеграции многообразию безграничного мира и ориентироваться в нем.

Ничто так не может помочь в осознании и объяснении этих важнейших предположений, как разработка и освещение *альтернатив*. Социологию глобализации можно представить себе как собрание слабо связанных друг с другом и друг другу противоречащих диссидентов социологии, построенной на национально-государственном принципе. До сих пор речь – в сравнении с *main-stream*, главным течением – все еще идет об отклонениях от основной теории, об установках и направлениях, а часто всего лишь об обещании исследований, которые возникают в совершенно разных культурных и тематических контекстах (от изучения миграции через интернациональный анализ классов, интернациональную политику, теорию демократии вплоть до *cultural theory* и социологии большого города), во многом противоречат друг другу, но тем или иным образом пробивают звуковой барьер национально-государственного мышления; причем – это нужно подчеркнуть – не столько критикой, сколько тем, что выдвигают и разрабатывают мыслительные альтернативы. Иными словами, дискуссию о глобализации, идущую в общественных науках, можно понимать и развивать как плодотворный спор о том, какие основные гипотезы и образы социального мира,

какие *приемы анализа* будут в состоянии *заменить* национально-государственную аксиоматику.

Мышление и исследования в ловушке обособленных, построенных по национально-государственному принципу общественных миров исключают все, что оказывается между этими внутренними и внешними организующими категориями. Это межкатегориальное содержание – все амбивалентное, подвижное, мимолетное, одновременно присутствующее здесь и там – раскрывается, во-первых, в рамках исследований миграции в пределах *транснациональных социальных пространств*.

Во-вторых, теория мировой системы радикальным образом доводит эту мостовую перспективу до прямо противоположной гипотезы, что все социальные действия происходят в *одном всеохватывающем* пространстве – пространстве мировой капиталистической системы, которая ведет к дальнейшему разделению труда и усилению неравенства.

Этот общий взгляд на мировую систему, в-третьих, ставится под сомнение тем, что теоретик политологии Джеймс Розенау называет «двумя мирами всемирной политики», т. е. представлением, что имеется не одно, а по меньшей мере *два* конкурирующих друг с другом общества: общество (национальных) государств и многообразные транснациональные организации, органы, группы, личности, которые создают и развивают паутину социальных отношений.

Во всех названных выше случаях тем или иным образом возникают транснациональные поля действия благодаря тому, что их стремятся создать и поддержать заинтересованные в этом организации. В-четвертых, в *теории мирового общества риска* место центрального единства, обусловленного целью действия, занимает категория нежелательных побочных последствий. Вследствие этого именно глобальные риски (их

социальная и политическая конструкция), т. е. различные экологические кризисы (и их определения) порождают неизвестные ранее мировые беспорядки и волнения.

В-пятых, в исследованиях представителей *cultural theory* гипотеза линейности и принцип «или – или», лежащий в основе национально-государственной аксиоматики, заменяются гипотезой «не только, но и»: глобализация *и* регионализация, связь *и* фрагментация, централизация *и* децентрализация – вот те движущие силы, которые неотделимы друг от друга, как две стороны одной медали.

В-шестых, размышления о транснациональном гражданском обществе позволяют увидеть социокультурные процессы, накопленные знания, конфликты и идентичности, ориентирующиеся на «модель единого мира», на транснациональные социальные движения, на глобализацию «снизу», на новую мировую буржуазию. Аксиоматика, отождествляющая модерн с неполитическим обособленным обществом, здесь бессильна. Мировое общество без мирового государства подразумевает общество, организованное не на политической основе, общество, в котором для не узаконенных демократическим путем организаций появляются новые властные возможности. Это значит, что открывается новое транснациональное пространство для морального и субполитического поведения, что выражается, например, в покупательском бойкоте, а также и в вопросах транскультурной коммуникации и критики. Далее я намерен кратко охарактеризовать основные идеи этих постнациональных и транснациональных общественных образований и соответствующие приемы их исследования; при этом «логика развития» будет противопоставляться динамике глобализации, и таким образом будет набросана сложная картина общественно-политической дискуссии по проблемам глобализации, включающая ее внутренние противоречия.

2. Транснациональные социальные пространства

Лекарством от абстрактности — в том числе и глобальной — могут служить примеры. Что значит «транснациональное социальное пространство»?

а) Африка не континент, а понятие

Как показывает Патриция Аллей-Детмерс в своей работе «Trival Arts»¹, Африка — это не четко очерченная географическая величина, не определенное место на земном шаре, а *транснациональная идея и ее инсценировка*, целенаправленно устраиваемая в разных местах мира — на Карибских островах, в гетто Манхэттена, в южных штатах США, в фавелах (нищенских кварталах больших городов) Бразилии, но также и во время крупнейшего европейского бала-маскарада на улицах Лондона. Выбор масок, музыки, костюмов и танцев заранее планируется и моделируется по тематическому сценарию, составленному в двух направлениях: все это заимствуется из культурного и идейного резервуара под названием «Африка» повсюду в мире и в то же время приспособляется к особенностям черных субкультур в предместьях Лондона.

Африке, инсценируемой на улицах Лондона, нет соответствий на всем африканском континенте. Да и откуда этому соответствию взяться? Где искать Африку в прочерченном границами мировом обществе? В руинах, которые оставили после себя колонизаторы? В лицах обитателей больших городов наполовину модернизированной Африки? В африканских четырехзвездочных гостиницах? В организуемых для туристов сафари? В иллюзиях и надеждах на *back-to-the roots*

¹ In: Beck U. (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, а. а. О.

(возвращение к корням) негро-американцев? В книгах об Африке, написанных в западных университетах? Или на Карибских островах с их пестрой культурой? А то и в борьбе за национальную идентичность в субкультурах черных Британии?

С точки зрения тех, кто планирует танцы и маски для «африканского карнавала» в Ноттингеме, Африка утратила свое географическое место. Африка для них означает некое видение, идею, из которой можно вывести масштабы *черной эстетики*. Это не в последнюю очередь служит определенной цели – обоснованию, учреждению и обновлению африканской национальной идентичности для черных в *Великобритании*. Эта британская (Анти-)Африка в строгом смысле слова является воображаемым сообществом¹ («imagined community»). Она направлена на ослабление и уничтожение отчужденности афро-карибских групп в Англии. Следовательно, Африка «находится» в Ноттингеме.

Но как раз такими парадоксальными и являются отношения в транснациональных «сообществах». То, что здесь «открывается», а на деле *изобретается*, часто противоречит образу, который сложился в головах тех самых транснациональных «африканцев». Большая часть исторической Африки была превращена в рабов и рассеяна по миру. Ее культуры были рассеяны и разрушены. Поэтому и те, кого называют «африканцами» (часто так называют их другие), оторвались от этого образа Африки. Более того: для многих «африканцев» их самоидентификация и подлинная Африка – противостоящие друг другу понятия. Они проклинают это свое состояние. Возможно, они выросли в мешанине культур, которые давно утратили свою однозначность, в которых

¹ Термин Б. Андерсона. См.: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М., Канон-Пресс-Ц., 2001. – *Прим. ред.*

эта особенность — быть черным — оценивалась негативно. В итоге получилось нечто парадоксальное: черные на Карибских островах и в городах Великобритании связывают с понятием «Африка» не-идентичность, не-прогресс, т. е. барабанный бой, танцы, суеверия, обнаженных, неграмотных туземцев, постоянную безнадежность.

В этом можно увидеть негативно оцениваемое отражение евроцентристского образа Африки, усвоенного черными в метрополиях западного мира. Но это лишь обостряет вопрос: что такое «Африка» и где ее место в транснациональном социальном пространстве?

б) Американские мексиканцы и мексиканские американцы

Как уже было сказано, транснациональные социальные пространства аннулируют привязку общностей к определенному месту (имеется в виду привязка, которая мыслится в национально-государственных понятиях). Опробуемый нами образ мышления сводит воедино то, что считается несоединимым: возможность жить и действовать одновременно здесь и там. Лудгер Прис объясняет это на примере изучения миграции¹.

В мире представлений и в мире политики отдельных обществ, организованных по национально-государственному принципу, миграция делится на стадии (поддающиеся разделению изучению на основе причинных связей) и контексты отъезда, странствия, прибытия на новое место и интеграции (которой может и не произойти). Мыслительные и исследовательские послышки транснациональных социальных пространств, наоборот, допускают возникновение чего-то

¹ Pries L. *Transnationale soziale Räume*, in: *Zeitschrift für Soziologie*, Jg. 25, Heft 6/1996, S. 456–472; см. также: Beck U. (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, а. а. О.

нового, третьего: социальных взаимосвязей жизни и деятельности, для которых приемлемы «здесь и там», «не только, но и». Под и между обособленными и упорядоченными мирами образуются «социальные ландшафты» (Мартин Олброу), которые связывают место эмиграции и место иммиграции и преобразуют их.

В работе о транснациональных формах общности, жизни и политической деятельности мексиканцев в Северной Америке и на их родине Лудгер Прис показывает, как осуществляется это повседневное наведение мостов между ними. «Для поддержки некоторых общин индейской народности миштеков в Нью-Йорке были организованы специальные комитеты, которые ставили своей целью, к примеру, прокладку водопроводов в родных местах или восстановление церквей и деревенских площадей и собирали для этого пожертвования у работающих в Нью-Йорке мигрантов. Во время телефонных сеансов связи с ответственными лицами в мексиканских общинах поднимались серьезные вопросы и принимались важные решения. Собранные таким способом в Нью-Йорке средства нередко превосходили расходы на инфраструктуру, выделяемые местными общинами. Важным аспектом и серьезным аргументом стабильности и стабилизации *транснациональных социальных пространств* является то обстоятельство, что мексиканский штат осознал не только огромное экономическое, но и политическое значение миграции рабочей силы. Со времени президентских выборов 1988 года стал особенно ясен критический потенциал мексиканских мигрирующих рабочих (в большинстве своем голосовавших против правящей ИРП, Институционно-революционной партии), и мексиканское правительство проводит активную и целенаправленную политику установления экономических и культурно-политических связей. Бургомистры маленьких мекси-

канских общин, например, приезжают в Нью-Йорк, чтобы предложить здешним ассоциациям мигрантов проекты инвестиций в развитие своих деревень. Наряду со спортивными союзами мигрантов в Нью-Йорке посольство активно поддерживает развитие *групп с острова Гваделупа*, устраивающих в американском мегаполисе культ девы Гваделупской (самой почитаемой национальной святой Мексики). Миграция рабочей силы на разных уровнях мексиканской политики во все большей мере рассматривается уже не только как (пассивный) предохранительный клапан для регулирования проблем в сфере занятости, но и как значительный потенциал прироста капитала и человеческих ресурсов для собственного социально-экономического развития. В результате такой политической ориентации в миграционной системе Мексика – США все активнее создаются институциональные опоры, которые обеспечивают в *транснациональных социальных пространствах* фланкирующую стабильность... Социоэкономические связи между регионами эмиграции и иммиграции вызваны, однако, не только ностальгией по прошлому (приверженность деревенским празднествам) или заботой об оставшемся на родине старшем поколении. В районах проживания индейской народности миштеков, например, развивается экономическая активность, выходящая далеко за пределы чисто исторического характера отношений в сфере миграции. Так, существует фирма «Пуэбла фуд корпорейшн» и семейный клан, занимающийся в Нью-Йорке сбытом *tortillas* (лепешек), который на торговле традиционными мексиканскими продуктами питания заработал миллионное состояние. Между миштеками и Нью-Йорком, таким образом, складываются производственные и рыночные структуры, имплицитующие новое измерение *cumulative causation* (кумулятивной причинной обусловленности): в той мере, в какой динамика мигра-

ционных связей заставляет двигаться потоки мигрирующей рабочей силы, растет спрос на специфически мексиканские продукты питания и услуги, которые, в свою очередь, открывают новые, обусловленные миграцией шансы получить работу в регионах эмиграции и иммиграции...

Прибывающие в Нью-Йорк в поисках работы иммигранты, а также их родственники и знакомые могут рассчитывать, например, на отработанную сеть групп информационной поддержки, специализированных услуг и организаций солидарности (адвокатские конторы, комитеты помощи определенным этническим группам или регионам и т. д.). Целые кварталы (например, северная часть Амстердам-стрит или *neighbourhood*, т. е. район, в Квинсе) свидетельствуют об этой ставшей очень стабильной структуре, на которую транснациональные мигранты могут положиться и которая ими же будет воспроизводиться. Есть виды деятельности и социальные группы (состоящие из мексиканцев и американцев), которые существуют только за счет миграции и интересы которых заключаются в том, чтобы развивать и совершенствовать *транснациональные социальные пространства*. К ним относятся и спортивные союзы, в которых каждое воскресенье встречается часть живущих в Нью-Йорке иммигрантов, в том числе и так называемых *indocumentados*, т. е. не имеющих вида на жительство и работу. В сезон 1966 года в их собственной футбольной лиге было заявлено 65 команд...

В США (до сих пор активнее в Калифорнии, чем в Нью-Йорке) образуются политические группировки и организации (например, «Френте индигена оксакена бинасьональ» или журнал «Миштека аньо 2000»), отстаивающие экономические интересы и права мигрантов. Политический потенциал давления этих групп в США, и прежде всего на мексиканской стороне, нередко превосходит возможности влияния со-

ответствующих местных политиков. Руководитель мексиканской футбольной лиги в Нью-Йорке выразил это так: «Как мексиканцы и простые рабочие-мигранты мы мало что значим, но вдруг нас стали обхаживать мексиканские политики»¹.

Можно предположить, что подобные транснациональные социальные пространства существуют и в Германии (отношения между немцами и живущими в Германии турками), но, насколько мне известно, этот вопрос до сих пор еще не был исследован.

3. Логика, измерения, последствия глобализации

Как было отмечено выше, литературу о глобализации пронизывает основная контроверза². На вопрос, что двигает вперед глобализацию, даются два противоположных (и, в свою очередь, распадающихся на множество вариантов) ответа. Первая группа авторов подчеркивает существование доминирующей «логики», другие авторы работают над теориями, выявляющими сложные, обусловленные многими причинами логики глобализации. Лишь попутно замечу, что эта центральная теоретическая контроверза взрывает смысловое поле слова «глобализация», так как с ним часто связываются *противоположные* значения.

Одновременно повторяется историческая контроверза Макса Вебера между преобладанием экономических аспектов и теоретическим плюрализмом экономических, социальных и культурных начал в тематическом поле социологии глобализации. Попытки поставить в центр *одну* логику рас-

¹ Ibid., S. 461 ff.

² См. об этом McGrew A. *A Global Society?* In: Hall St. u.a. (Hg.), *Modernity and its Futures*, Cambridge 1992, S. 61–116.

крывают центральное измерение глобализации. Сопоставление (внешне) исключаящих друг друга логик приводит к позиции, в которой различные частные логики конкурируют друг с другом.

Сначала рассмотрим те основания, которые *одно* особое измерение и *одну* логику глобализации каждый раз объявляют центральной. Здесь должны быть названы следующие ведущие авторы: Уоллерстайн, Розенау, Гилпин, Хелд, Робертсон, Аппарадураи, а также – в качестве общего знаменателя – Гидденс. Уоллерстайн, одним из первых начавший в семидесятих годах сталкивать социальные науки с вопросами глобализации, ввел в обиход понятие «*мировая система*»; для него мотором глобализации является капитализм. Напротив, Розенау, Гилпин и Хелд занимались проблемами интернациональной политики. Они ставили под сомнение национально-государственную ортодоксию, подчеркивая, во-первых, значение технологической глобализации (общество знания и информации) и, во-вторых, делая акцент на военно-политических факторах и точках зрения (политика силы).

Без сомнения, как уже упоминалось, особенно сильно и на продолжительное время мышление в понятиях национально-го государства потрясли экологический кризис и широкое – после конференции 1992 года в Рио-де-Жанейро – признание его последствий. Мировое общество под аккомпанемент обвинений в том, что оно является «мировым обществом *риска*», пришло к необходимости осмыслить свое положение.

Робертсон, Аппарадураи, Олброу, Фезерстоун, Лэш, Урри и многие другие предпочитали аргументацию в традициях *cultural theory*. Они решительно возражали против распространенного представления о *макдоналдизации* мира. *Культурная* глобализация не означает, что мир в культурном отношении становится более однородным. Глобализация означает,

скорее, «г-локализацию», т.е. в высшей степени противоречивый процесс как в том, что касается его содержания, так и в том, что касается многообразия его последствий. Два самых противоречивых последствия для стратификации мирового общества: *глобальное богатство, локальная бедность* (Бауман), а также *капитализм без труда*.

Каждый из этих авторов относит происхождение и последствия глобализационной динамики в первую очередь к *одному* сектору институциональной деятельности: к экономике, технологии, международной политике, экологии, культурам или, соответственно, к мировой индустрии культуры, а также к новому социальному неравенству в мировом масштабе. Из взаимодействия этих перспектив возникает образ плюралистической социологии глобализации.

а) Капиталистическая мировая система: Уоллестайн

Концепция транснациональных социальных пространств является теорией среднего уровня. Она взламывает национально-государственную точку зрения на общество, заменяя контейнерную теорию общества, представление о мирах, отделенных друг от друга по национально-государственному принципу, *третьими* формами жизни, т. е. транснационально интегрированными, пересекающими установленные границы пространствами социальной деятельности.

Метафора пространства применяется здесь необоснованно: главным признаком этих пространств является то, что они *аннулируют* расстояния. Слово «транснациональный» означает, что возникают формы жизни и деятельности, внутренняя логика которых объясняется той изобретательностью, с которой люди создают и поддерживают «не признающие расстояний» социальные жизненные миры и взаимосвязи дей-

ствий. Тем самым перед социологическим исследованием встает вопрос: как стало возможным появление транснациональных жизненных миров, не признающих расстояний и границ? Каким образом отдельным индивидам, нередко преодолевающим сопротивление национально-государственной бюрократии, удастся их выстраивать и поддерживать в рабочем состоянии? Идет ли при этом речь о внегосударственных, быть может, даже о внеинституциональных начальных формах транснациональных мировых обществ? Какие ориентации, ресурсы, институции благоприятствуют или мешают этому процессу? Какие политические последствия (дезинтеграция или транснациональная мобилизация) с ними связаны?

Ясно, что в этих транснациональных социальных ландшафтах смешивается (часто иллегально) и происходит нечто такое, что торчит бельмом в глазу национально-государственного контроля и притязаний на порядок. Здесь образуются «нечистые» жизненные миры и взаимосвязи действий. При анализе этих явлений социология должна отказаться от принципа «или – или» и взять на вооружение принцип соположения специфических, *поддающихся различению* форм жизни.

Уоллерстайн решительно заменяет образ изолированных друг от друга отдельных обществ противоположным образом *единой* мировой системы, в котором – в *едином* способе разделения труда – вынуждены объединяться и утверждать себя *все* общества, все правительства, все предприятия, все культуры и классы, все домашние хозяйства, все индивиды. Эта единая мировая система, которая задает форму отношений между социальными неравенствами в мировом масштабе, складывается, по Уоллерстайну, вместе с развитием капитализма. По своей внутренней логике, считает он, капитализм неизбежно имеет глобальный характер.

Возникшая в Европе в XVI веке капиталистическая динамика охватывает и кардинальным образом изменяет все новые и новые традиционные «континенты», пространства, ниши социальной жизни. «Весь земной шар внутри этой системы подчиняется правилам *обязательного, всеобщего* разделения труда, которое мы называем капиталистической экономикой»¹.

Капиталистическая мировая экономика состоит из трех основных элементов. Во-первых, она, образно говоря, охвачена единым рынком, который работает по принципу максимального увеличения прибыли.

Вторым основным элементом является наличие ряда государственных структур с разной степенью влияния внутри и вне отдельных обществ. Эти государственные структуры служат прежде всего тому, чтобы «препятствовать» «свободному» функционированию капиталистического рынка и его попыткам *улучшить* шансы одной или нескольких групп на получение высоких доходов.

Третий существенный элемент мировой капиталистической экономики состоит, по Уоллерстайну, в том, чтобы обеспечивать присвоение результатов прибавочного труда в такой системе эксплуатации, которая охватывает не два класса, а три ступени: с *центральными пространствами, полупериферией и периферийными странами*. (Вопрос о том, какие страны и регионы мира на основании каких критериев относить к этим ступеням, порождает трудноразрешимые историко-эмпирические контрверзы.)

В то время, следовательно, как европейский капитализм после краха восточного блока создает сегодня универсаль-

¹ Wallerstein I. *Klassenanalyse und Weltsystemanalyse*, in: R. Kreckel (Hg.), *Soziale Welt, Sonderband 2*, Göttingen 1983, S. 303.

ное экономическое пространство — пространство глобального рынка, — человечество распадается на национальные государства и идентичности со своим собственным пониманием суверенитета и происхождения. Одновременно в мировой системе происходит умножение и обострение конфликтов, ибо эта система порождает не только неслыханные богатства, но и неслыханную бедность. Образцы глобального неравенства создаются в соответствии с принципом тройного деления социального пространства на центр, полупериферию и периферию — деления мира, который интегрируется в полную конфликтов мировую систему.

Периодически возникающие кризисы ведут, по Уоллерстайну, к процессам реструктурирования, которые обостряют распределение власти и неравенства. Одновременно растет уровень противоречий в рамках мировой системы. Уоллерстайн делает вывод о том, что универсализация и углубление капиталистической логики вызывают сопротивление в мировом масштабе.

В связи с этим он называет антизападную, направленную против современного образа жизни фундаменталистскую реакцию, а также движения в защиту окружающей среды и течения неонационализма. Внутренняя логика мировой капиталистической системы, следовательно, порождает как интеграцию мира, так и его распад. На кёстнеровский вопрос о позитивном начале¹ Уоллерстайн не находит ответа. Он полагает, что в конце концов нас ждет распад мировой системы.

¹ Имеется в виду стихотворение немецкого поэта-сатирика Эриха Кёстнера (1899–1974) «*Где же позитивное начало, господин Кёстнер?*» (в переводе К. Богатырева), которое начинается строфой: «Вы шлете мне письма. И мне это лестно.//Но в каждом вопрос, как на страшном суде://”Где все хорошее, Эрих Кёстнер?”//А черт его знает где!» — *Прим. перев.*

Этот способ аргументации (воспроизведенный здесь только в крайне упрощенном виде) характеризуется двумя признаками: монокаузальностью и сугубо экономическим подходом. Глобализация понимается исключительно как институционализация мирового рынка.

Против этого можно выдвинуть по крайней мере три критических возражения. Во-первых, очевидны трудности историко-эмпирического истолкования и верификации этой теории. Во-вторых, глобализация начинается у него с открытия Колумбом Америки и покорения Нового Света, следовательно, все остальное – лишь историческая спецификация в конце XX века. Это означает, что предлагаемый Уоллерстайном подход не позволяет определить исторически новое в транснациональных отношениях.

В-третьих, он, вопреки всякой логике, пользуется *линейной* аргументацией. Поставленный уже Марксом и Энгельсом в *Коммунистическом манифесте* вопрос о том, не порождает ли мировой рынок незаметно и невольно *космополитические* конфликты и идентичности, им не ставится и не исследуется¹.

б) Постинтернациональная политика: Розенау, Джилтин, Хелд

С национально-государственным образом мышления прерывает и Розенау; но не благодаря тому, что на место анархии национальных государств он ставит мировую систему мирового рынка, а благодаря различению двух фаз международной политики. Глобализация в системе его взглядов означает, что у человечества за спиной осталось столетие междуна-

¹ Теорию мировой системы развил и разработал Фолькер Борншир, см.: Bornschie V./Trezzini B. *Jenseits von Dependenz-versus Modernisierungstheorie: Differenzierungsprozesse in der Weltgesellschaft und ihre Erklärung*, in: Müller H.-P. (Hg.), *Weltsystem und kulturelles Erbe*, Berlin 1996, S. 53–79.

родной политики, когда национальные государства доминировали на международной арене, монополизировали ее. Теперь начался век постинтернациональной политики, когда национально-государственные органы вынуждены делить глобальную арену и власть с интернациональными организациями, транснациональными концернами и транснациональными социальными и политическими движениями. Эмпирически это проявляется среди прочего в том, что ряд интернациональных организаций, включая организации неправительственные (такие, как «Гринпис»), достигли небывалого влияния, и это влияние, судя по всему, будет возрастать.

На вопрос о том, не обманчиво ли впечатление, что внешняя политика США идет другими путями, следует другим концепциям, американский государственный секретарь по внешнеполитическим проблемам Тимоти Вирт отвечает: «Изречение “мыслить глобально, действовать локально” на наших глазах становится реальностью. Мы видим, как все большее значение приобретают международные учреждения и решения. Постепенно нарастает ощущение, что народами можно управлять не только на чисто национальном уровне, но и через новые интернациональные институты. Внешнеполитический истеблишмент начинает мыслить в иных измерениях, нежели измерения военной и экономической власти, власти пули и доллара. Сегодня возникают глобальные проблемы — охватывающие весь мир программы обеспечения прав человека и оказания помощи беженцам, а также обуздание коррупции и предупреждение экологических катастроф. Эта глобальность изменяет наше мышление».

А на вопрос, какую роль играют в его концепциях граждане и гражданские инициативы, он дал следующий ответ: «Растущее влияние базисных инициатив — второй, наряду с интернацио-

нализацией, вызов существовавшей до сих пор политической концепции. Ощущается очень сильная тенденция к децентрализации политики. Она возникает уже благодаря одним только новым возможностям коммуникации. Факс и Интернет все больше становятся привычными вещами повседневного пользования. Любой человек может мгновенно связаться с другим человеком в любой точке земного шара, не обращаясь к помощи правительственных каналов или дипломатов»¹.

Переход от национального столетия к столетию постнациональному Розенау, в свою очередь, обосновывает, во-первых, интернациональной политической системой и, во-вторых, тем, что моноцентрическая структура власти соперничающих друг с другом государств заменяется полицентрическим распределением власти, в котором конкурирует и кооперируется друг с другом великое множество транснациональных и национально-государственных организаций и предприятий.

Таким образом, существуют две арены глобальных обществ: во-первых, это *общество государств*, в котором правила дипломатии и национальной власти по-прежнему играют ключевую роль; и во-вторых, это мир *транснациональной субполитики*, в котором задействованы такие разные организации, как мультинациональные концерны, «Гринпис», «Эмнести интернешнл», но в то же время Всемирный банк, НАТО, Европейский Союз и т. д.

Полицентрическая мировая политика

Противоречие между *двойным* мировым обществом и теорией мировой системы очевидно: на место экономически управляемой системы мирового рынка Розенау ставит *полицен-*

¹ Wirth T. *Politikstil der Zukunft*, in: *Die Macht der Mutigen, Spiegel Spezial*, 11/1995, S. 8.

трическую мировую политику, в которой не имеют исключительного права голоса ни капитал, ни национально-государственные правительства, ни Организация Объединенных Наций, ни Всемирный банк, ни «Гринпис»; *все они борются за достижение своих целей, правда, с разными шансами на успех.*

Переход от национально-государственной политики к политике полицентрической возвращает Розенау – в противоположность Уоллерстайну – к *технологическому* измерению глобализации и ее внутренней динамики. В своих научно-политических работах он каждый раз приходит к выводу, что плотность и значение интернациональных взаимозависимостей обретают новое качество. На вопрос, почему это происходит, он отвечает: благодаря колоссальному и все еще не закончившемуся развитию информационных и коммуникационных технологий. «Именно технология, – аргументирует Розенау, – устранила географические и социальные пространства с помощью сверхзвуковых самолетов, компьютеров, спутников Земли и многих других открытий, которые позволяют сегодня все большему количеству людей, идей и товаров быстрее и увереннее преодолевать время и пространство, чем когда бы то ни было. Резюмируя, можно утверждать, что именно технология усилила взаимозависимости между локальными, национальными и интернациональными обществами, причем в масштабах, неведомых ни одной исторической эпохе»¹.

Розенау, таким образом, предлагает комбинацию двух аргументов: появление информационных обществ и обществ знания, а также заложенное в них устранение расстояний и границ как следствие умножения транснацио-

¹ Rosenau J. *Turbulence in World Politics*, Brighton 1990, S. 17.

нальных учреждений и организаций. Эта неизбежно полицентрическая мировая политика¹ характеризует ситуацию, в которой:

– действуют параллельно, сотрудничают или противостоят такие транснациональные организации, как Всемирный банк, католическая церковь, Международное объединение социологов, «Макдоналдс», «Фольксваген», наркокартели, итальянская мафия, а также новый Интернационал неправительственных организаций;

– политическую повестку дня определяют такие *транснациональные проблемы*, как изменение климата, наркотики, СПИД, этнические конфликты, финансовые кризисы;

– к волнениям в разных странах и на разных континентах приводят благодаря спутниковой телекоммуникации такие *транснациональные события*, как первенство мира по футболу, война в Персидском заливе, предвыборная борьба в Америке или романы Салмана Рушди;

– возникают транснациональные «общности», основанные, например, на религии (ислам), на знании (эксперты), на стилях жизни (поп, экология), на родстве (семьи), на политической ориентации (движение за сохранение окружающей среды, потребительский бойкот и т. д.) и

– такие *транснациональные структуры*, как формы трудовой и производственной кооперации, банки, финансовые потоки, научные технологии на всем пространстве земного шара создают и стабилизируют деловые и кризисные взаимосвязи.

Напротив, понимание глобализации Джилпином характеризуется, во-первых, скептическим отношением к любой риторике обновления; во-вторых, он занимает позицию, близ-

¹ Подробнее об этом см.: McGrew. *A Global Society?* А. а. О.

кую к ортодоксальной точке зрения на международную политику и, так сказать, аргументирует, исходя из внутренней логики этой позиции. В то же время и Джилпин видит, что национальные государства сегодня больше, чем когда-либо, привязаны, если не сказать прикованы, друг к другу, и в будущем эти связи только усилятся. В противоположность Уоллерстайну и Розенау он, однако, подчеркивает, что глобализация возникает только при определенных условиях в международной политике, что она является продуктом «пермиссивного» глобального порядка, т. е. такого порядка между государствами, который позволяет создавать, развивать и поддерживать сеть взаимосвязей и взаимозависимостей за рамками национально-государственных авторитетов и между этими авторитетами.

Глобализация, понимаемая как экспансия транснациональных пространств и организаций, при таком понимании остается, как это ни парадоксально, зависимой от национально-государственного авторитета, точнее, от *гегемониальной* власти. Предпосылкой для глобализации является, так сказать, молчаливое *разрешение* со стороны национально-государственной власти. Открытость, пермиссивность, необходимая для того, чтобы обеспечить развитие мирового рынка, мировых церквей, международных концернов и многочисленных неправительственных организаций, считает Джилпин, может существовать и процветать только под сенью соответственной государственной концентрации власти.

С этой точки зрения, защищающей примат политики национального государства по отношению к другим органам, глобализация остается *случайной*, т. е. уязвимой; а именно в том смысле, что возникновение и развитие транснациональных социальных пространств и акторов предполагает гегемониальную структуру власти и интернациональный политиче-

ский режим. Только это гарантирует в случае необходимости открытость миропорядка.

«Моя позиция состоит в следующем: чтобы поддерживать существование либерального международного рыночного строя, необходим гегемон... Исторический опыт учит, что там, где эта либеральная и одновременно доминантная власть отсутствовала, развитие интернациональных рыночных и кооперативных отношений чрезвычайно затруднялось или оказывалось невозможным по одной простой причине: все было чревато конфликтами. Развитие рынка и его интегрирование в глобальную сеть было бы невозможным без обеспечивающей это развитие и способствующей ему либеральной гегемониальной власти»¹.

Расчлененный, скованный суверенитет

Теории гегемониальной структуры власти как условия глобализации может и должно быть противопоставлено то, что лежащее в ее основе понятие политического суверенитета устаревает в ходе глобализации. Это аргумент Дэвида Хелда. Он показывает, как национально-государственная политика благодаря международным соглашениям, интернационализации процессов принятия политических решений, благодаря растущим зависимостям в обеспечении безопасности (включая далеко зашедшую интернационализацию производства вооружений), а также благодаря международному обращению товаров и разделению труда теряет то, что составляет ядро ее власти, — свой суверенитет.

В ходе глобализации, пишет Хелд, «возникает сложное распределение условий и сил, которое постоянно ограничивает

¹ Gilpin R. *The Political Economy of International Relations*, Princeton 1987, S. 88 und 85.

свободу действий правительств и государств, ставя пределы их собственной внутренней политике, трансформируя условия принятия политических решений, радикально изменяя институциональные и организационные предпосылки и контексты национальной политики; меняются установленные законом рамочные условия административной и политической деятельности, в том смысле, что теперь уже едва ли возможны ответственность и вменяемость последствий национально-государственной политики. Если представить себе хотя бы только эти последствия глобализации, то можно считать оправданным утверждение, что дееспособность государств в постоянно усложняющемся международном окружении урезает как государственную автономию (в некоторых сферах радикально), так и государственный суверенитет. Любая теория национального суверенитета, которая понимает суверенитет как неустранимую и неделимую форму общественной власти и силы, строится на недооценке сложности ситуации. Суверенитет сегодня следует понимать и изучать как расчлененную власть, расчлененную между целым рядом национальных, региональных и интернациональных акторов и являющуюся — по причине этой имманентной множественности — ограниченной и скованной»¹.

в) Мировое общество риска: экологическая глобализация как принудительная политизация

Если задаться вопросом, какой политический опыт связан с экологическим восприятием кризиса, то наверняка можно натолкнуться на многие ответы, в том числе и на следующий:

¹ Held D. *Demokratie, Nationalstaat und die globale Weltordnung*, in: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, а. а. О.

речь идет о цивилизационном саморазрушении, в котором виноваты не Бог, не боги или природа, а человеческие решения и промышленные успехи, которое порождается самими цивилизационными притязаниями на формы выражения и контроля. Другой стороной этого опыта является *хрупкость* цивилизации, которая – если взглянуть на ситуацию с политической точки зрения – способна породить общую судьбу. Слово «судьба» употреблено здесь к месту в той мере, в какой *все* мы можем столкнуться с последствиями научно-промышленных решений; это же слово окажется лишенным смысла, если иметь в виду, что грозящие нам опасности являются результатом решений, принятых людьми.

Таким образом, экологический шок способствует созданию точно такого же опыта, какой политологи соотносили с насилием во время войн. Правда, с одной характерной особенностью. Общность национальной истории всегда сохранялась благодаря диалектическому соотношению образов врага. Кризисное экологическое сознание в состоянии паники и истерии тоже может обернуться взрывом насилия по отношению к определенным группам людей и к их делам. Но в то же время впервые появляется возможность осознать общность судьбы, которая - довольно парадоксальным образом – вследствие беспредельности возникающей угрозы пробуждает повседневное *космополитическое* сознание и, вероятно, даже делает несущественной разницу между человеком, животным и растением: общество возникает в борьбе с опасностями; в борьбе с глобальными опасностями создается глобальное общество; но не только это дает повод говорить о мировом обществе риска¹.

¹ См. об этом: Beck U. *Risikogesellschaft*, a.a.O.; Beck U., *Gegengifte: Die organisierte Unverantwortlichkeit*, Frankfurt/M. 1988.

То, как постнациональная социальная действительность воспринимается и рассматривается названными выше авторами, при всех разногласиях между ними, в существенном моменте совпадает: все они исходят из того, что и транснациональные социальные пространства возникают только вследствие интенционального действия; или, другими словами, предполагают наличие обусловленных определенной целью действующих лиц и институций. Это предположение опровергается теорией мирового общества риска, которая говорит о невозможности дальнейшей экстернализации побочных последствий и опасностей, являющихся следствием высокоразвитых индустриальных обществ. Будучи конфликтами риска, они ставят под сомнение всю институциональную структуру. Благодаря этому возникает понимание, что транснациональные социальные пространства могут загадочным, чреватым многочисленными конфликтами образом создаваться «за спиной людей» как следствие *нежелательных, оспариваемых, вытесняемых* угроз.

На это можно было бы возразить, что осознаваться должны и непреднамеренные последствия, если от них ждут воздействия на политику. Отрицать этого нельзя. Но политико-экономические и культурные проблемы мирового общества риска можно понять лишь в том случае, если признать, что публично обсуждаемые опасности представляют собой своего рода «негативную валюту». Это деньги, которые никому не нужны, но они проникают повсюду, требуют к себе внимания, вводят в заблуждение, подрывают устои, ставят на голову то, что, казалось бы, прочно стояло на ногах.

Обратимся к недавней трагикомедии, произошедшей в реальной действительности, — к истории с коровьим бешенством в Европе, точнее, к одному из аспектов этой истории. Кто летом 1997 года заглядывал в меню в одном из рестора-

нов верхнебаварской провинции, защищенной от болезни, как утверждают, британского происхождения многими границами и обещанием политических гарантий, тот задерживался взглядом на фотографии улыбающегося крестьянина, живущего в полном согласии со своими коровами и своими детьми. Эта фотография и намек, что бифштекс, который вы собираетесь заказать, приготовлен из мяса изображенных на снимке коров, должны восстановить доверие, разрушенное идущими отовсюду сообщениями о якобы *британском* происхождении этой болезни.

Существует три вида глобальных опасностей¹: во-первых, это конфликты, связанные с «пороками», которые являются обратной стороной «выгод», т. е. вызванные стремлением к обогащению технико-индустриальные угрозы (такие, как озоновые дыры, парниковый эффект, а также непредвиденные, не принимаемые в расчет последствия генной инженерии и ретрансплантационной медицины).

Во-вторых, это разрушение окружающей среды и технико-индустриальные опасности, *обусловленные бедностью*. Комиссия Брундтланд впервые указала на то, что разрушение окружающей среды — не только следствие развивающегося модерна; напротив, существует тесная связь между бедностью и разрушением экологии. «Неравенство — важнейшая проблема окружающей среды на планете; одновременно оно и важнейшая проблема развивающихся стран»². Комплексный анализ условий жизни населения, сокращения генетических и энергетических ресурсов, функционирования промышленности, питания и расселения людей со всей очевидностью по-

¹ Подробнее об этом см.: Beck U. *Weltrisikogesellschaft*, in: Jaeger Carlo C. (Hg.), *Umweltsoziologie, Sonderheft der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, Opladen 1996, S. 119–147.

² United Nations 1987, S. 6.

казывает, что все это тесно взаимосвязано и не может рассматриваться вне зависимости друг от друга.

«Однако между разрушением окружающей среды в результате роста благосостояния и разрушением окружающей среды в результате распространения бедности, — пишет Михаэль Цюрн, — есть существенная разница: если многие экологические угрозы, вызванные стремлением к обогащению, являются результатом экстернализации издержек производства, то применительно к разрушению окружающей среды, обусловленному бедностью, речь идет о саморазрушении бедных с побочными последствиями и для богатых. Другими словами: разрушение окружающей среды, вызванное тягой к обогащению, распределяется по планете равномерно, в то время как обусловленные бедностью разрушения накапливаются в первую очередь на местах и приобретают интернациональный характер только в форме побочных эффектов, проявляющихся в среднесрочном режиме»¹.

Наиболее известным примером данного явления служит вырубка тропических лесов (сегодня ежегодно вырубается 17 миллионов гектаров джунглей); к другим примерам относятся ядовитые отходы (в том числе импортируемые) и устаревшие крупные технологии (например, химической и атомной промышленности), в будущем к ним добавятся геновая индустрия, а также исследовательские лаборатории, занимающиеся геной инженерией и генетикой человека. Эти угрозы появляются в контексте начинающихся и прекращающихся процессов модернизации. Набирает силу промышленность, обладающая технологическим потенциалом разрушения окружающей среды и жизни, тогда

¹ См. об этом: Zürn M. *Globale Gefährdungen und internationale Kooperation*, in: *Der Bürger im Staat*, 45/1995, S. 51. Из этого труда позаимствованы идеи и данные настоящей типологии.

как страны, где расположены соответствующие предприятия, не располагают институциональными и политическими средствами для предотвращения возможных разрушений.

Применительно к угрозам, вызванным богатством и бедностью, речь идет о «нормальных опасностях», которые чаще всего возникают в результате отсутствия (в данной стране) или использования непродуманных мер обеспечения безопасности и таким образом распространяются по всему миру. *В-третьих*, угроза применения *оружия массового уничтожения* (атомного, биологического и химического), напротив, связана с чрезвычайным положением во время войны (в отличие от исходящей от этого оружия потенциальной угрозы). Опасность регионального или глобального самоуничтожения ядерным, химическим или биологическим оружием не устранена и после прекращения конфронтации между Востоком и Западом, скорее, она вырвалась из-под контроля сверхдержав, попавших в «патовую атомную ситуацию».

К опасностям военно-государственной конфронтации добавляются опасности (надвигающегося) фундаменталистского терроризма и терроризма частных лиц. И совсем нельзя исключать того, что в будущем новым источником опасности станет не только военно-государственное, но и частное владение оружием массового уничтожения и сложившийся на этой основе (политический) потенциал угроз.

Различные глобальные очаги опасности будут дополнять друг друга и обостряться; это означает, что в связи с взаимодействием между разрушением экологии, войнами и последствиями прерванной модернизации встанет вопрос, в какой мере экологические разрушения способствуют разжиганию военных конфликтов — будь то вооруженные стычки из-за жизненно необходимых ресурсов (вода) или призывы эколо-

гических фундаменталистов на Западе к применению военной силы, чтобы предотвратить разрушение окружающей среды (сходные, например, с требованиями прекратить вырубку тропических лесов)?

Нетрудно себе представить, что страна, живущая в растущей нищете, будет эксплуатировать окружающую среду до последнего. В отчаянии (или с целью политического прикрытия отчаяния) она может попытаться силой оружия захватить чужие ресурсы, необходимые для выживания. Экологические разрушения (например, наводнение в Бангладеш) могут вызвать массовый исход жителей, который тоже в состоянии привести к военным конфликтам. Воюющие страны на грани поражения также могут прибегнуть к «последнему средству» — уничтожению своих и чужих атомных и химических предприятий, чтобы создать угрозу уничтожения для приграничных районов и крупных городов. Фантазии, конструирующей чудовищные сценарии взаимодействия различных источников опасности, нет предела. Цюрн говорит о «спирали разрушения», последствия которой можно приплюсовать к тому великому кризису, в который вливаются все другие кризисные явления.

Именно это имеет в виду диагноз мирового общества риска: перечисленные выше глобальные угрозы делают шаткой несущую конструкцию традиционных расчетов безопасности; вредные последствия утрачивают пространственно-временные границы, обретают устойчивый глобальный характер; ответственность за причиненный ущерб уже нельзя возложить на определенные инстанции — принцип причинно-следственной связи теряет остроту различения, ущерб больше невозможно компенсировать из финансовых источников, бессмысленно искать спасения от последствий наихудшего варианта глобальной спирали уничтожения. Стало быть, не существу-

ет и планов выживания, если такой наихудший вариант станет реальностью.

Уже из этого ясно, что не существует глобальных опасностей как таковых, что они, скорее, перемешаны и до неузнаваемости нагружены социальными, этническими и национальными конфликтами, которые с особой силой обрушились на мир после завершения конфронтации между Востоком и Западом. Так, в постсоветских республиках безжалостный диагноз разрушения окружающей среды сочетается с политической критикой имперского использования природных ресурсов. Защита «своей земли» в этом смысле сопряжена с притязаниями на использование природных ресурсов и с правом на национальный суверенитет.

Дискуссия о мировом обществе риска тоже может привести к чрезмерно высокой оценке относительной самостоятельности экологических кризисов и приведению их к монокаузальному и одномерному знаменателю глобального общества. В противоположность этому следует подчеркивать специфику *недобровольной политизации* всех общественных сфер действия из-за конфликтов риска.

Осознанные опасности, по-видимому, разрушают автоматизм принятия общественных решений за плотно закрытыми дверями. То, что втайне от общественности обсуждалось и принималось менеджерами и учеными, должно теперь получать свое оправдание с учетом последствий в острых публичных дискуссиях. Там, где конкретные законы развития раньше вступали в силу как бы сами по себе, теперь появляются ответственные лица, которые под давлением общественности могут признать свои ошибки и назвать упущенные альтернативы. Подводя итог сказанному, можно утверждать, что создающая опасности технократия невольно производит противоядие от собственных, пущенных на самотек дел: опас-

ности, которые вопреки утверждениям ответственных лиц, что у них все под контролем, осознаются общественностью, открывают простор для политического действия¹.

е) Почему ложен тезис о макдоналдизации мира: парадоксы культурной глобализации

Расширение мирового рынка, доказывает, например, Кевин Робинс, имеет далеко идущие последствия для культур, идентичностей и стилей жизни². Глобализация экономической активности сопровождается волнами трансформации в сфере культуры, процессом, который называют «культурной глобализацией». При этом речь идет прежде всего и главным образом о фабрикации символов культуры – о процессе, который, кстати, наблюдается уже давно. Некоторые из общественных наук и часть общественности усвоили на это явление точку зрения, которую можно назвать *конвергенцией глобальной культуры*. Ключевое слово – макдоналдизация. Все больше и больше пробивает себе дорогу универсализация в смысле унификации стилей жизни, символов культуры и транснациональных норм поведения. В нижнебаварской деревне точно так же смотрят телесериал о жизни в Далласе, носят джинсы и курят сигареты «Мальборо» как знак «чистой, нетронутой природы», как и в Калькутте, Сингапуре или в «бидонвилях» под Рио-де-Жанейро. Короче, глобальная

¹ Что эти шансы могут быть, хотя бы частично, использованы в политической борьбе, свидетельствует количество принятых в этой области международных соглашений и законов, которое в последние десять лет сильно возросло; о шансах глобализации *снизу* см. с. 124–130, а о политизации из-за рисков с. 172–177 наст. изд.

² Robins K. *Tradition und Translation: National Culture and its Global Context*, in: Comer J. and Harvey S. (Hg.), *Enterprise and Heritage: Crosscurrents of National Culture*, London 1991, S. 28 ff.

индустрия культуры во все в большей мере означает *конвергенцию* культурных символов и форм жизни.

Председатель «Евродиснейленда» говорит: «Характерные признаки Диснея имеют универсальное значение. Попробуйте как-нибудь убедить итальянского ребенка, что Тополино – итальянское имя Микки-Мауса – родом из Америки, и вы потерпите поражение»¹.

С этой точки зрения в основе дискурса о мировом рынке лежит негативная утопия. В той мере, в какой в мировой рынок интегрируются последние ниши, возникает *единый мир* – но не как признание многообразия, взаимной открытости, т. е. плюралистическо-космополитической природы представления о себе и других, а, наоборот, как *единый товарный мир*. В этом мире локальные культуры и идентичности утрачивают корни и заменяются символами товарного мира, взятыми из рекламного и имиджного дизайна мультинациональных концернов. *Бытие становится дизайном* – причем повсеместно.

Люди суть то, что они покупают (или могут купить). Этот закон культурной глобализации имеет силу – так гласит аргумент – даже там, где покупательная способность приближается к нулю. Вместе с покупательной способностью кончается социальное бытие человека, которому угрожает выпадение из общества. *Исключение!* – гласит приговор тем, кто выпадает из уравнения «бытие = дизайну».

Концерны, которые добиваются господства в фабрикации универсальных культурных символов, по-своему используют беспредельный мир информационных технологий, о котором мечтает, к примеру, Розенау. Искусственные спутники позволяют преодолевать все национальные и классовые границы и

¹ Ebd.

насаждать в сердца людей во всех уголках планеты мишурный мир белой Америки. Остальное делает логика экономической активности.

Глобализация, понимаемая и форсируемая как экономическое явление, сводит к минимуму расходы и максимально увеличивает доходы. Даже небольшие рыночные сегменты и соответствующие им стили жизни и потребительские привычки, распространяемые по всем континентам, обещают заслужить одобрение Уолл-стрит. Трансрегиональное рыночное планирование в этом смысле служит заклиниванием в мире рекламы и менеджмента глобальной индустрии культуры. Глобализация открывает путь бегства оттуда, где растут издержки производства глобальных символов, и обещает близкий рай для жаждущих высоких доходов.

«Происходит культурная и социальная революция, являющаяся следствием экономической глобализации, — говорит диктор «Си-эн-эн». — Служащий в Америке затронут этим в той же мере, что и человек на улице Москвы или менеджер в Токио. Это означает: то, что мы делаем в Америке и для Америки, имеет силу повсюду в мире. Наши новости — это глобальные новости».

Конец свободной, бунтарской информации?

В возникших на мировых рынках информации настроениях легкой наживы, которые привели и продолжают приводить к небывалой концентрации капитала, пронизательные люди видят приближение конца свободной, бунтарской информации. Да и можно ли легкомысленно закрывать глаза на эту угрозу?

«Глобальная информационная инфраструктура опутывает землю, словно паутина, — пишет Игнасио Рамоне, — ис-

пользует достижения цифрового метода и содействует сведению в единую сеть всех коммуникационных услуг. Она помогает в первую очередь переплетению трех технологических сфер — компьютерной, телефонной и телевизионной, которые объединяются в мультимедиа и Интернете. В мире имеется 1,26 миллиарда телезрителей (из которых более 200 миллионов пользуются кабельным телевидением и около 60 миллионов имеют цифровые телеприемники), 690 миллионов владельцев телефонов, из которых 80 миллионов имеют радиотелефоны, и примерно 200 миллионов компьютеров, из которых 30 миллионов присоединены к Интернету. Предположительно в 2001 году люди будут общаться больше по Интернету, чем по телефону, количество пользователей Интернета составит от 600 миллионов до одного миллиарда человек, а Всемирная паутина (World Wide Web) будет включать в себя более 100 000 коммерческих сайтов. Оборот коммуникационной индустрии, который в 1955 году составлял около 1000 миллиардов долларов, за пять лет может удвоиться и достичь примерно десяти процентов от оборота всей мировой экономики. Гиганты компьютерной, телефонной и телевизионной отрасли знают, что в будущем прибыли будут давать новые «разведываемые области», которые открывает перед их ослепленными жадностью глазами цифровая технология. При этом они знают, что в будущем их территория не будет защищена и что гиганты из соседних секторов бросают на нее разбойничьи взгляды. В сфере средств массовой информации царит беспощадная война. Кто занимался телефонным бизнесом, рвется в телевизионный, и наоборот. Все фирмы, занимающиеся информационной связью, прежде всего те из них, которые владеют сетью жизнеобеспечения (электричество, телефон, вода, газ, общества железнодорожного и автомобильного сообщения и т. д.), пребывают в состоянии эй-

фории и намерены обеспечить себе свою часть мультимедийного пирога. Повсюду в мире ведут борьбу конкуренты, гигантские фирмы, ставшие новыми властителями планеты: АТ&Т, господствующая на мировом рынке телефонной связи, дуэт МСИ (вторая по величине телефонная сеть Америки) и БТ (прежде «Бритиш телеком»), «Спринт» (третий по величине оператор телефонной связи в США), «Кейбл энд Уайрелесс» (фирма, контролирующая прежде всего «Телеком» Гонконга), «Белл Атлантик», «Найнекс», «Ю.С.-Уэст», ТСИ (крупнейший распространитель кабельного телевидения), NTT (крупнейшее японское телефонное общество), «Дисней» (фирма, купившая радиокomпанию АВС), «Тайм Уорнер» (которой принадлежит СТТ), «Ньюз корп.», IBM, «Майкрософт» (господствующая на рынке программного обеспечения), «Нетскейп», «Интел» и т. д. ... Изменившаяся логика этой мутации капитализма заключается не в поисках союзников, а в захвате фирм с целью обеспечить себе на рынке перманентного и непредусматриваемого заранее ускорения и невиданного успеха у потребителей (как бум в сфере Интернета) «ноу-хау» тех, кто уже успел закрепиться на рынке... Для того, чтобы предлагаемые инфраструктуры были полезны потребителю, связь должна без помех, как ветер над океанами, циркулировать по всему миру. В этом причина, по которой США (первые производители новых технологий и резиденция важнейших фирм) с целью глобализации своей экономики бросили весь свой вес на чашу дерегулирования ради достижения того, чтобы как можно больше стран открыли свои границы для «свободного потока информации», т. е. для гигантов американской индустрии средств массовой коммуникации и развлечения»¹.

¹ *Le Monde diplomatique*, 11. April 1997.

Однако журнал «Ле монд дипломатик», из которого взята эта цитата, сам является живым опровержением мрачного взгляда на вызванное развитием экономики и якобы грозящее нам мировое господство информатики. Этот остроумный журнал левой ориентации тоже умело использует возможности мирового информационного рынка, выходит на многих языках и сумел за последние годы (вопреки общей тенденции в печатных изданиях) более чем удвоить тираж (хотя исходный тираж в 100 000 экземпляров и доходы от рекламы за это же время упали).

Распространенный тезис о линейно растущей конвергенции культурной информации в ходе концентрации капитала на мировых информационных рынках упускает из вида теоретически обоснованные и эмпирически изученные *cultural theory* парадоксы и амбивалентности, или, выражаясь старомодным языком, *диалектику* культурной глобализации.

Роланд Робертсон, один из отцов теории культурной глобализации, не устает подчеркивать, что глобализация всегда связана с *локализацией*. Работы по теории культуры (*cultural studies*) *отвергают* образ закрытых отдельных обществ и соответствующих им культурных пространств и описывают имманентный «диалектический» процесс культурной «глобализации», в котором *одновременно возможны и происходят противоположные вещи*. Основной вывод гласит: глобализация не есть нечто автоматическое и одностороннее, одномерная глобализация – неиссякаемый источник недоразумений в этом споре. Напротив, при главенствующей роли «g-word» речь повсюду может идти о *новом усилении роли локального*.

То, что глобализация предполагает не только де-локализацию, но и ре-локализацию, вытекает уже из экономических расчетов. «Глобально» в буквальном смысле слова производить не может никто. Именно те фирмы, что производят и продают свою продукцию в глобальных масштабах, вынуждены развивать *локальные* связи, во-первых производя и совершенствуя свой товар в конкретных локальных условиях, и во-вторых изымая сырье для своих глобальных символов из локальных культур, благодаря чему эти символы получаются живыми, яркими и хорошо продаются. «Глобально», если перевести это слово на нормальный язык, означает «во многих местах одновременно», т. е. *транслокально*.

Неудивительно поэтому, что такая глобально-локальная взаимозависимость играет главную роль в расчетах крупнейших концернов. Концерны «Кока-кола» и «Сони» называют свою стратегию «глобальной локализацией». Их руководители и менеджеры подчеркивают, что применительно к глобализации речь идет не о том, чтобы повсюду в мире строить фабрики, а о том, чтобы стать частью той или иной культуры. Предпринимательская стратегия, значение которой возрастает в ходе практической глобализации, называется «локализмом».

Можно представить себе эти имманентные границы линейной культурной глобализации в духе унификации мира на примере макдоналдизации. Додуманная до конца унифицированная культура, в которой, с одной стороны, отмирают локальные культуры, а с другой – все потребляют (едят, спят, любят, одеваются, аргументируют, мечтают и т. д.) по одной схеме, даже если разделять все это в строгом соответствии с доходами той или иной группы населения, означала бы конец рынка, конец прибылей. Сотрясаемый кризисами сбыта мировой капитализм нуждается в локаль-

ном многообразии и противоречивости, чтобы выстоять в конкурентной борьбе, вводя необходимые производственные и рыночные инновации.

И все же делокализация и релокализация не означают автоматического возрождения локального. Говоря по-баварски: спасение при переходе в эру глобализации надо искать не в панегириках «телячьей колбасе», пиву «Лёвенброй» или фирме «Ледерхозе», выпускающей изделия из кожи. Ибо при возрождении локального колорита делокализация отступает на задний план. Релокализацию, прошедшую, так сказать, через бесконечную цепь делокализации, нельзя приравнивать к *линейному традиционализму* в духе «*поступай как прежде*» и использовать в духе ограниченного провинциализма. Ибо меняются условия, в которых проявляется значение локального.

Взаимодействие делокализации и релокализации наверняка будет иметь разнообразные последствия, но при этом нужно иметь в виду, что локальные культуры больше не смогут оправдывать свое существование, утверждаться и обновляться в противостоянии остальному миру. Место этого недалновидного, по выражению Энтони Гидденса, обоснования традиций традиционными средствами (он называет его «*фундаменталистским*») занимает необходимость релокализации лишенных унаследованных качеств традиций *в глобальном контексте*, в транслокальном обмене, диалоге, конфликте.

Короче говоря, если удастся глобально разместить и обновить локальные особенности, произойдет ренессанс локального без опоры на традицию. Переводя сказанное на язык иронии по-баварски, если уж речь пойдет о телячьей колбасе, то может оказаться, что сделана она не в Баварии, а на Гавайях.

д) Глокализация: Роланд Робертсон

Мы видели, что глобализация в операционном плане чаще всего ведет к интенсификации взаимозависимостей поверх национальных границ. Модель разделенного мира на первом этапе заменяется моделью транснациональных взаимозависимостей. Роланд Робертсон идет в этом направлении значительно дальше¹. Он подчеркивает «размах и глубину внедрения в повседневное сознание представлений о мире как целостной величине». Для Робертсона, таким образом, *настоящая* глобализация и глобализация, *внедренная в сознание средствами массовой информации*, — две стороны одного и того же процесса. Тем самым *ключевым* вопросом глобализационной социологии культуры является создание культурно-символической рефлексивности глобализации. Новое *conditio humanitas*, условие человеческого существования, заключается поэтому в пробуждении внимания к глобализации, в осознании этого явления и хрупкости данного *conditio humanitas* на исходе XX века.

В этом смысле глобализация нацелена не только на «объективацию нарастающих взаимозависимостей». Подвергаться изучению должно, скорее, то, как открывается и воспроизводится горизонт мира в транскультурной фабрикации чувственных миров и символов культуры. Культурная глобализация перечеркивает отождествление национального государства с национально-государственным обществом, производя и сталкивая друг с другом транскультурные формы коммуникации и жизни, представления об ответственности и этнической принадлежности, о том, какими видят себя и других отдельные группы и индивиды. Элизабет Бек-Гернсхайм на-

¹ Robertson R. *Globalization*, London 1992.

глядно продемонстрировала это на примере транскультурных браков и семей. «Вопреки самым разным оценкам, надеждам и опасениям фактом является то, что чувство этнической принадлежности в связи с развитием общества и расселением людей все больше усложняется. В век мобильности, массового передвижения людей и переплетения экономики растет число тех, кто живет и работает с людьми других групп за пределами местожительства своей этнической группы; кто по разным причинам (из-за нищеты, голода, преследований или с целью получить образование и профессию, а то и просто из любопытства) покидает свою родину на более или менее длительное время или даже навсегда; кто пересекает государственные границы, рождается в одном месте, вырастает в другом, женится (или выходит замуж) и обзаводится детьми в третьем. Применительно к США уже сегодня можно сказать, что такое развитие, “вполне вероятно, может стать новой нормой жизни: количество бикультурных семейных связей растет, и уже нередки случаи, когда человек считается белым азиатом или одновременно арабом и евреем” (З. Шнайдер). В Германии такие смешения встречаются реже, но и здесь намечается очевидная тенденция к “более пестрым” семейным отношениям. Возьмем, к примеру, заключение браков. В 1960 году вступающие в брак в Федеративной Республике Германии были почти исключительно немцами. Только в каждом 25-м случае, выражаясь языком официальной статистики, в акте бракосочетания “участвовали иностранки и иностранцы”; это значит, что по крайней мере один из партнеров имел иностранный паспорт. А в 1994 году уже каждый седьмой брак заключался “между иностранцами или с участием иностранцев”, т. е. мужчина или женщина, а то и оба вступающие в брак были гражданами других государств. Обратимся теперь к рождаемости. В 1960 году дети, рождавшиеся в Фе-

деративной Республике Германии, почти всегда имели “чисто немецкое происхождение” в смысле подданства; и только 1,3% новорожденных имели иностранного отца или мать-иностранку. Напротив, в 1994 году иностранного отца или мать имели уже 18,8% детей, т. е. практически каждый пятый ребенок происходил из смешанного немецко-иностранного или чисто иностранного брака. Что касается этой – быстро растущей – группы людей “транскультурной” принадлежности, то встает вопрос, куда, к какому обществу их относить – к нам, к другим, к каким другим? Речь идет о пестрых, подвижных, многократно смешанных биографиях, которые не укладываются в устоявшиеся категории. Это создает сложные проблемы для властей при определении гражданства и по вполне понятным причинам (сложность вопроса) ведет к неудачам и ошибкам»¹.

Юрген Хабермас много лет назад говорил о «новой необозримости», Зигмунт Бауман говорит о «конце однозначности». Локальное и глобальное, утверждает Робертсон, не исключают друг друга². Напротив: локальное нужно рассматривать как аспект глобального. Глобализация, помимо прочего, означает также стягивание, столкновение локальных культур, которые должны получить новое определение в этом «clash of localities» (столкновении локальностей). Робертсон предлагает заменить центральное понятие культурной глобализации понятием «глокализация» – совмещением слов «глобализация» и «локализация».

Синтетическое слово «глокализация» одновременно содержит в себе притязание *cultural theory* на признание *абсурдным*

¹ Beck-Gernsheim E. *Schwarze Juden und griechische Deutsche*, in: Beck U. (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, а. а. О.

² Robertson R. *Globalization*, in: Featherstone M. u.a. (Hg.), *Global Modernities*, London 1995.

представления, будто современный мир, его кризисы и провалы можно понять без проникновения в смысл событий, которые описываются с помощью ключевых слов «politics of culture, cultural capital, cultural difference, cultural homogeneity, ethnicity, race and gender» (культурная политика, культурный капитал, культурные различия, культурная гомогенность, этническая, расовая и половая принадлежность)¹.

Не будет преувеличением сказать, что линия, которая отделяет новейшую, ориентированную на культуру «социологию глобализации» от, например, прежних установок теории мировой системы (World system theory), проходит именно здесь и именно таким образом. Тщательно выверенная аксиома, отделяющая зерна от плевел, гласит: «глобальную культуру» следует рассматривать *не статически*, а только как *случайный и диалектический процесс* (несводимый к внешне однозначной логике капитала в *рамках экономической науки*) — по образцу «глокализации», который позволяет воспринимать и расшифровывать противоречивые элементы *в их единстве*. В этом смысле можно говорить о парадоксах «глокальных» культур.

Важен методическо-прагматический аспект этой аксиомы. Глобализация — на первый взгляд нечто громадное, внешнее, что надвигается и в конце концов подавляет все остальное, — воспринимается в конкретных мелких проявлениях, на местах, на собственной жизни, в символах культуры, отмеченных знаком «глокального».

Это можно выразить и по-другому: социология глобализации *эмпирически возможна* и необходима только и исключительно как глокальное исследование культуры (индустрии, социального неравенства, техники, политики). Но что озна-

¹ Ebd., S. 145.

чает в контексте cultural theory снова внезапно всплывшее слово «диалектический», от которого строгая научная мысль однажды уже отказалась? Что имеется в виду под «парадоксами» культурной глобализации, если воспринимать и исследовать их как *поток* (flow)?¹

Универсализм и партикуляризм

По этой причине не существует никакого противоречия между объединением и унификацией институций, символов и манер поведения (например, «Макдоналдс», голубые джинсы, демократия, информационная технология, банки, права человека и т. д.) и новым подчеркиванием значения, новым изобретением и даже защитой «локальных культур» (исламизация, ренационализация, немецкая поп-культура, североафриканское Раи, африканский карнавал в Лондоне или гавайская телячья колбаса). Если обратиться к правам человека, например, то, по всей вероятности, остается в силе то, что эти права, во-первых, практически во всех культурах выступают в качестве универсальных прав и, во-вторых, как таковые они зачастую толкуются и представляются по-разному, в зависимости от контекста.

Связи и фрагментации

Глобализация порождает связи (и подталкивает к ним). На это следует указать в том контексте дискуссии, в котором глобализация (ложно) понимается и девальвируется, когда почти приравнивается по значению с фрагментацией. Возникают транснациональные, трансконтинентальные «общнос-

¹ Подробнее об этом см.: McGrew. *A Global Society?* А. а. О.

ти» (значение этого слова нужно бы определить заново¹), которые разделяют то, что до сих пор часто представлялось и представляется незыблемым единством, — географическое и социальное сосуществование и сотрудничество, но в то же время создают новые социальные взаимосвязи. Эта новая логика, ведущая к сосуществованию и сотрудничеству в разных географических местах, практикуется как в транснациональных концернах (чьи правления расположены в Сингапуре, а продукция производится в виде комплектующих по всей Европе), так и в транснациональных «общностях» (мексиканские американцы, американские мексиканцы, «семьи», «этнические субкультуры» — воображаемая Африка и т. д.).

По этой же причине верно и то, что глобализация *фрагментирует*; не только подрывается информационный и налоговый суверенитет государства и тем самым его авторитет, не только могут распадаться местные общины. В условиях локальной культуры в крайнем случае возможен и такой вариант, когда разрушается непосредственное соседство, но в то же время крепнет «соседство» транснациональное (что допустимо, но отнюдь не обязательно).

Централизация и децентрализация

Многие совершенно односторонне рассматривают глобализацию как процесс концентрации и централизации — капитала, власти, информации, знаний, богатства, решений и т. д.; и они часто приводят в пользу своей точки зрения убедительные аргументы. Но при этом упускается из виду, что та же самая динамика порождает и децентрали-

¹ Речь идет об одном из ключевых терминов социологии — «*Gemeinschaft*», — введенном в оборот Ф. Теннисом. Определяя его, Теннис говорил об общностях (или сообществах) по крови, по местоположению и по духу. — *Прим. ред.*

зацию. Локальные, точнее, транслокальные общности укрепляют влияние на формирование своих социальных пространств, но также и в соответствующих локальных, т.е. национальных контекстах.

Национальные государства могут изолировать себя изнутри. Но с тем же успехом они могут проявлять активность во внешней сфере и заново определять и формировать свою политику в глобальных масштабах взаимных переплетений, диалогов и конфликтов. Это же касается акторов действия на всех уровнях и промежуточных ступенях социальной жизни — от профсоюзов, церквей и потребительских ассоциаций вплоть до отдельных лиц.

Конфликт и его разрешение

Глокальный мир нетрудно представить себе как мир, распадающийся на конфликты. Видение «войны культур» в известном смысле еще находится в детском возрасте (при всей присущей этому видению склонности к ужасам). Ибо глокализация означает еще и то, что конфликт (все еще предполагающий наличие минимального уровня интеграции) заменяется «дисфликтом» и т. д. Надо помнить о возможном расколе мира в результате утраты в будущем покупательской способности большинством населения, т.е. о *бразилизации мира*¹.

Но эта вполне вероятная перспектива на будущее должна быть исследована на предмет того, почему в ней *односторонне* выпячиваются эти и только эти аспекты возможного развития. Ибо хотя эти мрачные виды на будущее и нельзя скрывать или приукрашивать, вне поля зрения остается то обстоятельство, что глокализация производит новые, неиз-

¹ См. об этом с. 268 наст. изд. (перспективы).

вестные ранее «общности», простирающиеся от Микки-Мауса, кока-колы через символику отравленных и умирающих животных (снимки измазанных нефтью морских чаек и детской тюленей) вплоть до первых признаков активности мировой общественности, забавным образом проявляющейся в транснациональном бойкоте фирмы «Шелл».

Не так давно Фукуяма возвестил о «конце истории». Говард Перлмуттер прав, когда, парируя этот тезис, говорит о начале истории *глобальной* цивилизации¹. В ней глобализация обретает *рефлексивный* характер и тем самым исторически новое качество, которое, как уже говорилось, оправдывает понятие «мирового общества». Ибо предпосылкой его возникновения является *осознание общей судьбы*, которая проявляется в совершенно невероятной близости отдаленного удела безграничного мира.

Экскурс: два способа различения

Я предлагаю (в том числе и для прояснения понятия «диалектика») отличать *эксклюзивный* способ различения от *инклюзивного*. Эксклюзивные различения следуют логике «или — или». В их проекте мир выглядит как сосуществование и подчинение отдельных миров, в которых идентичности и принадлежности исключают друг друга. Каждый неожиданный случай рассматривается как чрезвычайный. Он раздражает, шокирует, ведет к вытеснению или к активности, восстанавливающей порядок.

Инклюзивные различения дают совсем иной образ «порядка». Нестандартные случаи, не укладывающиеся в привыч-

¹ Perlmutter H.V. *On the Rocky Road to the First Global Civilization*, in: A. King (Hg.), *Culture, Globalization and the World System*, London 1991, S. 902.

ные категории, здесь не исключение, а правило. Если это оказывается шокирующим, то только потому, что благодаря пестрой картине инклюзивных различий ставится под сомнение «естественность» эксклюзивной модели мира.

Преимущество инклюзивного различения заключается прежде всего в том, что оно делает возможным другое, более подвижное, если угодно, кооперативное понятие «границы». Границы в этом случае возникают не путем исключения, а благодаря особым образом закрепленным формам «двойной инклюзии». Кто-то принимает участие в очень многих различных кругах и *тем самым* себя ограничивает. (С социологической точки зрения является само собой разумеющимся, что это не единственный, а один из возможных в будущем способов мыслить границы и пробивать границы.) В рамках инклюзивных различий границы, таким образом, мыслятся подвижными, что делает возможным взаимное переплетение лояльностей.

В парадигме эксклюзивного различения глобализация мыслится лишь как предельный случай, когда взрывается все. Глобализация представляется высшей точкой развития, которая снимает все различия и ставит на их место неразличимое. Отсюда следует, что это огромное целое, вероятно, еще можно окинуть единым взглядом. Однако ясно, что этот взгляд будет страдать чрезмерной широтой и даже может дробиться.

Наоборот, в пользу парадигмы инклюзивного различения можно привести прежде всего прагматический исследовательский аргумент, который заключается в том, что так *и только так* глобальность поддается социологическому изучению. Незвестное ранее пересечение мира и личности, попадающее в поле зрения при таком подходе, выступает новым обоснованием социологии, так как без социологии оно не может быть

понято и изучено теоретическо-эмпирическим путем; тем более его нельзя использовать в сфере политики. Опора на инклюзивное различие получает, таким образом, статус *эмпирической рабочей гипотезы*. Эта гипотеза должна найти подтверждение в полном неожиданностей исследовании неизвестного мирового общества, в котором мы живем. То, что в мышлении по принципу «или – или» логически допускается, должно быть раскрыто и освещено эмпирическим путем; должны быть освещены «инклюзивные» формы жизни, биографии, конфликтов, власти, неравенства и государственности мирового общества¹. Но и инклюзивные различия могут и должны *четко* определяться. Перефразируя Бенна: нечеткое мышление и неспособность различать еще не являются теорией рефлексивной модернизации.

е) Власть воображаемой возможной жизни: Архун Аппадурай

Точка зрения Робертсона и теория «глокальных» культур получили развитие в работах А. Аппадурай, который теоре-

¹ Это деление на эксклюзивный и инклюзивный способы различения имеет западное, европоцентристское происхождение или же оно претендует на всеобщность? Многие говорят за то, что представление о мировом обществе, функционирующем по принципу «не только, но и», предложил Запад, чтобы обозначить и подчеркнуть положение западных метрополий или западного образа жизни относительно ставшего глобальным мира. Если руководствоваться государственно-религиозно-культурным принципом «или – или», то, как пишет Дж. Фридман, этот воображаемый мир может показаться оскорбительным и агрессивным, и ответ на него будет таким же. Когда культурное пространство унифицируется по схеме «или – или», – гегемониальной властью или в форме гегемониального мышления и изучения, – тогда макароны (снова) будут отождествляться с итальянцами, а из многообразия диалектов возникнет «родной национальный язык»; это означает, что культурная дифференциация и многообразие будут постепенно сведены к различию между правильным и ложным, между нормой и отклонением от нормы (См. об этом: Fridman J. *Cultural Logics on the Global System*, in: *Theory, Culture and Society*, 5, Special Issue on Postmodernism, 1988, S. 458).

тически обосновывает *относительную автономию*, самостоятельность и внутреннюю логику этой глокальной культурной экономики. В этой связи Аппадурои среди прочего говорит об *ethnoscapes*; под этим он подразумевает «ландшафты личностей», определяющих характер беспокойного, меняющегося мира, в котором мы живем; это туристы, иммигранты, беженцы, эмигранты, иностранные рабочие и другие подвижные люди или группы людей. От них и их физико-географической неуспокоенности исходят существенные импульсы, ведущие к изменению политики внутри наций и между нациями; но они лишь одна из ипостасей глобальной культуры. Наряду с *ethnoscapes* Аппадурои называет и описывает:

– *Technoscapes*: не признающее государственных границ движение технологий – развитых и устаревших, механических и информационных;

– *Financescapes*: движение громадных денежных сумм через валютные рынки, национальные биржи и спекулятивные сделки с огромной скоростью, минуя национальные преграды;

– *Mediascapes*: распределение возможностей производства и передачи электронных картинок;

– *Ideoscapes*: образование цепи образов (картинок), часто в связи с государственными или оппозиционными идеологиями и идеями, коренящимися в эпохе Просвещения¹.

Как показывает Аппадурои, эти потоки и ландшафты электронных образов ставят под вопрос и традиционное различие между центром и периферией. Они являются строительными *блоками «воображаемых миров»*, которым люди и группы людей повсюду придают разное значение, обмениваются ими и живут в них.

¹ Appadurai A. *Globale Landschaften*, in: Beck U. (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, а. а. О. См. об этом также: Lash/Urry J. *Globale Kulturindustrien* Frankfurt/M. 1998, Kap. X.

«На политической карте границы государств остаются такими же четкими, как и прежде... (Но) из всех сил, работающих над их устранением, вероятно, самыми упорными являются информационные потоки — по ним идет информация, которая раньше была монополией правительств... Монополия на знание о том, что происходит в мире, давала правительствам возможность оглуплять людей, вести их в ложном направлении, контролировать их... Сегодня... люди повсюду в состоянии сами добывать из всех уголков мира ту информацию, которую им хочется иметь». Возникающие глокальные культуры часто уже никак не привязаны к определенному месту и времени. Они существуют вне определенного контекста и представляют собой «смесь несовместимых компонентов, заимствованных отовсюду и ниоткуда, свалившихся с полной конфликтов современной (постмодернистской) колесницы глобальной коммуникационной системы»¹.

Что все это значит? Воображение обретает все большую власть над повседневной жизнью людей, отвечает Аппадурай². Все больше людей во многих уголках планеты настойчивее мечтают и размышляют о расширении «возможностей» жизни, чем это делалось до сих пор. Главный источник этой перемены — средства массовой информации, постоянно поставляющие пестрые картинки такой «возможной» жизни. Таким образом создается впечатление виртуальной близости к символическим фигурам, насаждаемым средствами массовой информации. Люди видят и оценивают свою жизнь, свое положение, свои надежды и разочарования сквозь призму «возможных» жизней, которые беспрерывно тиражирует и пропагандирует «теле-видение».

¹ Ebd.

² См. об этом: Appadurai A. *Globale Landschaften*, а. а. О.

Аппадурои утверждает, что даже безнадежные жизненные ситуации, которые заставляют людей жить в жесточайших, недостойных человека условиях (детский труд, бездомные, живущие на свалках больших городов), таким образом, используются в зловещей игре фабрикуемых индустрией культуры воображаемых картин. Обнищание разбивается и, быть может, даже удваивается при столкновении со сверкающими формами возможных жизней, которыми манит вездесущая и яркая реклама.

Эта новая власть глобальной виртуальной индустрии означает, что локальные формы жизни взрываются и заполняются «образцами», фабрикуемыми где-то там, далеко за пределами конкретного социального и пространственного существования. Собственная жизнь и возможные жизни, таким образом, впадают в противоречие, по крайней мере, ироническое. Ибо, как уже говорилось, даже обнищание возникает и оказывается под властью рынка виртуальных жизней, остается включенным в глобальный кругооборот картин и образцов, которые получают широкое распространение благодаря содействию (активному и пассивному) экономики культуры.

*ж) Глобализованное богатство, локализованная бедность:
Зигмунт Бауман*

Подведем итог сказанному: вышколенные cultural theory англосаксонские наблюдатели глобальных процессов отказались от того, что можно было бы назвать «макдоналдизацией» мира. Они пришли к выводу, что глобализация не влечет за собой неизбежной унификации культуры; массовое производство символов культуры и культурной информации *не* ведет к возникновению «глобальной культуры». Формирующиеся глокальные варианты следует воспринимать, скорее, как

бросающееся в глаза двойственное «мнимое представление о возможной жизни», которое открывает простор для многообразных комбинаций и из которого можно составить самые разные, сильно отличающиеся друг от друга коллекции собственных жизней и групповых идентичностей.

«Из глобальной пряжи, — пишет Зигмунт Бауман, — выделяются культурные символы и ткуются разнообразные идентичности. Локальная индустрия самодифференциации становится (глобальным) признаком последних десятилетий XX века... Глобальные рынки сбыта потребительских товаров и информации делают неизбежным выбор того, что подлежит поглощению. Чтобы подготовить новые символы для угасших или пробуждающихся к жизни, изобретаемых заново и всего лишь постулируемых идентичностей, приемы и способы этого выбора определяются на локальном или коммунальном уровне. *Общность*, заново открытая романтическими поклонниками этой формы объединения людей (новую угрозу для нее они видят в мрачных, лишенных корней, безличных силах, порождаемых на сей раз *глобальным обществом*), — это не противоядие от глобализации, а одно из ее неизбежных глобальных последствий, одновременно продукт и условие».

Чтобы довести до конца эту аргументацию в пользу развития глобализации по ее «собственной» логике, зададимся вопросом о центральных, тревожных, вытекающих из глобального неравенства последствиях этого процесса. З. Бауман описывает эти последствия. Глобально-локальная взаимозависимость не только открывает возможности для новых, аналитико-эмпирических способов исследования транслокальных культур и жизненных миров, не только побуждает к ним; она, утверждает Бауман, раскалывает складывающееся на наших глазах мировое общество. Глобализация и локализация, следовательно, — не только два момента, две ипостаси

одного и того же явления. Они в то же время и движущие силы, формы выражения новой *поляризации и стратификации жителей планеты на глобальных богачей и локальных бедняков.*

«Глобализация и локализация могут быть двумя сторонами одной медали, но две части населения планеты живут на разных сторонах и видят лишь одну сторону — точно так же, как люди на Земле видят и наблюдают лишь одну сторону Луны. Одни могут жить на всей планете, другие прочно привязаны к определенному месту... Глокализация являет собой в первую очередь новое распределение привилегий и бесправия, богатства и бедности, перспектив и безнадежности, силы и бессилия, свободы и закабаления. Можно сказать, что глокализация есть процесс *новой всемирной стратификации*, в ходе которой выстраивается новая, охватывающая весь мир и самовоспроизводящаяся социокультурная иерархия. Различия и коммунальные идентичности, двигающие вперед и делающие «неизбежной» глобализацию рынков и информации, порождают не разнообразных, а одних и тех же партнеров. То, что для одних — свобода выбора, для других — не знающая пощады судьба. Поскольку число этих других неуклонно растет и поскольку они все глубже погружаются в отчаяние, вызванное бесперспективностью существования, то можно с полным правом утверждать, что глокализация есть не только концентрация капитала, финансов и всевозможных ресурсов, дающих свободу выбора и эффективного действия, но и в первую очередь *концентрация свободы действий.* ...Свобода (действий и прежде всего движения капитала) есть та теплица, в которой богатство растет быстрее, чем когда-либо до этого; но если богатство приумножается, оно будет больше давать и другим, говорят утешители. Однако бедняки планеты, новые и старые, наследственные и порожденные компьютером, вряд ли узнают свое отчаянное положение в

этом фольклоре. Прежние богачи нуждались в бедняках, чтобы разбогатеть и оставаться богатыми. Теперь они в бедняках больше нуждаются. ...С незапамятных времен конфликт между бедностью и богатством означал пожизненную взаимную зависимость. Теперь это уже далеко не так. Трудно себе представить, о чем могли бы договариваться новые «глобализованные» богачи и новые «глобализованные» бедняки, почему у них возникнет необходимость идти на компромиссы и какой *modus coexistendi* они будут готовы искать. ...Находящиеся на разных полюсах возникающей иерархии, на ее верхних и нижних этажах мира резко отличаются и все больше отгораживаются друг от друга – как дороки, которыми пользуются богатые жители современных городов и которые старательно обходят “no go areas”, “территории, закрытые для прохода”.

Если для *первого мира*, мира богатых и состоятельных, *пространство* утратило свои ограничительные свойства и легко пересекается как в действительности, так и виртуально, то для *второго мира*, мира бедных, “структурно излишних”, реальное пространство сужается все быстрее.

Навязчивость, с которой средства массовой информации изображают завоевание пространства и «виртуальное преодоление» расстояний, недостижимые в не-виртуальной действительности, делает это отчуждение еще более болезненным. Сужающееся пространство отменяет ход времени; жители первого мира обитают в *вечном настоящем*, они переживают цепь эпизодов, строго отделенных как от их будущего, так и от их прошлого; эти люди постоянно чем-то заняты, у них всегда “нет времени”, они растягивают каждое мгновение, время для них заполнено “до краев”.

Люди, вынужденные жить во *втором настоящем*, согнуты и придавлены грузом избыточного, *лишнего* времени, которое

они ничем не могут заполнить. В их времени “никогда ничего не происходит”. Они не “контролируют” время — но и время не контролирует их, как контролировало когда-то их предков, подчиненных обезличенному ритму фабричного труда. Они могут лишь убивать время, а оно в свою очередь медленно убивает их самих.

Обитатели первого мира живут во *времени*, пространство для них ничего не значит, поскольку любые расстояния легко ими преодолеваются. Их жизненный опыт Жан Бодрийяр запечатлел в своей картине “гиперреальности”, в которой виртуальное и реальное уже неразличимы, ибо то и другое в одинаковой мере обладает “объективностью”, “внешним существованием” и “карающей силой” — качествами, которые Эмиль Дюркгейм назвал признаками “реальности”¹.

Обитатели второго мира живут в пространстве — оно гнетущее, несокрушимое, неприкасаемое и прочно связывает время, выводит его из-под контроля жителей. Их время ничем не заполнено. Структуру, “расписание” имеет только виртуальное, телевизионное время. Остальное время течет монотонно, приходит и уходит, не предъявляет никаких требований и не оставляет видимых следов. Его осадок проявляется внезапно, без предупреждения, когда его не ждут. Нематериальное время не имеет власти над “чересчур реальным пространством”, в которое отброшены обитатели второго мира.

Богачи, которые случайно оказались действующими лицами на политической сцене и обладают большинством ресурсов и громадной властью, уже не нуждаются в бедняках для спасения своих душ (в существование которых они не верят и

¹ Речь идет об определении «социального факта» в работе Дюркгейма «*Правила социологического метода*». — *Прим. ред.*

потому не считают нужным о них заботиться), для того, чтобы разбогатеть и остаться богатыми (что, по их мнению, было бы куда проще, если бы не требование делиться с бедными частью своего богатства).

Бедные — не чада божьи, которым надо оказывать избавительную благотворительную помощь. Они не резервная армия, которую нужно держать наготове для возвращения в производство ценностей. Они не потребители, их не нужно соблазнять и убеждать в том, что при росте производства наступит и их черед богатеть. Они бесполезны с любой точки зрения; бродяги — это всего лишь уродливые карикатуры на туристов, а кому понравится собственное искаженное изображение?»¹

Новое в глобальной эре состоит в том, что утрачивается взаимосвязь между бедностью и богатством, причем, как считает Бауман, происходит это по причине глобализации, которая раскалывает население планеты на глобализованных богатых, которые преодолевают пространство и не имеют времени, и локализованных бедных, которые привязаны к определенному пространству и вынуждены убивать время, так как не знают, что с ним делать.

Между теми, кто выиграл от глобализации, и теми, кто от нее проиграл, в будущем не может быть ни *единства*, ни *взаимной зависимости*, считает Бауман. Бросающееся в глаза следствие этого процесса — распадение диалектики «господин — слуга»; более того, разрывается связь, делавшая не только необходимой, но и возможной солидарность. Эти лежавшие до сих пор в основе всех форм исторического неравенства отношения зависимости или сострадания перестают действо-

¹ Bauman Z. *Schwache Staaten, Globalisierung und die Spaltung der Weltgesellschaft*, in: Beck U. (Hg.), *Kinder der Freiheit*, а. а. О., S. 323–331.

вать в «нигде» мирового общества. Поэтому слово «глокализация» — это еще и эвфемизм. Оно выводит из поля зрения тот факт, что *за пределами* единства и зависимости возникают обстоятельства, которые мы не можем назвать и на которые у нас нет ответа.

з) *Капитал без труда*

Два момента делают не столь фаталистическим важный аргумент Баумана о том, что глокализация ведет к поляризации бедности и богатства. В известной мере он упускает из виду то, на чем сам же и настаивает. Во всяком случае, в *своей* исследовательской перспективе, в своем взгляде на будущее он *соединяет* то, что, если следовать его собственному методу изложения, в транснациональном мировом обществе неотвратимо распадается: *minima moralia*, рамки, в которых бедных можно рассматривать как *наших* бедных, а богатых как *наших* богатых.

Кроме того, Бауман путает одно с другим: рамки национального государства уже не являются той системой координат, в которой профилируется противоречие между бесконечно богатыми и бесконечно бедными. Но это не значит, что такой системы *вообще* нет.

С одной стороны, нельзя исключить, что в результате сформируется «всемирная гражданская солидарность» (Ю. Хабермас), которая наверняка будет обладать меньшей связующей способностью, нежели сложившаяся в Европе в течение одного — двух столетий «государственно-гражданская солидарность». С другой стороны, мировое общество не только подчиняет себе выстроенные и контролируемые по национально-государственному принципу *communities* (общности), но и создает новые связи между внешне разделенными мира-

ми, причем как «где-то там», так и на местах, в малом, в нашей собственной жизни.

Если следовать логике Аппадурай, то можно даже усомниться в главном — в том, действительно ли производство «возможных жизней» во Втором модерне, охватывающее в буквальном смысле слова как самых богатых, так и самых бедных, позволяет исключать возникновение групп¹.

Первый мир присутствует в третьем и четвертом, точно так же как третий и четвертый присутствуют в первом. Центр и периферия не распадаются на отделенные друг от друга континенты, а присутствуют как там, так и тут в различных противоречащих друг другу конфликтных количественных соотношениях. Возникшая невозможность выделить бедных из единого целого проявляется в Рио-де-Жанейро, где с наступлением ночи бездомные вступают во «владение» улицами роскошных кварталов.

Однако и вопрос, почему и каким образом глобализация разрушает минимальную общность между богатыми и бедными, не получает у Баумана достаточного освещения. Поэтому мы подхватываем и по-новому формулируем его в настоящей книге: действительно ли в обществе труда исчезает труд?²

«Будущее труда выглядит на нашем предприятии следующим образом, — сказал представитель компании БМВ и провёл круто идущую вниз линию, начинающуюся 1970 годом и заканчивающуюся в 2000 году на нулевой отметке. — Это, разумеется, преувеличение, — добавил он, — и таким образом представлять дело общественности нельзя. Но производитель-

¹ См. об этом рассуждения о транснациональном гражданском обществе, о возможности и необходимости транскультурной критики на с. 117 и след. наст. изд.

² Этот вопрос еще в 60-е гг. поднимала Х. Арендт в своей книге *Vita Activa*; см. об этом также: Matthes J. *Krise der Arbeitsgesellschaft?*, Frankfurt/M. 1984, где опубликованы выступления социологов на Бамбергской конференции.

ность растет в таких масштабах, что мы в состоянии производить все больше автомобилей, затрачивая на это все меньше труда. Чтобы сохранить занятость хотя бы на нынешнем уровне, нам пришлось бы непомерно расширять рынки сбыта. Шанс сохранить имеющиеся рабочие места останется только в том случае, если мы будем продавать БМВ во всех уголках планеты».

Капитализм упраздняет труд. Безработица уже не периферийное явление, она затрагивает потенциально всех — и демократию как форму жизни в том числе¹. Но глобальный капитализм, снимая с себя ответственность за занятость и демократию, тем самым подрывает собственную легитимность. Не дожидаясь, пока новый Маркс разбудит Запад, необходимо использовать давно назревшие идеи и модели для создания измененного варианта общественного договора. Следует заново обосновать будущее демократии по ту сторону общества труда.

К примеру, в Великобритании, слывущей по части занятости землей обетованной, полный рабочий день (в классическом смысле) занята лишь треть трудоспособного населения (в Германии все еще более 60 процентов). Еще двадцать лет тому назад этот показатель в обеих странах составлял более 80 процентов. Считающийся лекарством от безработицы гибкий рабочий режим лишь прикрыл и запустил болезнь, но не излечил ее. Напротив, растет все — безработица и не поддающаяся строгому учету частичная занятость, негарантированность трудовых отношений и скрытые рабочие резервы. Мы стремительно приближаемся к капитализму без труда — причем во всех постиндустриальных странах мира.

¹ См. об этом: Kapstein E.B. *Arbeiter und Weltwirtschaft*, in: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, а. а. О.

Три мифа мешают осмыслить в публичных дебатах истинное положение вещей. Во-первых, миф о непрозрачности, необозримости: все-де и без того слишком сложно; во-вторых, миф о сфере услуг: предстоящий подъем общества услуг якобы должен спасти общество труда; в-третьих, миф о расходах: стоит только предельно снизить расходы на оплату труда, и безработица рассосется сама по себе.

Что все взаимосвязано (хотя и слабо) и потому непрозрачно, несомненно подтверждается развитием рынка труда в условиях глобализации. Но, как показывают результаты международных сравнительных лонгитюдных исследований, инициированных и проведенных Комиссией по проблемам будущего, это не исключает утверждений об общих тенденциях¹. Судя по этим результатам, фактор труда для многих поколений постоянно возрастал. И только с середины 70-х годов наступает перелом. С тех пор повсюду наблюдается сокращение занятости, как непосредственное, проявляющееся в масштабах безработицы (например, в Германии), так и замаскированное все более разрастающимися «разнообразными формами занятости» (как в США или Великобритании). Спрос на труд падает, предложение труда растет (в том числе и вследствие глобализации). Оба показателя растущего сокращения рабочих мест — безработица и ненормированный труд — достигли критической отметки.

Речь давно уже идет не о перераспределении труда, а о *перераспределении безработицы* — в том числе и в виде новых смешанных форм безработицы и занятости, поскольку они официально относятся к «(полной) занятости» (ограниченный рабочий день, сокращенный рабочий день и т. д.). Это

¹ Kommission für Zukunftsfragen, *Entwicklung von Erwerbstätigkeit in Deutschland und anderen frühindustrialisierten Ländern*, Teil I, Bonn, Oktober 1996.

касается прежде всего оазисов занятости, США и Великобритании, где те, кто живут в серой зоне между работой и ее отсутствием и вынуждены обходиться мизерной заработной платой, давно составляют большинство.

Многие пытаются закрыть глаза на то, что с каждым кризисом похлебка в обществе труда становится все ниже и что крупные, растущие части населения и без того имеют ненадежные «рабочие местечки», которые просто не могут надолго обеспечить приличные условия существования.

Политики, институции мыслят в фиктивных понятиях полной занятости, да и мы сами поступаем точно так же. Даже денежные фонды строительных кооперативов и страховые общества принимают решения, исходя из того, что «занятые» люди имеют постоянный доход. Стремительно распространяющаяся модель «не... и не» — не безработный и не имеющий твердого дохода — не укладывается в этот стереотип.

Молодые матери оставляют свои рабочие места ради ухода за детьми. Однако трехфазовая модель, которой они следуют, больше не действует. Третья фаза — возвращение на рабочее место, когда дети подрастают, предполагает иллюзию полной занятости. Мы жалуемся на «массовую безработицу» и при этом забываем, что состояние полной занятости в течение всей жизни, вплоть до выхода на пенсию, является естественным состоянием взрослого человека. В этом смысле именно ГДР была обществом труда. Теперь же о новых федеральных землях приходится говорить как о территории, охваченной массовой безработицей.

Многие верят, надеются и уповают на то, что от злого дракона безработицы нас спасет общество услуг. Это миф о *сфере услуг*. Будущее подтвердит (или не подтвердит), верны ли эти расчеты. Разумеется, будут создаваться рабочие места. Но сначала придется пожертвовать традиционно надежными

центрами занятости в пользу еще только набирающей силу волны автоматизации. Например, Телебанкинг приведет к закрытию многих филиалов банковской сети; Телеком благодаря своим технологиям намерен сократить около 60000 рабочих мест; могут исчезнуть целые профессиональные группы, например секретари-машинистки.

Даже если и будут появляться новые рабочие места, в век информации их легко можно перенести в любую другую страну. Многие фирмы переводят целые управленческие отделы в страны с низкой оплатой труда; последний пример: «Америкэн экспресс» выбрал для этой цели Южную Индию.

В противовес пророкам информационного общества, предсказывающим изобилие высокооплачиваемых рабочих мест в том числе для людей с невысоким уровнем образования, отрезвляющая правда гласит, что даже многочисленные рабочие места могут превратиться в низкооплачиваемое занятие по обработке данных. Рядовые информационной экономики, пишет исследователь народного хозяйства и бывший министр труда в администрации Клинтона Роберт Рейг, – это орды обработчиков данных, сидящих в задних комнатах перед компьютерами, связанными с банками данных всего мира.

Но главной иллюзией текущей дискуссии является *миф о расходах*. Все больше и больше людей разделяют воинствующее убеждение, что только радикальное снижение стоимости труда и заработной платы в состоянии справиться с безработицей. Ярким примером этого служит «американский путь». Но если сравнить США и Германию, то выяснится, что «бум занятости» в США касается далеко не всех. Рабочие места для высококвалифицированных работников, и без того хорошо оплачиваемые, появляются в США столь же редко (2,6%), как и в стране самых высоких зарплат – Германии (статистические данные ОЕСД за апрель 1996 года). Различие заключает-

ся лишь в росте количества низкооплачиваемых рабочих мест для неквалифицированных рабочих. Для американского бума занятости характерен путь *мелких услуг*, но этот путь предполагает среди прочего политику открытых дверей для иммигрантов. Выпускника средней школы из Мюнхена можно, конечно, заставить резать спаржу в какой-нибудь нижнебаварской деревне — к великому прискорбию самой спаржи и тех, кто ее выращивает. Ибо он не обладает ни умением, ни мотивацией польского рабочего, для которого резка спаржи означает социальный подъем.

К безрадостной стороне американского бума занятости следует отнести и то, что доходы рабочих, составляющих нижнюю десятую часть иерархии, с 1979 по 1989 год снова упали на 16 процентов. Правда, с 1989 по 1997 год эту тенденцию к снижению зарплаты *working poor*, низкооплачиваемых работников, удалось остановить — но ведь нельзя и дальше сокращать размер зарплаты тому, кто и без того едва сводит концы с концами. Но и доходы большинства американских рабочих, принадлежащих к среднему классу, продолжают размываться: с 1989 года они снова сократились на 5 процентов. Впервые мы имеем дело с подъемом экономики, сопровождаемым одновременно «полной занятостью» и снижением реальных доходов среднего класса¹. «Билл Клинтон молодец, — говорит один, — он создал миллионы новых рабочих мест». «Да, — отвечает другой, — я работаю в трех местах и не в состоянии прокормить семью». А у нас все еще (!) видят проблему в том, что люди, получающие, скажем, семь марок в час, спят ночью в картонных коробках. Но и сравнение производительности труда оказывается не в пользу американских «решений». В США за последние 20 лет она выросла

¹ Krüger A.B. *It's Time to Worry about Stagnation of Wages*, in: *International Herald Tribune*, 1. 8. 1997, S. 8.

в среднем только на 25 процентов, в то время как в Германии на 100 процентов. «Как только это немцам удается? — спросил недавно один американский коллега. — Они работают меньше других, а производят больше».

Именно в этом и проявляется новый закон производительности глобального капитализма в информационную эпоху. Все меньшее количество высокообразованных работников, способных заменить друг друга в любом месте планеты, может производить все больше товаров и услуг. Рост экономики больше не сопровождается снижением безработицы, наоборот, он предполагает сокращение рабочих мест — *jobless growth*, т. е. рост безработицы. Однако не следует заблуждаться: основанный только на собственности капитализм, который нацелен на получение все более высоких прибылей и тем самым препятствует росту занятости, развитию социального государства и демократии, разрушает собственную легитимность. Когда растут доходы действующих в глобальных масштабах предприятий, это означает, что предприятия отнимают у дорогостоящего государства как рабочие места, так и налоговые поступления и взваливают бремя ответственности за безработицу и развитую цивилизацию на других. Два хронических бедняка — общество и частные лица, пока еще занятые в производстве, должны финансировать то, чем заодно с удовольствием пользуются и богатые, — «роскошь» Второго модерна: высокоразвитые школы и университеты, функционирующие системы сообщения, охрану природы, надежные автострады, многообразие городской жизни.

Когда глобальный капитализм в высокоразвитых странах разрушает ценностное ядро общества труда, то заодно разрушается и исторический союз между капитализмом, социальным государством и демократией. Демократия зародилась в Европе и США как «рабочая демократия» — в том смысле,

что демократия покоится на участии в трудовой деятельности. Чтобы наполнить жизнью политические свободы, гражданин должен тем или иным способом зарабатывать себе на жизнь. Труд всегда лежал в основе не только личного, но и политического существования. Речь, таким образом, идет не *только* о миллионах безработных. И не только о социальном государстве, о борьбе с бедностью или о восстановлении справедливости. Речь идет о всех нас. Речь идет о политической свободе и демократии в Европе.

Западное сопряжение капитализма с основными политическими, социальными и экономическими правами — не «социальное благодеяние», которое, если не позволяют средства, можно и урезать. Способный амортизировать социальную напряженность капитализм явился скорее ответом на опыт фашизма и вызов коммунизма. Он — дело прикладного Просвещения. А Просвещение основано на понимании, что только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью. Простая истина гласит: политической свободы не бывает без материальной безопасности. Стало быть, не бывает и демократии, и тогда всем угрожают новые и старые тоталитарные режимы и идеологии.

Но лишает капитализм легитимности не то, что он производит все больше с меньшими затратами труда, а то, что он блокирует инициативу, направленную на выработку нового Общественного договора. Тот, кто сегодня задумывается над проблемой безработицы, не имеет права оказаться пленником устаревших понятий о «втором рынке труда», о «наступлении эпохи частичной занятости», о так называемой «работе, не подлежащей страхованию» или о сохранении содержа-

ния в случае болезни, а должен задаться вопросом: возможна ли демократия без гарантий, которые дает общество труда? То, что представляется закатом и распадом, должно быть пересмотрено и положено в основу новых идей и моделей, которым государство, экономика и общество открывают путь в XXI век¹.

¹ См. об этом часть IV наст. изд. «Ответы на глобализацию», с. 243 и след.

Транснациональное гражданское общество: как
возникает космополитический взгляд на вещи

1. Промежуточные итоги: «методологический
национализм и его опровержение

Почему и в каком смысле глобализация вынуждает различать Первый и Второй модерн? Понимание общества в Первом модерне А.Д. Смит метко назвал «методологическим национализмом»: общество и государство мыслятся, организуются и проживаются как вещи совпадающие.

При этом предполагается государственно-политическое закрепление пространства и господство над ним. Территориальное государство становится «контейнером», в котором пребывает общество. Иными словами, притязание государства на власть и контроль обосновывает и создает общество. Этот примат национального можно и должно продумать и представить на фоне различных видов основных прав, системы образования, социальной политики, ландшафта многопартийности, налогов, языка, истории, литературы, транспортных путей, функционирования инфраструктуры, видов паспортного и пограничного контроля.

Таким способом национально-государственные общества порождают и консервируют в повседневности также квази-эссенциалистские, квазисушностные идентичности, чья естественность, видимо, заложена в тавтологических формулировках типа: германцы живут в Германии, японцы в Японии, африканцы в Африке. То, что бывают «черные-евреи» и «гре-

ческие немцы» (упоминаем только их, чтобы дать представление о той вполне нормальной неразберихе, которая царит во всем мировом обществе), осознается в этой перспективе и как особый случай, и как исключение, а значит — как угроза¹.

Эта архитектура мышления, поведения и жизни в рамках пространств и идентичностей государственного общества *разрушается* в ходе экономической, политической, экологической, культурной, биографической глобализации. Мировое общество предполагает возникновение властных возможностей, создание пространств социального для деятельности, жизни и восприятия — возможностей, которые взламывают и разметывают политическую и общественную ортодоксию национального государства.

1. Заметней всего это становится там, где транснациональным предприятиям подкидывают возможность распределять рабочие места и налоги на шахматной доске мирового общества таким образом, что они (как и прежде) максимизируют свои прибыли и в результате этого отнимают у развитых, социально ориентированных государств и государств всеобщего благоденствия властные и организационно-структурные возможности, причем происходит это не обязательно сознательно. Этот пример характерен потому, что он наглядно демонстрирует все признаки новой властной тенденции и нового властного конфликта между акторами национальных государств и мирового общества. Решающий и новый момент заключается не в том, что транснациональные предприятия множатся, что растет их многообразие, а в том, что они в ходе глобализаций оказываются в состоянии *сталкивать национальные государства друг с другом*.

¹ Beck-Gernsheim E. *Schwarze Juden und griechische Deutsche*, а. а. О.

Со стороны кажется, что все осталось по-прежнему. Концерны производят продукцию, рационализируют производство, увольняют и нанимают работников, платят налоги и т. д. Однако главное здесь в том, что они уже давно делают это не по правилам игры национальных государств: продолжая старую игру, они отменяют либо изменяют ее правила. Следовательно, лишь *на поверхности* ведется старая игра труда и капитала, государства и профсоюзов; она ведется теперь одновременно и в противоположном направлении — одни игроки продолжают ее в рамках национальных государств, другие действуют уже в рамках мирового общества.

Итак, если говорить о различиях Первого и Второго модер-на, то мы уже давно имеем дело не с политикой, руководствующейся правилами, а с политикой, изменяющей правила, т. е. с *политикой политики* (метаполитикой), о чем я писал в другом месте¹.

Для этой политики характерно, что в костюмах и по правилам хорошо знакомых боев за раздел сфер влияния в рамках индустриального общества разыгрывается битва сил нового типа: акторы национально-государственные *versus* транснациональные. Иными словами, работодатели, профсоюзы и правительства как бы играют *еще в шашки*, а транснациональные концерны — *уже в шахматы*. При этом одна на первый взгляд простая шашка может превратиться в руках концернов в шахматного коня, который внезапно ставит мат застигнутому врасплох национально-государственному королю.

2. С появлением символических миров глобальных культурных индустрий, как показывает Аппадурай, тождество государства, общества и национальной идентичности упраздняется: представление о возможных жизнях уже нельзя

¹ Beck U. *Die Erfindung des Politischen*, а. а. О., S. 204 ff.

понимать в национальном или этническом плане или в рамках оппозиций «бедные — богатые», оно мыслится только на фоне мирового общества. О чем бы люди ни мечтали, какими бы они ни хотели быть, их повседневные утопии счастья уже не связаны с данным геополитическим пространством и его культурными идентичностями. Даже мусорщики живут в мусоре мирового общества и благодаря этому мусору, оставаясь при этом включенными в круговорот символов глобальной культурной индустрии.

В этом смысле крах Восточного блока был также событием культурной глобализации. «Железный занавес» и военная контрразведка в век телевидения ушли в небытие. К примеру, рекламные телепередачи, которые на Западе столь часто подвергались критике с позиций культуры, в среде дефицита и регламентированного распределения потребительских товаров превращались в некое обетование, в котором сливались потребление и политическая свобода¹.

3. Это станет понятным, только если четко различать две концепции культуры, которые обыкновенно путают: «Одна концепция (культура 1) привязывает культуру к определенной территории, она исходит из допущения, что культура является результатом преимущественно местных процессов обучения. В этом смысле общество или социальная группа обладает своей “собственной”, отграниченной от других культурой. Это представление восходит к романтизму XIX века и в нашем столетии продолжало развиваться в рамках антропологии, прежде всего как культурный релятивизм, который

¹ Возможна и обратная аналогия: ретрадиционализация израильского общества и политики после 1996 может пониматься как реакция на «папифистски разлагающее западное общество потребления»; см. об этом: Sznajder N. *From «Citizen-Warrior» to «Citizen Shopper»: Consumption and War in Israel*. The Academic College of Tel-Aviv, Paper, August 1997.

рассматривает культуры как целостные образования, как форму или конфигурацию... Другая, более широкая концепция культуры (культура 2) рассматривает культуру как общечеловеческую software. Она лежит в основе теорий развития и распространения культуры и определяется как транслокальный, по сути, процесс обучения». Культура 2 с необходимостью подразумевает культуры *во множественном числе*. Они мыслятся как не-интегрированное, не-отграниченное многообразие без единства, в принятом мной смысле — как инклюзивные различия.

«Обе концепции вполне можно совместить друг с другом: культура 2 артикулируется в культуре 1, поскольку культуры являются посредниками-распространителями культуры. Тем не менее эти концепции подчеркивают различные аспекты в ходе исторического развития отношений между культурами... Культура 2, т. е. транслокальные культуры, не безместна (культуры, не связанные с определенным местоположением, немислимы), но она рассматривает местоположение как *открытое вовне*, тогда как для культуры 1 оно *закрыто в себе*. Культура 2 обладает «пониманием глобального в данном местоположении» (Д. Масси): в соответствии с этим особенность того или иного места обусловлена тем фактом, что оно находится в точке пересечения перемешанных транснациональных и локальных общественных отношений. Когда рассуждают о культурном плюрализме, мультикультурном обществе, межкультурных отношениях и т. п., как правило, неясно, имеется ли при этом в виду некая замкнутая культура (1) или открытые культуры. Аналогичным образом подход к исследованию отношений между культурами может быть статическим (при этом культуры в контакте друг с другом сохраняют свои особенности) или динамическим (при этом культуры взаимопроникают друг в

друга)»¹. Иными словами, различие между культурой 1 и культурой 2 — еще один мозаичный камешек для разграничения Первого и Второго модерна.

4. Отсюда вытекает центральная проблема глокализации, на которую указывает Бауман: бедные и богатые уже не сидят за общим столом (для переговоров) национального государства. Почему те, кто выигрывает от глобализации (если предположить, что они мучаются угрызениями совести), обязаны осыпать из своего социального рога изобилия именно богатые страны Европы? Почему бы не поддерживать демократические организации и организации самопомощи в Африке и Южной Америке? Подобно бедности и прибылям, *милосердие также становится глобальным*. Если citizen (гражданин) еще зажат рамками национального государства, то буржуа уже действует как космополит; это значит, что, если в его душе шевельнутся демократические побуждения, действия его уже не должны подчиняться императивам национальной лояльности.

5. Многозначность глобализаций во множественном числе приводит к тому, что в результате эффекта «маятника» возникают *наднациональные и субнациональные регионализмы*. Хорошим примером этого служит Европейский Союз. Возникнув как ответ на конкуренцию на мировом рынке с Соединенными Штатами и Японией, самоформирующаяся институциональная структура Европы оказывается уже не просто внутренним рынком. С введением евро не только открывается общее валютное пространство, результатом этого становится также политически-административная необходимость решать проблемы согласования всего, что с этим связано, политическим путем. Таким образом, все еще отгоро-

¹ Pieterse J.N. *Der Melange-Effekt*, а. а. О.

женные друг от друга страны и культуры – Франция, Германия, Испания и др. – как бы изнутри раскрываются и принудительно объединяются. Становится зримым то, что прежде было скрыто: существует не одна Европа, а *много Европ*: Европа государств, Европа регионов, Европа цивилизаций, Европа христианств и т. д.

«Диалектика процесса европейской интеграции подразумевает, к примеру, что гражданин Северной Ирландии может оспорить приговоры британских судов в Европейском суде по правам человека в Страсбурге, Каталония может обойти Мадрид, Великобритания может оттеснить Париж, обратившись в Брюссель или заключив союзы с другими регионами (например, между Каталонией и Рурской областью). И здесь становится заметным самоформирующийся поток, даже водопад: глобализация – регионализм – субрегионализм. “Глобализация, – пишет Р.У. Кокс, – поощряет макрорегионализм, который, в свою очередь, поощряет микрорегионализм. Для бедных регионов микрорегионализм не только является средством утверждения культурной идентичности, но и позволяет требовать денег от институтов на макрорегиональном уровне для укрепления политической стабильности и экономического благосостояния. Решения о подобных перераспределениях принимаются уже на макрорегиональном уровне, а не на уровне национального государства, тогда как решения об использовании перераспределенных финансов принимаются децентрализованно”. Итак, глобализация социальной структуры приводит к появлению дополнительных вариантов организации, выходящей за свои собственные границы: транснациональный, интернациональный, макрорегиональный, внутринациональный, микрорегиональный, городской, местный. Эта административная лестница оплетается и пронизывается *функциональными сетями*

союзов, международных организаций, неправительственных организаций, но также экспертами-специалистами (например, пользователями Интернета)»¹.

Ниже мы сопоставим Первый (национально-государственный) модерн и его основные характеристики с концептом *глобального гражданского общества* – его признаками, вопросами, предпосылками.

Что подразумевает глобализация *при взгляде снизу*? Каким образом можно реализовывать инициативы граждан мира? 1) Какие ресурсы действий и властные возможности имеются у *транснационального гражданского общества*? 2) Что подразумевает *глобализация биографий*? Как возникает *космополитический взгляд на вещи*? 3) Что подразумевают толерантность и критика в отношениях между культурами и насколько они возможны?

2. Символически инсценированный массовый бойкот: инициативы граждан мира и глобальная субполитика

Летом 1995 года современному борцу за доброе дело, организации «Гринпис», удалось заставить мультинациональную нефтяную компанию «Шелл» не топить вышедшую из строя нефтяную буровую платформу в Атлантике, а демонтировать ее на суше; затем этот мультинациональный концерн активистов публично пригвоздил к позорному столбу французского президента Ширака за сознательное нарушение международных норм, чтобы таким образом воспрепятствовать возобновлению французских ядерных испытаний (эта акция «Гринписа» не удалась). Многие задаются вопросом: не от-

¹ Там же. Цитата Кокса Р.У. взята из: *Global Perestroika*, in: Milibrand R., Panitodes J. (Ed.), *New World Order?*, Socialist Register 1992, p. 34 f.

меняются ли основополагающие нормы (внешней) политики, если некое неофициальное действующее лицо — «Гринпис» — проводит свою собственную мировую внутреннюю политику, не обращая внимания на национальный суверенитет и дипломатические нормы? Ведь завтра объявится, скажем, секта Муна, а послезавтра — какая-нибудь еще частная организация, которая захочет осчастливить человечество на свой лад.

Тут упускается из виду следующее: не «Гринпис» ставит на колени нефтяной концерн, а массовый бойкот граждан, вызванный срежиссированной мировой телевизионной акцией. «Гринпис» не потрясает политическую систему, а демонстрирует законодательный и властный вакуум политической системы, который во многом напоминает то, что происходило в ГДР. Позднее выяснилось, что «Гринпис» передергивал: загрязнение Северного моря, которым он угрожал, было сильно переоценено и преувеличено. Это надолго подорвало репутацию «рыцарей доброго дела», но не обесценило политическую инсценировку в качестве одного из вариантов действий в будущем.

При этом всегда используется данный образец создания коалиций глобальной субполитики или прямой политики: возникают союзы партнеров, «вообще говоря», неспособных на союзы. Так, канцлер Гельмут Коль поддержал акцию «Гринписа» против тогдашнего британского премьер-министра Мейджора.

В повседневной торговле, например, при заправке на бензоколонках, внезапно обнаруживаются и используются политические факторы. Водители объединяются против нефтяной промышленности. (Это равносильно тому, как если бы наркоманы решили взбунтоваться против наркодилеров, поставляющих им наркотики.) В конце концов государственная

власть солидаризируется с незаконной акцией и ее организаторами. Таким путем законными средствами государственной власти был оправдан разрыв с этой законностью, а именно осуществлено целенаправленное нарушение норм прямой политики, стремящейся выйти за узкие рамки не прямых государственно-правовых инстанций и норм с помощью своего рода «экологического самосуда». Так в ходе заключения антишелловской коалиции произошла смена декораций: политика Первого модерна сменилась политикой Второго модерна, правительства национальных государств сидели на скамейке зрителей, а неофициальные акторы Второго модерна руководили происходящим в соответствии с собственной режиссурой.

То, что Давид победил Голиафа, в политике не новость. Новое здесь в том, что Давид *в союзе с Голиафом*, причем в глобальном масштабе, объединяются сначала против мирового концерна, а в другой раз — против национального правительства. Новым является союз между непарламентскими и парламентскими силами, гражданами и правительствами во всем мире ради в высшей степени легитимного дела: спасения мира и окружающей среды.

Разумеется, антишелловская коалиция, к примеру, была подозрительным предприятием и вызывала сомнения с моральной точки зрения. Ведь она являла собой образчик бесстыдного лицемерия. Гельмут Коль, например, с помощью этой символической позиции, которая ни к чему его не обязывала, мог отвлечь внимание от того, что его нежелание ограничивать скорость движения на автобанах способствует отравлению воздуха в Европе.

Здесь подспудно заявили о себе немецкий «зеленый» национализм и всезнайство. Многие немцы хотят создать нечто вроде зеленой Великой Швейцарии. Они мечтают, чтобы

Германия стала экологической совестью мира. Но учения политики отличаются от учений морали. Вот в этом союзе взаимоисключающих убеждений — от канцлера Коля до активистки «Гринписа», от поклонников «порше» до метателей «коктейлей Молотова» — и проявляется новое качество политического.

Действия всемирных концернов и национальных правительств начинают испытывать давление со стороны мировой общественности. При этом решающим становится индивидуально-коллективное участие в глобальных сюжетах: *гражданин обнаруживает, что акт покупки товара превращается в акт прямого голосования*, который всегда и везде может использоваться в политических целях. Таким образом, в бойкоте объединяются и вступают в союз общество потребления и прямая демократия — и все это во всемирном масштабе.

Как это напоминает то, о чем писал двести лет тому назад Кант, набросавший в своем трактате «К вечному миру» утопию мирового гражданства, противопоставляя его представительной демократии, которую он называл «деспотической». Итак, налицо глобальная взаимосвязь ответственности, в рамках которой отдельные индивиды — а не только их организованные представители — могут непосредственно участвовать в принятии политических решений. Разумеется, это предполагает наличие покупательной способности и исключает всех, не обладающих ею.

Здесь проходит еще одна важная граница: индивиды отнюдь не стали непосредственно активными. Их протест был символическим и спровоцирован масс-медиа. Человек, по словам Бодлера, это ребенок, заблудившийся в «лесах символов». Иными словами, он зависит от символической политики средств массовой информации. Это прежде всего относится к абстрактности и всеприсутствию разрушения, которое под-

держивает функционирование мирового общества риска. Здесь общедоступные упрощающие символы, затрагивающие и тревожащие нервы культуры, обретают ключевое политическое значение. Эти символы фабрикуются, причем выковыывают их, накаливая открытым пламенем конфликтной провокации, перед полными ужаса телевизионными глазами общественности. Главный вопрос в том, кто распоряжается символами. Кто находит или придумывает, например, символы, которые, с одной стороны, вскрывают, демонстрируют структурный характер проблем, с другой — побуждают к активным действиям? Последнее может удаваться тем лучше, чем проще и доступнее будет инсценированный символ, чем дешевле обойдется индивиду протестное поведение мобилизованной общественности и чем скорее каждый сможет при этом облегчить свою совесть.

Простота означает многое. Во-первых, *возможность переноса на других*. Все мы согрешаем по отношению к окружающей среде; если «Шелл» хотел утопить в море нефтяную платформу, то у «всех нас» чешутся руки выбросить на ходу из окна машины пустую банку из-под кока-колы. Это ситуация, в которой оказывается каждый, вот почему пример с «Шелл» (по своей социальной конструкции) так понятен. С той, однако, существенной разницей, что чем больше грех, тем вероятней судебное оправдание. Во-вторых, *крики морального осуждения*. «Они (верхи)» имеют право с благословения правительства и его экспертов затопить в Атлантике полную остатков нефти буровую платформу, а «мы (низы)» ради спасения мира обязаны расчленивать каждый использованный чайный пакетик на три части, чтобы выбросить по отдельности в разные мусорные баки бумагу, нитку и спитой чай. В-третьих, учет политической *целесообразности*. Коль выступил на стороне акции «Гринпис» против «Шелл», но не против ядерных испытаний Франции: здесь

речь шла о властном покере между державами, а там — только о рыночных интересах «Шелл». В-четвертых, *простые альтернативы действий*. Чтобы наказать «Шелл», нужно и можно было просто заправлять свою машину «морально безупречным» бензином у конкурентов. В-пятых, *торговлю экологическими индульгенциями*. Роль бойкота тем больше, чем сильнее угрызения совести индустриального общества, поскольку с помощью бойкота можно получить своего рода ego te solvo (отпущение грехов) бесплатно и по собственному сценарию.

Глобальные экологические опасности порождают стремление избежать их, защититься от них, призвать на помощь, создается моральный климат, обостряющийся по мере роста ощущаемой опасности, в котором драматические роли героев и мерзавцев в политике распределяются по-новому. Ощущение того, что мир своей промышленностью создает экологическую угрозу самому себе, превращает мораль, религию, фундаментализм, безысходность, трагичность и трагикомедийность — сливающиеся всегда с их противоположностями: спасением, помощью, освобождением — во вселенскую драму. В этой всемирной трагикомедии экономика может либо взять на себя роль отравителя, либо облачиться в тогу героя и спасителя. Именно это и является фоном, на котором «Гринпис» вылезает на сцену, лукаво прикидываясь бессильным. «Гринпис» ведет своего рода *«политику дзюдо»*, цель которой направить сверхмощь экологических грешников против них самих. «Как-то раз, находясь в цинично-благодушном настроении, Иосиф Сталин спросил, сколько дивизий у папы Римского. Известно, что, на взгляд добропорядочных людей, моральные проблемы *никогда* не решаются с помощью угроз и насилия. Если бы “Эмнести интернешнл” приобрело для себя пулемет или даже атомную бомбу, то эта организация в тот же день утратила бы всякое влияние, ее перестали бы слушать. Институтам, располагающим

все большими пушками, на практике все труднее выступать по моральным вопросам, говоря тихим голосом, а он-то и убеждает. Здесь работает образ Лилипутии, нарисованный Джонатаном Свифтом. Сталин не понял, что нулевое военное могущество швейцарской гвардии позволяет папе претендовать на большее, а не на меньшее внимание к нему; и моральный авторитет “Эмнести интернешнл” велик именно потому, что это – институт-лилипут.

До сих пор действия государственной власти определяют нашу жизнь в политическом отношении; в моральном же плане властители сегодняшних государств подвергаются внешней критике, едва ли не более острой, чем в период с 1650 года. И это уже не могут игнорировать даже самые могучие сверхдержавы. Лилипутские организации не могут заставить безнравственных правителей на коленях вымаливать прощение, как это вынужден был сделать Генрих II; но они выставляют непонятливых властителей перед миром в крайне невыгодном свете. Если политическим символом модерна был Левиафан, то в будущем моральной позиции “национальных” держав и сверхдержав будет соответствовать образ Лемюэля Гулливера, который, неосторожно задремав, пробуждается опутанным бесчисленными тончайшими нитями»¹.

3. Полигамия в плане местожительства: полилокальный брак с несколькими местожительствами открывает ворота глобализации в частной жизни

Чтобы понять, что означает глобализация для частной жизни, рассмотрим пример: 84-летняя, можно сказать старая,

¹ Toulmin S. *Kosmopolis – Die unerkannten Aufgaben der Moderne*. Frankfurt/M. 1994, S. 315 f.

дама живет... Вот тут-то и загвоздка. Если верить статистике службы регистрации граждан, она более 30 лет постоянно проживает в Тутцинге на Штарнбергерском озере. Это типичный пример (географической) неподвижности. Но в действительности наша старая дама по крайней мере три раза в год летает на несколько недель или месяцев в Кению (в основном зимой на два месяца, на Пасху на три-четыре недели, да еще раз осенью). Так где ее «дом»? В Тутцинге? В Кении? И да и нет. В Кении у нее больше друзей, чем в Тутцинге, она живет в тесном кругу африканцев и немцев, иные из которых «проживают» в окрестностях Гамбурга, но «родом» из Берлина. Она получает больше удовольствия от жизни в Кении, чем в Тутцинге, но его она также не хочет лишаться. В Африке местные обитатели не только обеспечивают ее всем необходимым, но и заботятся о ней, приглашают в гости. Ее хорошее самочувствие в старости связано с тем, что в Кении она представляет собой «кое-что», у нее там «семья». В Тутцинге, где она числится по документам, она — никто. Она живет, по ее словам, «как певчая птица».

Ее знакомые, с которыми она встречается в Кении и входит вместе в особое «сообщество», родом из Германии, но с тех пор ухитряются жить между городами и континентами. Дорис, которая моложе ее на сорок лет, вышла в Кении замуж за индийца-мусульманина, но постоянно ездит в Германию, чтобы там или здесь (это как взглянуть) заработать денег и присмотреть за порядком в своем доме с садиком в Айфеле. Ей хорошо здесь и там, но иногда она ощущает, что сыта по горло этими переездами туда-сюда. У «ностальгии» для старой дамы два лица, два голоса — это «Тутцинг», а бывает и «Кения». Куда ее тянет, зависит не в последнюю очередь от того, где она в очередной раз засиделась слишком долго.

Можно ли назвать эту жизнь, которая охватывает города различных континентов, транснационально связывает их воедино в одной жизни, — несчастьем, проявлением распада? Нет, ибо наша старая дама не принуждена вести транснациональную жизнь, даже косвенно, в отличие от многих, чья жизнь раскорячена, как в шпагате, поскольку так диктует им профессиональная карьера. Старая дама в счастливом положении, ей не нужно выбирать: за Тутцинг и против Кении или за Кению против Тутцинга. Она живет полигамно в плане местожительства, любит Африку и Тутцинг (пусть и кажется, что одно исключает другое). Транснациональная полигамия в плане местожительства, полилокальный брак с различными местами жительства, относящимися к разным мирам, — это въездные ворота глобализации в частной жизни, они ведут к глобализации биографии.

Глобализация биографии означает, что противоречия мира осуществляются не только где-то там снаружи, но в центре личной жизни, в мультикультурных браках и семьях, на производстве, в кругу друзей, в школе, в кино, в походе за покупками у прилавка с сырами, во время слушания музыки, за ужином, в любовных объятиях и т. п. Все чаще приходится делать вывод (вольно или невольно, осознанно или неосознанно), что все мы живем «глокально» (т. е. глобально + локально). Чтобы осмыслить масштабы этих изменений, стоит вспомнить, что культуркритика в течение целого столетия достаточно оплакивала и то, что в ходе прогрессирующей модернизации люди все сильнее замыкаются в клетки своих высокоспециализированных крошечных миров. Мы внезапно оказались в ситуации, диаметрально противоположной тому, что было общепринятым: дело в том, что противоположности и противоречия континентов, культур, религий — третий и первый миры, озоновая дыра и коровье бешенство,

пенсионная реформа и капризы политических партий – все это вторгается в частную жизнь, ставшую незавершаемой. Глобальное подстерегает и угрожает не как Великое Целое где-то там снаружи – оно гнездится и шумит в самом приватном пространстве приватной жизни. Более того: оно составляет добрую часть индивидуальной неповторимости, своеобразия личной жизни. Частная жизнь есть местоположение глокального. Возможно ли это?

Частная жизнь уже не привязана к какому-либо определенному месту, это уже не устоявшаяся, оседлая жизнь. Это жизнь «в пути» (в прямом и переносном смысле), кочевая жизнь, жизнь в автомобиле, в самолете, в поезде или у телефона, в Интернете, она поддерживается средствами массовой информации и несет на себе отпечаток масс-медиа, это транснациональная жизнь. Техника служит средством преодоления времени и пространства. Она уничтожает расстояния, восстанавливает близость, преодолевая дистанцию, и создает дистанцию вблизи – можно как бы отсутствовать в каком-либо месте, находясь там. Жить в одном и том же населенном пункте уже не значит жить сообща, а жить сообща уже не означает жить в одном и том же месте. Ключевой фигурой частной жизни стал не фланер, а человек, оснащенный автоответчиком и электронной почтой: человек и есть и его нет, он не отвечает на звонок и тем не менее отвечает автоматически, посылает и принимает сообщения, будучи удаленным во времени и пространстве, – сообщения, принятые с помощью технических средств из других пунктов мира и сохраненные в памяти аппарата.

Полилокальность, транснациональность биографии, глобализации частной жизни создают и далее почву для подрыва суверенности национального государства и устаревания национально-государственной социологии: связь места и

общности/общества распадается. Смена и выбор места стоят у колыбели глокализации биографий.

Надо подчеркнуть, что смена и выбор местожительства с учетом возможностей и конфликтов мирового общества не всегда обусловлены субъективным решением. В профессиональных карьерах еще практикуется относительно мягкое принуждение к смене места. Жестокое физическое насилие в военных конфликтах гонит тысячи людей в другие страны и на другие континенты, там они снова (должны) будут скитаться либо спустя месяцы или десятилетия вернуться (должны будут вернуться) назад, на свою «родину»; бедность и надежда на лучшую жизнь ведут к легальной или нелегальной, постоянной или спорадической иммиграции¹.

Добровольно или принудительно — а то и добровольно-принудительно — люди охватывают своей жизнью разделенные миры. Полилокальные жизненные формы суть переведенные, переставленные с места на место биографии, биографии-переводы, которые постоянно надо переводить для себя и других, чтобы они могли существовать как промежуточные жизни. Переход от Первого ко Второму модерну является также переходом от монолокальности к полилокальности форм жизни.

Полилокальный «брак» может, как мы видели, означать очень многое. Он может разыгрываться между Айнзидлерхофом и Обераммергау, или между культурами (как, например, у немецко-турецкой молодежи третьего поколения), или между континентами (например, у вьетнамцев в бывшей ГДР, а теперь в Берлине). Можно пережить и перестрадать континенты мира и в одном глобальном месте (например, в Лондоне).

¹ См.: Pries L. (Hg.), *Internationale Migration — Sonderband der Sozialen Welt*. Baden-Baden 1997.

«Глобализация биографии» должна означать не любую «полилокальность», но только ту, которая перешагивает границы разделенных миров — границы между странами, религиями, культурами, цветами кожи и т. п., — и ту, чьи противоположности должны или могут вмещаться в одну жизнь. Ибо представление о том, что совмещение многих жизней в одной *должно* непременно означать отчаяние и перенапряжение своих сил — это легенда, которой монолокальные пытаются отгородиться от полилокальных.

Чтобы понять социальную конфигурацию глобализации частной жизни, нужно учитывать противоречия различных мест, между которыми эта жизнь протянулась. Это, помимо прочего, требует нового осмысления мобильности. Мобильность, понимаемая как движение социальной единицы жизни и деятельности (семья, брак, индивид) между двумя местами (пунктами) в социальной иерархии, уровне, местности, теряет или смещает свой смысл. В центре оказывается *внутренняя* мобильность частной жизни, для которой нормальным стало передвижение туда-сюда, одновременное пребывание здесь и там, невзирая на границы. При этом, согласно статистике регистрации граждан, можно быть постоянно проживающим и, так сказать, жить неоседло во многих местах одновременно. (От этого надо четко отличать *внешнюю* экстренную мобильность, в случае, например, переезда, смены профессии, развода, вынужденного бегства, эмиграции.) Внутренняя мобильность уже не исключение, но правило, не нечто чуждое, но нечто привычное, что встречается постоянно в многообразных формах выражения; постоянное посредничество между различными местоположениями и их особыми социальными требованиями есть вторая натура частной жизни. Внутренняя мобильность и полилокальность — транснациональная, трансконтинентальная, трансрелигиозная,

трансэтническая, в биографическом поперечном срезе и продольном разрезе жизни — суть две стороны одного и того же. Внутренняя — в отличие от внешней — мобильность предполагает такую меру духовной и физической подвижности, которая требуется или желательна, чтобы справляться с повседневной жизнью между различными мирами. В этом проявляются также *пределы* внутренней мобильности: они связаны не только с (финансовыми) трудностями социальной координации и социального освоения быта, они обуславливаются и возрастом, болезнью, инвалидностью и т. п.

Эти различные миры потенциально присутствуют (благодаря информации, потреблению, социальным, культурным и религиозным противоречиям) в каждом конкретном месте, что зависит от доступных источников информации, многообразия межкультурных отношений, миграции, законов об иностранцах и т. д. Иными словами: представление, что мы живем в замкнутом, замыкаемом месте, повсюду оказывается на опыте фикцией¹.

Маартен Хайер (ссылаясь на У. Ханнерца) говорит о «транснационализации места». «Транснационализация создает новые связи между культурами, людьми и местами и тем самым изменяет наше повседневное окружение. Она не только приносит с собой в наши супермаркеты едва ли известные до сих пор продукты (как, скажем, дарьяны, чабатты или пиде), а в наши города — знаки и символы (например, китайские и японские надписи или мусульманскую музыку); в городах объявляются, причем во все большем количестве, новые группы и люди, которые в глазах многих граждан сегодня определяют внешний вид большого города: это, например, африканцы, боснийцы, хорваты, поляки и русские, встречаются также

¹ См.: Albrow M. *Abschied von der Heimat*. Frankfurt/M. 1998.

японцы и американцы. Кроме того, в больших городах можно наблюдать, как транснационализация влияет на новую культуру Второго модерна, что проявляется, скажем, в форме мусульманской музыки в стиле «диско», кулинарных «смешанных» блюдах — называемых также *cuisine sauvage* («дикарская кухня»), новых концертов с участием представителей музыкальных культур всего мира, а также в появлении евроазиатских, афро-европейских или карибско-африканских детей»¹.

Что же такое полилокальность, транснациональность частной жизни, если само понятие места (локуса) столь многозначно? Когда частная жизнь распространяется на несколько мест, это может означать, что данная биография осуществляется во *всеобщем пространстве*, т. е. в аэропортах, в отелях, ресторанах и т. п., которые всюду одинаковы или похожи, а значит, не связаны с определенным местом, и вопрос «Где я?» в конечном счете повисает в воздухе. Полилокальность может также означать, что люди влюбляются — всякий раз по-новому — в то, что отличает одно место от другого, в их лица и истории, как бы обручаются с ними (я сопоставил только крайности). Таким образом, места дают повод открыть и испробовать особые стороны самого себя. В какой мере это место является «моим местом», а «мое место» — моей частной жизнью? Каким образом соотнесены друг с другом различные места на воображаемой карте «моего мира» и в каком смысле они являются «значимыми местами» в срезе и разрезе частной жизни?²

¹ Hajer M. *Die Gestaltung der Urbanität*, in: Beck U. (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, а. а. О.

² См. об этом: Dürschmidt J. *Individual Relevances in the Globalized World*. Diss. Universität Bielefeld 1995; а также Eade J. (Hg.), *Living the Global City*, а. а. О.

Итак, полилокальность не означает (если соотносить ее с великими социологическими наррациями) ни эмансипации, ни не-эмансипации, ни аномии, ни не-аномии, ни автоматически «космополитического взгляда», ни нового фундаментализма, ни паушализации, ни алармизма, ни диффамации (например, в отождествлении ислама и фундаментализма с насилием). Но она означает нечто новое – то, что вызывает наше любопытство, нашу жажду новизны, побуждая нас раскрыть мир этого нового, его вид.

«Мы встречаем людей с экзотически звучащими именами, непривычной для нас внешностью, с иным цветом волос и кожи, – все это вызывает у нас массу ассоциаций с дальними странами, с Востоком; но вдруг они отвечают нам на баварском или швабском диалекте, и тут выясняется, что выросли они в Кройцберге под Берлином или в Дуйсбурге; короче, они ставят нас в тупик и переворачивают наши представления о нормальности.

Как говорится в одном романе Курейши¹: “Каждый смотрит на тебя и думает: какой симпатичный индийский мальчик, какой экзотический у него вид! Что за прелесть! Какие увлекательные истории о джунглях и слонах он нам расскажет!” Но потом выясняется, что индийский мальчик – родом из Орпингтона, лондонского предместья, и никогда, даже наездом, не был в Индии; короче: мир сошел с ума. Вид так обманчив. Кто есть что, кто есть кто?

Похожие истории можно услышать и о Германии: “Так-так, господин Каянка, вы, значит, частный детектив будете. Интересное у вас имя, Каянка”. “Совсем не интересное, а про-

¹ Курейши, Ханиф (р. 1954) – английский писатель, автор двух романов, а также рассказов, пьес, киносценариев. Упомянутый отрывок взят из его первого романа «Будда из предместья» («*Buddha of Suburbia*», 1990). – *Прим. перев.*

сто турецкое”. “Ах вот как”. Улыбка делается еще слаще, глаза превращаются в щелочки. “Стало быть турок. Турецкий частный детектив? Чего только на свете не бывает. А где это вы так здорово наловчились говорить по-немецки, позвольте полюбопытствовать?” “Да нигде, я просто другого не знаю. Родители умерли, когда я был маленьким, вырос я в немецкой семье”. “Но вы – турок, то есть, я хочу сказать...” “У меня немецкий паспорт, если это вас может успокоить” (J. Arjuni. *Ein Mann, ein Mord. Zürich* 1991)»¹.

4. Возможна ли межкультурная критика?

На одной карикатуре изображены испанские конкистадоры, которые вступают на землю Нового Света, сияя доспехами и оружием. «Мы пришли к вам, – написано в облачке, выходящем из уст говорящего, – чтобы побеседовать с вами о Боге, цивилизации и истине». А группа явно озадаченных туземцев отвечает: «Конечно, конечно, что бы вам хотелось узнать?»

О том, что затем дело дошло, да и сейчас еще доходит до кровавой бойни, писали очень много и безо всякого результата. Чем же обусловлен комизм этой сцены? Забавный момент связан со взаимным непониманием характера этой «встречи»: громыхающий оружием западный империализм маскирует свой миссионерский пыл сентенциями в жанре «межкультурного диалога». Завоеванные наивно и неверно истолковывают ситуацию как приглашение к разговору и хотят поделиться своими соображениями, но им суждено другое. Их, как рождественских гусей, сначала будут откармливать чужими истинами, а потом свернут им шею.

¹ Beck-Gernsheim E. *Was kommt nach der Familie?* München 1998.

Горький комизм заключается в том, что наблюдатель знает *больше*, чем нарисовано на картинке, карикатурист и рассчитывает на это знание. Наблюдатель знает о реальном будущем того, что происходит на картинке. Он знает, какие разрушения и кровавые бойни пришли в мир из-за слепоты к чужому, заложенной в собственных истинах. Улыбка сбегает с лица от сознания трагизма, которым завершится эта ситуация. И этим трагизмом мир пронизан до сегодняшнего дня. Трагизм и комизм — две стороны ведущегося, но постоянно терпящего крах межкультурного «диалога».

И тут мы спросим: возможна ли межкультурная критика? И еще наивнее: *каким образом* она возможна?

Чтобы быть уверенными в правильности постановки вопроса, обратимся сначала к классикам толерантности и непонимания — к Ницше и Лессингу, — а затем попытаемся навести мосты между (враждебными) лагерями (постмодерного) контекстуализма и (просвещенческого) универсализма.

а) «Мудрость, полная плутоватой шутливости»

Существует Ницше-постмодернист, который с удовольствием крушит и бичует все истины, вскрывая эгоистические побуждения в морали, и проповедует имморализм, безответственность и эгоизм. Но есть еще и Ницше — иронический просветитель, основатель подобного просвещения, и этого основателя, пожалуй, еще надо будет открыть. Он знал о мудрости смеха, которую он называет «мудростью, полной плутоватой шутливости»: «[Сократ обладал] веселой серьезностью и мудростью, полной плутоватой шутливости, [что составляет лучшее душевное состояние человека]...»¹

¹ Nietzsche F. Werke in drei Bänden. München 1994. Bd. 1, S. 915.

Со-страдание Ницше заменяет со-смеянием. Очевидно, что разрушение ценностей никогда не было для него самоцелью, оно должно было расчистить пространство для со-радования, со-смеяния других (истин) в межкультурном диалоге — со-смеяния над другими, чью маску люди натягивают на себя, над маской, которой стали эти люди и на которую смотрят глазами других, и т. д. При этом глобальное, что стоит у Ницше перед глазами, не растворяется в современном, но заключает в себе и соседство, и противопоставление столетий. Чем бы оказалась мораль «глокальной» жизни под ироническим взглядом Ницше?

Легче сказать, чем она *не* является: она и не моральная *tabula rasa*, и не мораль условностей. Она предполагает, что абсолютистские морали разделенных миров подвергаются разрушению. Но не для того, чтобы их место заняло ничто, а чтобы открыть пространство для одновременного *уменьшения* и *увеличения* моральных масштабов и притязаний. «Итак, искушающая мораль: *полагать* себе цель»¹.

«Мудрость, полная плутоватой шутливости» проявляется (если говорить упрощенно, то методически применяется) у Ницше в двойном движении. Во-первых, он выступает за *индивидуализацию идеалов*: индивидуум становится законодателем, но при этом *только* законодателем *самого себя*. Индивидуализация, следовательно, осуществляет в царстве морали максимально возможное уменьшение масштабов. Они справедливы для меня, только для меня. Так мораль становится возможной как законодательство-для-себя, а точнее — как законодательство-*только-для-себя*.

Но это законодательство не распахивает двери перед релятивизмом, принципом «делай-что-хочешь». Ницше имеет в

¹ Nietzsche F., a. a. O., Bd. 3, S. 874.

виду прямо противоположное, в терпимости, которая почи- вает с уверенностью в собственной моральной правоте, он всегда улавливает *болтовню* о толерантности — «облачко с тек- стом, вылетающее изо рта персонажа комикса», «облачко» завоевателя: «...мы пришли, чтобы побеседовать с вами о Боге, цивилизации и истине...» Толерантность должна мыслиться и практиковаться радикальнее в одновременности двух дви- жений: сужения области собственной моральной высоты и стремления к межкультурному диалогу с другими истинами, истинами других.

Итак, индивидуализация морали проистекает не из эгоисти- ческих мотивов. Напротив, она дает шанс для *глобальной* мора- ли толерантности. Так становится возможным не только диа- лог, но и такой «гибрид», как межкультурная критика: законодательство-для-себя в двойном значении ограничения и расширения делает нас способными на критику и на конфликт.

Для Ницше самоограничение вплоть до законодательства- только-для-себя открывает взгляд, освобождает — возможно — от расхожих образов чужих, выводит на экспериментальное пространство опыта и действий при встрече с тем, что досто- верно для других.

Ответы Ницше на вопрос, как возможна межкультурная критика, в сильно огрубленном виде формулируются так: только законодательство-для-себя *и* усомнение-в-себе открыва- ют и укрепляют нас перед лицом вызовов межнациональ- ной жизни.

Одно законодательство-для-себя *без* усомнения-в-себе ве- дет к нетерпимости, этноцентризму, эгоцентризму; *одно* усом- нение-в-себе *без* законодательства-для-себя ослабляет, зас- тавляет капитулировать перед пошлостью мира.

Это противоречие разрешается, как было сказано, тем, что Ницше называет «*испытующей* моралью: полагать себе цель».

Индивидуализация идеалов сужает и расширяет область морали, поскольку таким образом моральные законы других становятся возможными, могут переживаться и делаются желанными как *обогащение* частной жизни: «Мы же хотим стать тем, что мы есть, — новыми, неповторимыми, несравнимыми, полагающими себе собственные законы, себя-самих-творящими!»¹ Контрвопрос очевиден: что произойдет, если законодатели-только-для-себя будут по очереди разбивать друг другу головы?

В известном смысле аналогичный ответ можно найти у Лессинга, которого занимали вопросы взаимоисключающих истин, что нашло особое выражение в его пьесе «Натан Мудрый». «Мудрость» Натана Мудрого заключается прежде всего в том, что он с подозрением относится к своей мнимой мудрости, как и ко всем проявлениям высокопарного идеализма, которые делают людей слепыми по отношению к миру. На вопрос султана Саладина: «Тебя зовут Натаном? И мудрым?» — он отвечает: «Нет». На упрек султана: «Сам не скажешь так, а твой народ?» — он роняет: «Возможно»². Затем следует пассаж о сомнительной ценности похвалы — слыть «мудрым» у народа.

Сегодня можно было бы сказать: Натан — ранний «прагматик» в вопросах веры и истины. Он хочет увидеть, почувствовать, ощупать то, чему соответствуют выпренные слова, которые часто слетают с высокопарных уст. «Мы пришли к вам, чтобы побеседовать с вами о Боге, цивилизации и истине». — «Конечно, конечно, что бы вам хотелось узнать?»

¹ *Веселая наука*, № 335 (перевод К.А. Свасьяна) — В кн.: Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.1. М., 1990. С. 655. — *Прим. перев.*

² Лессинг Г.Э. *Драмы. Басни в прозе*. М., 1972. С. 363 (перевод Н. Вильмонта). — *Прим. перев.*

Это моральное пустословие противно Натану, он смотрит на это иронически.

Так, в удивительном вопросе султана: «Так уж поведай мне: какая вера, какой закон тебя своею правдой всех более пленил?»¹ — он подозревает сначала ловушку и отвечает, чтобы выиграть время, не прямо, а той знаменитой притчей о кольцах, которая задумана именно *не* как ответ, а как уклонение от ответа.

Кольцо в притче символизирует избранность. Оно всегда переходит от отца к самому любимому сыну. И так до того момента, когда некий любящий отец, которому его трое сыновей одинаково дороги, велит изготовить еще два столь же ценных и столь же прекрасных кольца, неотличимых от первого, чтобы не огорчить никого из сыновей. Но поскольку каждый считает, что обладает тем самым единственным кольцом, и мнит себя избранником, возникает вынесенный на публику спор. «Судья сказал: когда не приведете вы тотчас же отца, покиньте тут же судилище. Иль думаете вы, что я разгадчиком сюда поставлен?..»²

Требование провести различие между взаимоисключающими правдами христианской, еврейской и мусульманской религии выполняется парадоксальным образом. С одной стороны, вовсе никак, с другой — двумя способами: судья не выносит решения; он призывает ищущих совета к самостоятельному мышлению и самостоятельным действиям. Одновременно он снабжает спорящих об истине неким критерием. Согласно его приговору, единственно возможное доказательство их «избранничества» кроется в *плодах их действий*. Итак, деятельность, конфликт, спор, подтверждение

¹ Там же. С. 365.

² Там же. С. 371.

на практике умножают признаки, но исключительно те, которые указывают на истину. И здесь — как и у Ницше — отказ от притязания на истину нужен для того, чтобы разрядить мир *contradictory certainties*¹ и раскрыть пространства для творческого созидания.

Проще говоря, ответ Лессинга сводится к различению, значение которого невозможно преувеличить, а именно к различению между *уверенностью* и *истиной*. Уверенность — если говорить словами притчи — это *обладание единственным кольцом отца*; напротив, истина — неуверенность в том, какое из трех колец «подлинное». Эта неуверенность как истина неснимаема. Уверенности не вредит никакое сомнение. В истине, напротив, живет — правит? — сомнение.

Кольцо дарует, согласно притче, расположение людей. Истина должна заслужить свой атрибут — быть истинной. «Расположение» (признание другими того, что я делаю) становится средством, чтобы доказать себе и другим изначальную силу кольца. Так, сомнение благодаря истине поистине высвобождает активность, которая должна сама себя оправдать — «доказать». Самостоятельное мышление, самостоятельная деятельность, необладание — открывает возможности, создает пространства.

У Лессинга помимо прощания с уверенностью, с которой он расстается мягко, скорее с печалью, чем с иронией, имеется существенное указание, что не-обладание уверенностью в собственной правоте располагает людей к другим людям и их истинам. К тому же Лессинг связывает максимум самоограничения — допущения, что есть несколько истин, несколько действительностей, которые противоречат друг другу, — с вла-

¹ Противоречащие друг другу, взаимоисключающие правды, или уверенности в собственной правоте (*англ.*).

дением кольцом (Ring) как свидетельством многозначного избранничества. Иными словами, универсалистские и релятивистские принципы настолько переплетены друг с другом, что *борьба* (Ringen) за истину становится предпосылкой социально ценной деятельности.

б) Контекстуальный универсализм

Ницше и Лессинг аргументируют по-разному, даже радикализм их разный, но их аргументы указывают в одном направлении: оба они *не* готовы, говоря современным языком, расстаться с универсалистскими принципами или релятивистскими принципами. Недостаток универсализма в том, что он навязывает свою точку зрения другим, но его преимущество в том, что он учитывает другие, относится к ним серьезно. Важно различать между универсалистской и *тотализирующей* (в предельном случае *тоталитарной*) точками зрения. Универсалистская точка зрения, — скажем вслед за Ницше, — легко объединяется с самоограничивающим законодательством-для-себя. Универсализм знает — скажем вслед за Лессингом — о различии между истиной и уверенностью в собственной правоте. И то и другое не годится для тотализирующих тенденций; тут образ собственной морали, замутненный в своих исторических истоках, становится мерилom для всех.

С другой стороны, нельзя обойтись без релятивизма и *контекстуального* мышления, поскольку они повышают *уважение перед культурными различиями* и делают привлекательной и необходимой смену перспектив.

Находясь перед выбором между универсализмом и контекстуализмом (релятивизмом), оба они — Ницше и Лессинг — отвергают это «или — или» и ищут (как я их называю) инклюзивные различия. Эту борьбу за «и», связывающее друг с дру-

гом универсализм и контекстуализм, я хотел бы подхватить и продолжить, применив это различие к себе.

В результате возникает таблица, состоящая из четырех полей: *универсалистский универсализм (УУ)*, *универсалистский контекстуализм (релятивизм) (УК)*, *контекстуальный универсализм (КУ)* и *контекстуальный контекстуализм (КК)*; причем четвертая позиция (КК) в содержательном плане весьма близка третьей, так что в дальнейшем я вкратце осветю лишь первые три позиции.

Обе первые позиции (УУ и КУ) в различной степени несут *тотализирующие* черты. Это относится, например, к старому Просвещению, которое говорит о *людях*, подразумевая *мужчин*, а точнее — *белых мужчин высшего образованного слоя*. К тому же притязания ученых с помощью своих методов заставить заговорить природу, действительность, какова она есть, вызывают теперь только улыбку.

Но в другом отношении это справедливо и для *тотализирующего контекстуализма (релятивизма)*. Здесь с помощью совсем других аргументов, но со схожими результатами осуществляют отказ от смены перспектив, просто объявляя ее невозможной. Если все относительно, то это означает (в применении к нашей карикатуре), что у завоевателя одна точка зрения, а у завоеванного — другая; карикатурист-наблюдатель и его публика занимают еще какие-то позиции. Между всеми этими позициями зияют более или менее непреодолимые пропасти. Результат: все таковы, каковы они есть.

Невольная ирония, кроющаяся в тезисе о несоизмеримости, состоит в том, что он неотличим от *эссенциалистского* взгляда на мир. Он соблазняет и влечет к постмодерному квазиэссенциализму, который разделяет подход естественного эссенциализма: вещи надо принимать такими, какие они есть.

Возможно, это поможет в дальнейшем задуматься не только об ограничении своих собственных моральных принципов, но также об ограничении своего *собственного релятивизма*. Абсолютизированный контекстуализм в конечном счете так же *слеп* к истинам другого, как и абсолютизированный универсализм. Там это блокируется образом чужого, заложенным в уверенности в собственной правоте — своей правде, здесь — допускаемой невозможностью вообще понять точку зрения другого.

Универсалистский контекстуализм (релятивизм) есть эвфемизм для *невмешательства*. Здесь царит вечный (не)покой вечного релятивизма. Люди хотят иметь покой и оставить в покое других и подводят под это базу, утверждая, что пропасти между культурами непреодолимы, так что диалог отражает всегда только собственную уверенность. Это, разумеется, полемическая характеристика, а что касается мотивов, то, наверное, даже и ложная. Но из предположения о несоизмеримости вытекает *априорный* пакт о невмешательстве, который заключается между культурами, допускаемая невозможность диалога, а также невозможность смены перспектив (в любой форме). Важен именно этот аспект: это утверждение взаимоисключающих точек зрения делается *без* проб и ошибок, принципиально, без опыта, как бы антиконтекстуалистично. Я бы хотел использовать эту без-опытность как повод, чтобы сформулировать противоположную позицию — *контекстуальный универсализм*. Дело в том, что его можно понять и развить как точное зеркальное отражение универсалистского контекстуализма.

Контекстуальный универсализм исходит из противоположной ситуации: *невмешательство невозможно*; именно это подразумевается в утверждении, что мы живем в век однородности, в глобальную эру. Все попытки остаться в стороне,

укрыться в представлении о разделенных мирах – гротескны, поневоле комичны. Мир *есть* карикатура на не подлежащий отмене, друг с другом мимо друг друга идущий (не)диалог. Маскировать этот факт благодушной риторикой об учении друг у друга не только бесполезно, но и совсем ненужно, если опираться на креативную силу непониманий¹.

Здесь не следует биться над ложными альтернативами. Контртезис к предположению о несоизмеримости не говорит о том, что некий *диалог* происходит. Контртезис заключается только в следующем: разделенных миров не существует. Имеется пестрота глобальной невзаимосвязанной взаимосвязи, по сравнению с которой отход к недIALOGу кажется *идиллическим*.

На место пакта о невмешательстве из-за невозможности выступает допущение о глокальной жизни. В этой перспективе мнимые выгоды от несоизмеримости предстают как иллюзорные пути бегства из ловушки – из карикатуры на межкультурное непонимание, в которую превратился мир. В соответствии с этим обсуждению подлежит не «*так ли?*», а «*каким образом?*» вмешательства, допущения вмешательства

¹ «Историки культуры доказали тот факт, что между чуждыми культурами непонимание действует куда более креативно, чем понимание. Кирк Варнедо... продемонстрировал это в своей книге *A fine disregard* [“*Тонкое неуважение*”] на примере великолепно усложненного пинг-понга непониманий, который привел, скажем, к влиянию японской ксилографии на Ван Гога и Дега. Дело в том, что японцы в XVI веке ложно понимали принцип центральной перспективы и выстроили на так возникшей импровизированной версии европейского принципа свое изощренное искусство гравюры на дереве. Они, далее, вдохновили Ван Гога и Дега, вызвавших революцию в европейском искусстве XX века, которая, в свою очередь, началась с модернистски небрежного обращения с центральной перспективой. Складывается впечатление, что исходным пунктом и целью функционирующего сообщества межкультурного обучения не является понимание» (Wackwitz S. *Alles hat seine Grenzen – Vom fragwürdigen Nutzen kultureller Lerngemeinschaften*, in: *Süddeutsche Zeitung*, 26. 11. 1996).

в свои дела, совместного вмешательства и противодействующего вмешательства.

Вполне без иллюзий, с долей скепсиса, с которой по праву формулируется тезис о несоизмеримости, можно противопоставить оба принципа следующим образом. Абсолютный контекстуализм утверждает: да оставь же ты меня в покое! Не потому, что нарушение покоя запрещено, а потому, что оно и так невозможно из-за пропастей несоизмеримости. А в результате приходим к тому же самому.

В противоположность этому принцип контекстуального универсализма гласит: из непокоя взаимного вмешательства взаимоисключающих уверенностей в собственной правоте выхода нет. В какой степени смена перспектив, диалоги, «разговор глухих», насмешки, конфликты возможны, необходимы, бессмысленны, абсурдны или все это вместе взятое, — в какой степени это так или не так, я всегда узнаю только *после того*, как сделал этот шаг. Следовательно, существенное различие состоит не в том, что там переход отрицается, а здесь утверждается, а в том, что там этот шаг как бы *без проверки* исключается, а здесь идет борьба за необходимый *опыт* пробы. (И то и другое с любой точки зрения может производить комическое впечатление.)

Таким образом, несоизмеримость означает в рамках контекстуального универсализма *предустановленное невежество*; парадоксально фундированную на абсолютизированном релятивизме *самоуверенность*; допускаемую *без проверки, без опыта уверенность*, что взаимный обмен перспективами и аргументами бессмыслен. Я не обязан открывать свои собственные святыни для других, подставлять себя под огонь критики. В противоположность этому вопрос контекстуального универсализма гласит: как мне *научиться смеяться* над своими святынями, минуя святыни других?

Первая попытка инклюзивного различения сводится к тому, чтобы интегрировать контекстуальное *непосредственно* в понятие универсального. В результате подрывается альтернатива: *либо* один универсализм, *либо* никакого. Но здесь возникает такая возможность: имеется *мой* и *твой* универсализм, имеется *много* универсализмов — *плюралистический* универсализм. Если вскрыть абсолютизм универсализма, станет ясно, что альтернативой является не отсутствие святыни (следуя направлению мысли Ницше), но самоограничение *моими* святынями, которое в свою очередь порождает вопрос о *чужом* универсализме. Поясним это на примере.

Права человека нельзя приписывать универсалистскому универсализму в том смысле, что они в *изобретенной* на Западе форме должны обладать значимостью на всем земном шаре и что *только* Запад утверждает и защищает неотъемлемые права для всех людей. Как известно, эта идея со смыслами, частично взаимодополняющими, частично взаимоисключающими, встречается и в других культурах, традициях и религиях. Разные *версии* прав человека существуют даже в различных уголках Европы. Так, например, в скандинавских странах экономические права относят к основным правам, тогда как в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы гражданские и политические права часто ценятся главным образом не правительствами, а населением. Притязания, возникшие в других регионах мира, свидетельствуют о другом понимании прав. Так, существует *Африканская хартия в защиту прав человека и народов*. «Она отражает в первую очередь характерную для африканцев концепцию прав человека, которая развилась из норм традиционных африканских обществ и опирается на два принципа — на коммунитаризм, отвергающий западный индивидуализм, и на принятие решения путем консенсуса, которое делает ненужным конкурен-

цию в предвыборной борьбе. Эти принципы... имеют во всей Африке большое значение»¹.

Любопытство к другим концепциям и традициям прав человека не означает отказа от идеи равных прав для всех людей, чего опасается универсалистский универсализм. Начинается «только» (возможно, следует говорить: только сейчас) соревнование культур, народов, государств и религий ради *самых полезных* для всех людей концепций прав человека. И начинается проклятый «диалог» об этом.

Что с этим кончается, так это молчание всевозможных проповедников универсализма, искренне уверенных в собственной правоте. Движение за самоограничение, утверждающее только собственный универсализм, не вынуждает оставить другие универсализмы такими, какие они есть, во взаимной неприкосновенности. Напротив, только так оказывается возможным выставить в выгодном свете не одну версию, а просто мою версию прав человека в борьбе с другими версиями.

Контекстуальный универсализм не обязывает принимать, следуя ложно понятому релятивизму, нарушения прав человека в других культурных кругах, странах. Но он и не дает права на то, чтобы самовластно вторгаться в какую-либо страну, например, для защиты меньшинства от преследований. Он задается вопросом: какие концепции прав человека, правозащитные группы имеются в странах, где права человека вопиющим образом нарушаются? Как *эти группы* сами со своих позиций, исходя из своего знания прав человека оценивают то, что происходит в их стране? И как эти толкования и интерпретации соотносятся с нашими (моими) гипотезами толкования универсальных,

¹ Bretherton C. *Allgemeine Menschenrechte — Der «menschliche Faktor»*, in: Beck U. (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, а. а. О.

а значит, и там сохраняющих силу прав человека? То, что тем самым парадоксы не разрешаются, вполне очевидно.

Но отход к контекстуальной, то есть западной, нашей, моей версии универсальных прав человека, ни в коем случае не равнозначен моральной и политической капитуляции перед примерами озверения, на которые богато XX столетие, такой отход есть предпосылка вмешательства в конфликты по поводу прав человека и нарушений этих прав в других культурах и странах.

Контекстуальный универсализм утверждает: необходимо открыть свои самые дорогие святыни для критики другим. Необходимо совершить *святотатство многобожия* в делах универсализма, причем в первую очередь в отношении самого себя. Необходимо, если говорить на языке Лессинга, сознательно сделать шаг от *уверенности* к *истине* в поле универсализмов — в философском, моральном, политическом отношениях. Тогда в воображаемом мире многих универсализмов можно будет когда-нибудь от всего сердца посмеяться над безрассудной человеческой гордыней универсальной уверенности.

VI

Контурь мирового общества: конкурирующие перспективы

Мы собрали, представили, сопоставили и проанализировали достаточное количество аргументов, чтобы снова вернуться к главному вопросу: в чем разница между *глобальностью*, *глобализацией* и *глобализмом*?¹

Глобализация подчеркивает характер процесса, происходящего в сфере транснационального, причем в измерениях, которые мы представили выше; имеется в виду:

– интенсификация транснациональных пространств, событий, проблем, конфликтов, биографий;

– движение (вопреки разного рода соображениям, на которые наводит слово «глобальный») не следует понимать ни как прямолинейное, ни в смысле «тотального», «всеобъемлющего»; более того, это движение надо рассматривать как *контингентное* и *диалектическое* – глокальное; это становится яснее, если развернуть логическую фигуру «инклюзивного различения», *включающего противопоставления*, – как принцип биографии, идентичности и организации;

– в соответствии с этим необходимо проанализировать глобализацию/локализацию с точки зрения ее *степени*, *плотности*, *размаха*. Формы проявления глокализации могут и должны быть исследованы *эмпирически*.

Понятие *глобальность* нацелено на более жесткое утверждение реальности. Оно в конечном счете подразумевает мировое общество и утверждает, что эта ситуация *необра-*

¹ См. выше, с. 23 и след. наст. изд.

тима; то, что называется «мировым обществом», должно пониматься

- многомерно,
- полицентрично,
- контингентно,
- политически.

С позиций *cultural theory* можно поставить вопрос о мировом обществе: в каких формах и на каких форумах оно переживается, проживается, социально воспринимается, практикуется – и *таким образом является реальным*? Пожалуй, первым, кто сделал эмпирическим индикатором рефлексивного мирового общества степень осознания и сознания того, что мы живем в мире как *одном* глобальном месте (локусе), был Р. Робертсон. Сходным образом рассуждает А. Нассеи: «О мировом обществе можно говорить тогда, когда *global players*, глобальные пороки, воспринимают себя *в различии своих различных связей с одним и тем же миром*, и это становится предметом рефлексии». В таком случае мировое общество было бы – в соответствии с теоремой Томаса – всемирным горизонтом, который открывается в том случае, если он проявляется в коммуникации как реальный. Только на таком фоне можно декодировать и эксплуатацию рабочих в каком-нибудь ином регионе мира, и социально-романтический этно-эклетицизм западных образованных кругов – с их мировоззренческими, туристическими и рекреационными потребностями – как феномен мирового общества. И в этом смысле открытие Америки, крестовые походы или колониальная политика XIX века, скорее всего, не были всемирно-общественными событиями»¹.

¹ Nassehi A. *Die «Welt»-Fremdheit der Globalisierungsdebatte*. Ms. München 1997.

От понятий глобализации и глобальности надо отличать (и критиковать) *глобализм* — т. е. неолиберальную идеологию господства мирового рынка; этим мы займемся в третьей части книги, «Заблуждения глобализма». Но сначала уточним тезис о необратимости мирового общества, сопоставив шесть кратко сформулированных, частично конкурирующих друг с другом, частично взаимодополняющих перспектив развития мирового общества:

- 1) Третьи культуры или глобальное гражданское общество?
- 2) Космополитическая демократия.
- 3) Капиталистическое мировое общество.
- 4) Мировое общество риска.
- 5) Политическое мировое (переходное) общество.
- 6) Прогноз: транснациональное государство.

1. Третьи культуры или глобальное гражданское общество?

В своем трактате «К вечному миру» Кант развивает тезис о том, что демократии в конечном счете *никогда не смогут существовать* в форме отдельных обществ, национальных государств; они будут возможны только в рамках общества граждан мира. Он увязал самостоятельное управление многих не только с их самоосмыслением и самостоятельными действиями; напротив, и то и другое предполагает рамки а) *опыта глобального гражданского общества*, б) *всеобщего действия основных прав*.

Тот, кто привязывает «мировое общество» к самовосприятию этого общества, должен задаться вопросом, может ли существовать нечто вроде глобальной памяти, возникающей из пережитых общих опытов и опасностей. Транснациональные взаимосвязи, базирующиеся на опыте, возникают и существуют исторически, например, как результат межконтиненталь-

ных торговых отношений, миграционных движений, работорговли, завоеваний, войн, империализма, колониализма. А.Д. Смит в особенности не соглашался с утверждением, что колониальная история может быть содержанием глобальной культуры и идентичности. «Глобальная культура в отличие от национальных культур в принципе не обладает памятью. “Нация” для своего формирования может опираться на латентный опыт и потребности населения и выразить их, тогда как “глобальной культуре” не соответствуют никакие реальные потребности и никакая формирующаяся идентичность. Не существует “мировой памяти”, которая могла бы быть полезной для объединения человечества; вплоть до настоящего времени большинство глобальных опытов — колониализм и обе мировые войны — были годны лишь на то, чтобы напоминать нам о наших исторических столкновениях»¹.

«Если *единственное следствие* конфликта, завоевания и подавления заключается в разделении людей, то нации — суть продукты искусственных разделений, ибо большинство из них возникли как реакции на конфликты, — отвечает на это Питерзе. — Аналогично обстоит дело и на всеобщем уровне: утверждение, что конфликты только раскалывают человечество, упускает из виду решающий момент, а значит — ложно. Ведь конфликты еще и сплачивают людей, пусть и мучительным образом, порождая амбивалентное единство. К азам диалектики относится положение, что единство развивается из противоборствующих позиций и из конфликтов... Важным фактором при образовании постколониальных смешанных культур явилось единство некогда господствовавшего государства и покоренных стран, опирающееся на общий политичес-

¹ Smith A.D. *Towards a Global Culture?*, in: Featherstone M. (Ed.), *Global Culture*. London 1990, p. 180.

кий и культурный опыт, в том числе опыт подавления. Так, бывшая Британская империя во многих сферах все еще представляет собой единое пространство, где говорят на общем языке, находят общие элементы в правосудии и политической системе, где одинаковы инфраструктуры и правила уличного движения, где можно встретить один и тот же архитектурный стиль – будь то в Индии или в Южной Африке, не говоря уже об остатках Содружества».

Если опыт мирового общества является существенным признаком этого общества, то и мультикультурное общество – не выдумка, а глобальная реальность. Ни выбрать ее, ни отказаться от нее нельзя; она не ведет автоматически к толерантности, ее следствием может быть изоляция и ксенофобия. Если противоречия мирового общества прорываются конфликтами на местах, это не значит, что «эксперимент по созданию мультикультурного общества» провалился; возможно, это признак начала новой социальной эпохи, в которой транснациональные, транскультурные формы жизни станут нормальным явлением. Населению, которое закрывает глаза на эти реальности и по-прежнему мыслит о себе и других как о цельных (народных) культурах, будет непросто научиться жить в совершенно нормальной неразберихе мирового общества.

«Как быть, если марокканские девушки устраивают в Амстердаме состязания по кик-боксингу, азиаты в Лондоне играют рэп, пекут ирландские бейгл (бублики), китайские тако (блинчики с начинкой), индейцы в Нью-Йорке празднуют последний день карнавала перед Великим постом, а мексиканские ученицы танцуют в греческих тогах, подражая Айседоре Дункан? Как относиться к тому, что Питер Брук ставит на сцене “Махабхарату”, а Ариана Мнушкин инсценирует пьесу Шекспира в стиле театра кабуки в парижском “Театр солей”? Культурная жизнь, в прошлом и настоящем, непод-

властна тенденции к унификации и стандартизации. Это не означает, что концепция глобальной культурной унификации бессмысленна, – напротив. Но она явно недостаточна. Она упускает из виду противоположные тенденции – влияние незападных культур на Запад. Она не учитывает амбивалентность процесса глобализации и неверно понимает роль локального в ходе рецепции западной культуры – например, усвоение и перестройку западных элементов местными культурами. Она упускает из виду взаимное влияние незападных культур. Она не знакома, например, со смешанными культурами, с развитием “третьих культур” на международной музыкальной сцене. Она придает слишком большое значение гомогенности западной культуры и не видит, что многие стереотипы, насаждаемые Западом и его культурной индустрией, если проследить их происхождение, оказываются на поверку сплавом различных культурных течений. Длившееся веками взаимопроникновение культур Юга и Севера привело к возникновению межконтинентальной смешанной культуры. Европейская, да и вся западная культура является составной частью этой глобальной мешанины. Это становится очевидным, если мы уясним, что Европа до XIV века постоянно находилась под влиянием культурных воздействий “Ориента” – “Востока”. Западная гегемония относительно молода, она рождается около 1800 года, а точнее – с началом индустриализации»¹.

Видимо, не случайно сегодня для подавляющего большинства людей опыт «глобального сообщества товарищей по несчастью» начинается на первых порах как *опыт ощущения угрозы* – в дебатах о «мобильной бедности», о «демографическом взрыве», в таких событиях, как катастрофа на чернобыльском реакторе,

¹ Pieterse J.N. *Der Melange-Effekt*, а. а. О.

известия о попадании ядовитых веществ в продукты питания, воздух и воду, или в извещении собственной фирмы о том, что она создает новые рабочие места в других регионах мира. Но при этом на конкретном опыте познается, что «мировое общество» живет не где-то «там, снаружи», а затрагивает основы нашей частной жизни. Иными словами: открешиваясь от опыта мирового общества, мы тем самым доказываем его реальность и силу.

Мартин Шоу делает следующий шаг: «опыт» глобального гражданского общества означает для него, во-первых, (массмедийное) *самовосприятие*, а во-вторых, его возможную *релевантность для поведения*. Поэтому он эмпирически исследует, в каком объеме сформировалось за это время глобальное гражданское общество после окончания холодной войны между Востоком и Западом и благодаря репортажам о войнах и влиянию этих репортажей на действия далеких «других» (военное вмешательство ООН или прочих государств). Прежде, рассуждает Шоу, войны и участники войн были ограничены местом применения силы, эпохальных мировых войн было немного. Сегодня и в будущем войны происходят и будут происходить повсюду в мире при участии всех, потенциально или актуально обеспеченном средствами массовой информации. Глобальное гражданское общество становится глобальным обществом зрителей. В определенном смысле войны теряют свое конкретное место и благодаря их телевизионной (ре)презентации превращаются в *политические кризисы*, в условиях которых вопросы о справедливости и необходимости внешнего вмешательства публично обсуждаются и решаются всюду, в том числе и в далеких центрах глобальных гражданских обществ. «В самом ли деле кризисы после завершения конфликта Востока и Запада — это *глобальные* политические кризисы, и если так, в результате чего они становятся такими?»

Решающим для этого является то, в какой мере они воспринимаются как таковые, имеют ли они глобальные последствия и осуществлялись (или, соответственно, серьезно взвешивались) ли вмешательства силами великих держав, не расположенных в зоне конфликта, или силами ООН. Этим кризисы, которые могут изначально считаться глобальными, однозначно отличаются от мировых войн и конфронтаций между сверхдержавами в период холодной войны. И все-таки имеет смысл внимательно рассмотреть под этим углом зрения хотя бы некоторые из новых кризисов. Почему определенным войнам, например в Боснии и Герцеговине и в Руанде, приписывают глобальное значение? Казалось бы, ничто не говорит в пользу того, что эти войны демонстрируют какое-то новое измерение в ведении войны и поэтому затмевают конфликт между Арменией и Азербайджаном или гражданскую войну в Анголе. Последние из названных войн также унесли очень много человеческих жизней и сопровождалась “этническими чистками”. Главное же различие состоит, по-видимому, в том, что некоторые войны многими людьми *воспринимались* как войны, в которых население вынуждено было переносить неслыханные страдания и при этом нарушались права человека, признаваемые “международным сообществом”, и что такое восприятие было спровоцировано распространявшимися по всему миру репортажами средств массовой информации. Во многих других случаях гражданское население также было затронуто в больших масштабах, и при этом также нарушались права человека. Но информация о них распространялась среди немногих людей, что безусловно объясняется относительно низким вниманием к этим конфликтам со стороны масс-медиа». Все это означает, что *масс-медийное производство и конструирование* глобального значения, придаваемого тому или иному локальному военному конфликту, активизи-

рует обе составляющие: и глобальное гражданское общество, и глобальное измерение конфликта.

«В соответствии с этим можно установить два новых критерия для глобальных политических кризисов. Глобальные кризисы, как, например, война в Персидском заливе, могут вполне удовлетворять традиционным критериям, поскольку они вырастают из конфликтов интересов, в которые прямо или косвенно вовлечены другие государства и области международной системы. Но конфликты вспыхивают даже при несоответствии этим критериям, поскольку во всем мире налицо *восприятие* массовых убийств людей и систематическое нарушение уважаемых во всем мире принципов, а это восприятие в значительной мере зависит от того, сообщается ли о самих событиях подробно в средствах массовой информации или нет. Более того, кризис перерастает в глобальный, если для его улаживания осуществляется или серьезно планируется *вмешательство* под международным мандатом.

Традиционные и современные модели глобальных политических кризисов в реальности не противопоставлены друг другу как альтернативы, но образуют оба полюса спектра. В любом кризисе традиционные и новые аспекты образуют собой пеструю смесь. Хотя Босния и Герцеговина и Ангола, например, уже не входят в сферу геополитических интересов безопасности могущественных держав, как это было во времена холодной войны (забавно, что этот фактор становится причиной возникновения новых конфликтов), заинтересованность многих государств в стабильной ситуации на Балканах и на юге Африки не стала меньше. И наоборот, война в Персидском заливе, единственная война после окончания конфликта Восток — Запад, которую можно было бы рассматривать как чисто межгосударственный конфликт, привела к колоссальным жертвам среди гражданского населения и ста-

ла трагедией для многих людей, а ее показ по всему миру средствами массовой информации полностью изменил первоначальный характер и историческое значение этой войны. Отсюда можно сделать вывод, что опасности, которым подвергается гражданское население, и их демонстрация в СМИ являются ключевыми аспектами не только в одном определенном типе конфликтов, но во всех современных глобальных кризисах.

Эта модифицированная дефиниция глобальных политических кризисов позволяет шире понимать глобальные кризисы, учитывая также социальное и гуманитарное измерение — голод, нищету, угнетение, природные и экологические катастрофы, эпидемии и т. п. Она полезна и потому, что подобные кризисы, как правило, вызываются или усугубляются политическими кризисами, и прежде всего войнами. Это дает возможность понять социальные кризисы как политические. Восприятие человеческого несчастья, к примеру, уже изменилось: если в 70-е и 80-е годы XX века голод считался следствием засухи, то сегодня благодаря репортажам со всего мира его причину находят в войнах»¹.

2. Космополитическая демократия

Как мы уже говорили, космополитическая демократия основывается не только на опыте самопостижения гражданского общества, но и на транснациональной значимости основных прав. Что касается значимости основных прав, то, согласно Канту, суть здесь заключается в дифференциации прав подданных различных государств, а значит, в конечном счете в

¹ Shaw M. *Globale Zivilgesellschaft, Massenmedien, Krieg und politische Krisen*, in: Beck U. (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, а. а. О.

гарантиях права мирового гражданства для всех. Это включает в себя содержательную дифференциацию различных (политических и социальных) прав внутри страны. Поэтому цивилизация будет защищена от варварства только тогда (и всегда только временно), когда основное правоотношение будет действовать *глобально*¹.

При этом возникает парадоксальная ситуация, которая вплоть до сегодняшнего дня парализует все дискуссии. Гарантия основных прав предполагает на первый взгляд наличие национального государства. Но каким образом тогда можно обосновать и гарантировать космополитическое правоотношение между государствами и гражданами различных стран, релятивирующее само национальное государство как его гаранта, не соблазняясь при этом ложными альтернативами: либо стремиться к мировому государству, либо внедрять основные права в пространстве без прав и государств?

Если речь идет о защите прав человека, то между собой конкурируют, конфликтуют различные акторы — межгосударственные организации, такие, как комитеты ООН, государства поодиночке или в сотрудничестве с другими государствами или с неправительственными организациями либо в форме региональных альянсов. Отношения между государственными или негосударственными акторами, с одной стороны, и индивидами, являющимися носителями этих прав, с другой, можно описать с помощью трех моделей: реально-политической, интернационалистической и космополитической.

«Модель *реально-политическая*, сосредоточивающаяся на государствах, подчеркивает примат и суверенитет государств. В связи с этим для реалистов права индивидов — дело нацио-

¹ См. об этом: Beck U., in: Ders. (Hg.), *Kinder der Freiheit*, a. a. O., S. 347–361.

нально-государственного судопроизводства, а межгосударственные и неправительственные организации (НПО) могут в лучшем случае взять на себя совещательные функции. Межгосударственные отношения остаются тут недоразвитыми, поскольку принцип суверенитета не позволяет вмешиваться во внутренние дела других государств, а внешняя политика руководствуется в большей мере геополитическими и властными интересами, чем моральными соображениями. В результате о предоставлении финансовой помощи или даже о поставке инструментов для пыток можно судить, учитывая только степень выгоды для поставщиков.

Реально-политическая концепция находит дальнейшее развитие в *интернационалистической* модели. В этой модели государства продолжают играть главную роль и несут первичную ответственность за права индивидов. Тем не менее на действия государств влияет развивающийся транснациональный консенсус в области стандартов прав человека, и они в известной степени претерпели изменения. Межгосударственные организации и НПО пытаются взять на себя важную роль при защите прав человека, и в некоторых ситуациях это им удается; их способность действовать эффективно, однако, зависит от кооперации государств. Вот почему влияние Комиссии ООН по правам человека существенно больше в Канаде, чем в Китае или даже в Великобритании.

Третью модель можно назвать *космополитической*. Здесь в центре анализа находится индивид, а между индивидами, межгосударственными организациями и НПО необходимо наличие прямых отношений. Прерогатива государства действовать во всем мире все больше ставится под вопрос и снизу и сверху в той мере, в какой становится возможным и реализуется развитие глобального гражданского общества. Странники космополитической модели делают акцент на

развертывании институтов ООН по правам человека после окончания холодной войны и впечатляющем росте числа НПО и их членов, специализирующихся на правах человека и других проблемах»¹.

Не межкультурный консенсус по основным правам, а процесс сотрудничества и возникающие при этом взаимозависимости дают ключ к транснациональным гарантиям основного права. Это частично кодифицированные, частично некодифицированные процедуры, в которых закладываются, улаживаются и выстраиваются транснациональные связи — плотная многомерная ткань из взаимных переплетений и обязательств, и эти связи должны, по-видимому, выражать идею *космополитической демократии* и сделать возможной ее реализацию. Дэвид Хелд видит здесь следующие этапы².

Во-первых, глобальный порядок воплощается в многочисленных взаимоперекрывающихся властных сетях, включающих тело, социальные гарантии благосостояния, культуру, добровольные организации, экономику, межгосударственные взаимозависимости и организованное насилие. Пространство возможностей космополитической демократии возникает из сочетания этих разнородных сетей — многомерного баланса власти между государствами, организациями и людьми.

Во-вторых, все группы и организации претендуют на относительную автономию, которая выражается в определенных правах и обязанностях. Это взаимопереплетение дозволенного и запрещенного должно быть приобщено к *принципам космополитического демократического права*, которые необходимо детализировать применительно к отдельным полям действий — социальных, экономических и политических.

¹ Bretherton C. *Allgemeine Menschenrechte*, а. а. О.

² Held D. *Democracy and the Global Order*. Cambridge 1995, p. 271–283.

В-третьих, эти правовые принципы легитимируются и гарантируются *транснациональными и локально связанными парламентами и судами* (по образцу Европейского парламента и Европейского суда), которые следовало бы учредить и в транснациональных пространствах Южной Америки, Азии и Африки.

В-четвертых, национальные государства уступают часть своей власти и суверенитета транснациональным институтам и организациям и развивают новое самопонимание как узловые пункты и координаторы транснациональных взаимозависимостей.

В-пятых, индивиды могут приобретать членство в различных национальных и транснациональных властных пространствах и таким образом осуществлять права участия в управлении и самоопределении — от локального до глобального уровней.

В-шестых, *гражданское пособие для всех* — безразлично, работают ли они по найму, занимаются ли работой по домашнему хозяйству или общественной деятельностью в гражданском обществе; это гарантирует осуществление политической свободы.

На взгляд *социологического реализма* все это прекрасно, но и только. На первых порах за рамками обсуждения остается вопрос, какими реальными силами, тенденциями будет стимулироваться или тормозиться подобное развитие, какие противоречия и парадоксы заложены в этом красивом и заманчивом видении космополитической демократии. Припоминаю, что Огюст Конт уже в начале XIX века «опроверг» воинствующий империализм как экономически нерентабельный (согласно своим же собственным критериям), а затем мир погрузился в приветствуемое всеми организованное безумие — безумие империализма, колониализма, двух

мировых войн, холокоста, сталинского ГУЛАГа. Можно только *надеяться*, что это нормативное видение не будет точно так же разорвано и сметено своими противоречиями и противниками. Но надежды (для социальной науки и политики) — это слишком мало.

Возникают вопросы: какие противоречия внутренне присущи этой надежде? Какие общественно-политические оползни и эрозии подтачивают или укрепляют эту надежду? Этим мы теперь и займемся, как и прежде в сжатой форме.

3. Капиталистическое мировое общество

Многие марксисты сочтут идею космополитической демократии нереалистичной, указывая в первую очередь на то, что здесь этические проблемы смешиваются с политическими. Критики утверждают, что в вопросе о горизонте идей и ценностей в рамках мирового общества теряются из виду транснациональные экономические властные отношения, которые обостряются процессами экономической глобализации. После окончания холодной войны и интеграции коммунистического блока в мировой рынок в резкой форме заявляют о себе основные аспекты капиталистической динамики, которые «маскировались» в западном капитализме всеобщего благоденствия. Этот ход мысли можно развернуть в следующих семи пунктах.

Во-первых, *одновременность транснациональной интеграции и национальной дезинтеграции*. В ходе победного шествия мирового рынка стираются немногочисленные «белые пятна», которые оставались на карте мира; все большее количество регионов и ниш интегрируются в капиталистическую систему, в результате чего ликвидируются локальные и национальные пространства самообеспечения и экономики. Включение в мировой рынок, а также фрагментация, глобализация и территория-

лизация суть взаимодополняющие процессы, точнее, две стороны одного и того же процесса — всемирного передела богатства, суверенитета, власти и свободы действий.

Во-вторых, транснациональные концерны *заинтересованы в «слабых государствах»*, т. е. — как сформулировал это Зигмунт Бауман — в государствах, которые слабы, но тем не менее остаются государствами. Намеренно или ненамеренно акторы мирового рынка осуществляют координирующее давление на все страны-участники этого рынка, либо страны, зависящие от него, а это приводит к систематическому устранению всего, что могло бы препятствовать, замедлять или ограничивать свободу движения капитала. «Широко распахнуть ворота и оставить всякую мысль об автономной экономической политике — вот предполагаемое условие, которому страны должны без сопротивления подчиниться, если хотят, чтобы к ним относились как к достойным получения финансовой поддержки от Всемирного банка и финансовых фондов. Слабые государства — это именно то, в чем нуждается Новый мировой порядок (который слишком часто ложно понимают как мировой беспорядок) для сохранения и воспроизводства себя самого»¹. Здесь также корень возникающего противоречия интересов между образованием взаимодействующих транснациональных государств — эксперимент «Европейский Союз» является в этом плане выдающимся примером — и неолиберальным капитализмом. ЕС — одно из мощнейших экономических пространств мира. Он мог бы определять правила мировой торговли, поощрять и осуществлять внедрение и соблюдение социальных и экологических норм.

В-третьих, *европейские (континентальные) страны всеобщего благоденствия и страны с социально ориентированной экономи-*

¹ Bauman Z. *Schwache Staaten*, а. а. О. По анализу западных обществ в мировой системе см.: Borschier V. *Westliche Gesellschaften im Wandel*. Frankfurt/New York 1988.

кой попадают в обратную спираль: если экономические акторы мыслят и действуют транснационально и таким путем избегают национально-государственного контроля и политики, возникает необходимость расхлебывать и переваривать последствия транснациональной экономики – растущую безработицу и бедность. С одной стороны, с ростом давления мирового рынка приходит время испытать, крепки ли социальные сети и есть ли возможность их финансировать; с другой стороны, наступает момент истины, поскольку параллельно взрывному росту цен снижаются доходы от налогов на наемный труд и происходит глобализация прибылей транснациональных предприятий.

В-четвертых, замена труда знанием и капиталом. Чтобы выявить новые области прибыльного производства, глобальный капитализм обходится все меньшим количеством рабочей силы. В результате этого рабочая сила и представляющие ее организации – рабочие партии и профсоюзы – повсюду утрачивают свою роль на переговорах и в глазах общественности. Одновременно растет число тех, кто выброшен с рынка труда и лишен шансов на материальную и социальную безопасность и интеграцию, которые там распределяются и о которых ведутся переговоры. В результате не только нарастает неравенство, но и драматически меняется *качество* социальных неравенств, поскольку все большие круги населения отбраковываются, как в принципе «экономически неактивные».

В-пятых: двойная относительность бедности. Бедность в этих процессах обостряющегося взаимовлияния включения и исключения качественно меняет свое лицо: она драматически возрастает и многократно фрагментируется. Как утверждает Зигмунт Бауман, общественные нити коммуникации между богатыми, которые глобализуются, и бедными, которые локализуются, вот-вот порвутся, поскольку между теми,

кто выигрывает в результате глобализации в самом верхнем слое наверху, и теми, кто проигрывает в результате глобализации в самом нижнем слое внизу, уже более не существует никаких авторитетных инстанций, где можно было бы добиваться компенсации и справедливости.

Отбракованные — в отличие от пролетариата в XIX и начале XX века — лишились к тому же всякого потенциала влияния, поскольку они уже более не востребованы. Чтобы вызвать скандал вокруг своего положения, им остается только применять голое насилие.

И наконец, различные градации бедности еще раз преломляются в так называемой двойной относительности. «Простая относительность» бедности подразумевает относительность *критериев*; она говорит о том, что не существует абсолютных критериев бедности, а есть только относительные, справедливые лишь для конкретных регионов мирового общества, например, Африки, Азии и Европы. В случае «двойной относительности» относительность критериев преломляется и в межкультурных, транснациональных жизненных пространствах. «Транснациональная бедность» означает: человек проживает свою частную жизнь в противоречии с транснациональными критериями бедности. Тот, кто в Великобритании числится бездомным, по критериям, которые действуют для его семьи в Индии или в регионе Карибского моря, может жить все еще благополучно¹. Эта фрагментация также является существенным условием обострения бедности.

В-шестых: *противоречия высвобожденной, самоорганизуемой глокальной жизни действуют как критерии исключения*. Часто подчеркивается (в частности, автором данной книги), что Второй модерн по ту сторону надежности традиции и схематиз-

¹ См. об этом: Buffoni L. *Rethinking poverty in globalized Conditions*, in: Eade J. (Ed.), *Living the Global City*, a. a. O., p. 110–126.

ма «правый — левый» в политической деятельности предлагает еще и новые шансы для свободы и развития. Вопрос только в одном: *для кого?* Ибо противоречия Второго модерна должны также интерпретироваться как ужесточение требований общественной интеграции, от которого терпят крах все больше людей — тех, кто уже сейчас в засасывающей воронке ожесточенной конкуренции способностей считается «слабым», «балансирующим на грани», «находящимся под угрозой» или «неполноценным»; это люди без среднего образования или с неважным аттестатом зрелости, больные или индивиды, чьи возможности — например, моторные, мусические, технические — низко оцениваются по сегодняшней шкале способностей. Всем им грозит попасть на наклонную плоскость и соскользнуть в круг тех, кого отбраковали в соответствии с правилами допуска.

В-седьмых: *капитализм без труда соответствует, однако, марксизму без утопии*. Неомарксистская картина капиталистической мировой системы лишилась всякого утопического импульса, всякой систематической политической надежды и фантазии. Ибо этому анализу не соответствует, из этого анализа не следует никакой политической субъект. Что остается такому космополитическому неомарксизму? Не придется ли ему в конце концов затянуть великий плач о неотвратимой гибели «Титаника»?

4. Мировое общество риска: клетка модерна открывается

Зрелище глобальных экологических опасностей толкает многих к фатализму. Можно ли с учетом этого механизма саморазрушения глобальной индустриальной мегасистемы политически действовать с открытыми глазами, т. е. не обма-

нывая себя? При такой – пардон – наивно-реалистической близорукости в отношении существующих «в себе» опасностей упускается из виду изюминка теории мирового общества риска.

Дело в том, что наиболее заметный признак конфликтов в последовательности рисков заключается в том, что прежде деполитизированные области принятия решений благодаря общественному восприятию рисков политизируются; они становятся – в основном недобровольно и преодолевая сопротивление могущественных институтов, монополизирующих эти решения, – открытыми для общественного сомнения и дебатов. Так, в мировом обществе риска вдруг начинают публично растолковывать предметы и темы, которые прежде обсуждались только за закрытыми дверями, к ним относятся, например, программы инвестиций в экономику, химический состав продуктов и медикаментов, научно-исследовательские программы, разработку новых технологий. Внезапно оказывается, что все это нуждается в общественном одобрении, и становится возможным разрабатывать и перестраивать правовые и институциональные рамки, чтобы легитимировать этот важный прирост демократии и обеспечить ему продолжительное существование.

Можно в шутку сказать: о нежелательных, пока еще невиданных «побочных проблемах» в последнее время повсюду дискутируют как бы загодя, еще до того, как соответствующие продукты и технологии будут действительно изобретены.

Однако решающим является то, что эти расширения и углубления демократии в далекие от политики области хозяйства, экономики, точных наук (а частично и приватной сферы) до сих пор блокируются старомодными «дефинитивными отношениями», в соответствии с которыми бремя доказательств ложит-

ся не на тех, кто получает выгоду от рисков, но на тех, кто страдает от них.

Это значит, что в мировом обществе риска в результате общественного восприятия рисков возникает *самокритичное общество*, готовое — по крайней мере на словах — к противодействию и к перестройке своего мышления, где, например, не соглашаются с заверениями верующих в технику техников. Последние утверждают: риск нулевой; но первые — те, кто при наступлении этого случая «нулевого» риска будет нести экономическую ответственность, заявляют: не подлежит страхованию; *экономический* риск при наступлении случая слишком высок (пример: ядерная энергия, а также генная инженерия)¹.

Одновременно вырисовываются контуры *утопии экологической демократии*, которая для меня была бы, в сущности, *ответственным* модерном. То, что называется «ответственным», что подразумевается при этом, можно объяснить, обратившись к дискуссиям в англо-саксонской философии и научно-исследовательской литературе на тему «*technological citizenship*», технологическая гражданственность. Здесь набрасывается образ общества, которое обсуждает последствия технического и экономического развития *до того*, как принимаются ключевые решения. Бремя доказательства в отношении будущих рисков и опасностей должно ложиться на виновников, а не на потенциальные или актуальные жертвы: от принципа «виновник платит» следует переходить к принципу «виновник *доказывает*», какой (возможный) ущерб наносит его предприятие миру.

¹ Так, вплоть до настоящего времени отсутствует положение о страховании для биологических и генноинженерных технологий. Никто не хочет страховать риски биотехники. Получается, что водить автомобиль без страховки никто не имеет права, а при использовании генноинженерной установкой вполне можно обойтись без нее.

Избежать стихийного внедрения технологических новаций в глобальных масштабах можно было бы, например, попытавшись политически поощрять техническое развитие во внушающих опасения областях с целью *разработки альтернатив*. При этом стоило бы создать автопортрет научно-технического развития, для того чтобы продемонстрировать альтернативы, а не множить объективные принуждения. Тогда, возможно, удалось бы приглушить остроту нежелательного развития: на самом продвинутом уровне наготове имелось бы альтернативное инновационное предложение, которое обладало бы выгодами отклоненной технической альтернативы, но не страдало бы ее недостатками. Вероятно, и политика могла бы сделать глобальной Сети предложение, которое окажется осуществимым благодаря своей привлекательности для Сети (пример: использование солнечной энергии). Здесь политика в отношении техники возвышается до авангардной политики, а политико-демократические альтернативы — до ключевых.

И наконец, следовало бы в первую очередь найти или изобрести новую систему правил, которая в правовом аспекте по-новому определяла и обосновывала бы вопросы о том, что есть «доказательство», «уместность», «истина», «справедливость» в отношении вероятных, затрагивающих все человечество опасностей, которые несет наука. Необходимо *второе Просвещение*, благодаря которому наше понимание, наши глаза и глаза наших институтов раскрылись бы и увидели всю незрелость (в которой сами и повинны) первой индустриальной цивилизации вместе со всеми порожденными ею опасностями.

Откуда возникает эта политическая мобилизация, эта — если все идет благополучно — «недобровольная демократизация» через конфликты риска? Общество риска подразумевает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место — как причина нынешней жизни

и деятельности — приходит будущее, т. е. нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное. Когда мы говорим о рисках, мы спорим о чем-то, чего *нет*, но что *могло бы* произойти, если *сейчас* немедленно не переложить руль в противоположном направлении. Риски, в которые верят, это кнут, с помощью которого можно подстегнуть современность и подогнать ее. Чем грозней тени, которые отбрасывает на современность вырисовывающееся ужасное будущее, тем продолжительнее потрясения, которые могут быть вызваны сегодня в результате реализации драматургии риска.

Утвердившиеся дефиниции риска являются, таким образом, политической волшебной палочкой, с помощью которой сытое общество, уютно пригревшееся в ситуации статус-кво, само себя учит бояться и тем самым — недобровольно и неохотно — активизируется и политизируется в своих центрах. Инсценированная в символах и образах драматургия риска есть в этом смысле противоядие от присущей современности пошлости жизни «как она есть». Общество, которое видит в себе общество риска, находится — если выразиться языком католиков — в состоянии грешника, который исповедует свои грехи, чтобы по крайней мере философствовать о возможности и желательности «лучшей» жизни, гармонирующей с природой и мировой совестью. Ибо лишь немногие желают, чтобы руль действительно был переложено. Большинство же хочет и того, и другого — они желают, чтобы ничего не происходило, и жалуются на то, что ничего не происходит. Ведь тогда становится возможным наслаждаться дурной-доброй жизнью, как и ее угрозам.

В этом разрушительном, невольном, невиданном, затрагивающем политические основы усомнения-в-себе («рефлексивная модернизация»¹), затеваемом повсюду благодаря вос-

¹ Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernisierung*. Frankfurt/M. 1996.

принимаемым рискам, совершается, в сущности, то, что социологи, которые молятся на Макса Вебера, считают едва ли возможным: институты приходят в движение. Макс Вебер поставил диагноз: модерн превращается в железную клетку, в которой люди, подобно феллахам в Древнем Египте, должны теперь приносить жертвы на алтари рациональности. Теория мирового общества риска выдвигает противоположный принцип: клетка модерна открывается.

Те, кто как бы наивно-реалистически страшится последствий того или иного риска, упускают из виду, что смущают не столько эти побочные последствия — тот или иной «яд недели», сколько побочные последствия побочных последствий в институтах: не только коровы, но и правительственные партии, власти, мясные рынки, потребители и т. п. становятся «бешеными».

5. Мировое общество как недемократически легитимированная политика

«Время мелкой политики прошло, — писал Фридрих Ницше более ста лет назад, — уже грядущее столетие несет с собою борьбу за господство над всем земным шаром, — *понууждение* к великой политике»¹. Что означает «мировое общество», если его понимают как новую форму политического? Что подразумевает мировое общество *как* «политика»? В этом разделе будет прояснено понятие «безгосударственного» мирового общества и при этом уточнена его оценка: словосочетание «мировое общество» создает ложное впечатление, что подразумеваемая им реальность, в сущности, не что иное, как — если руководствоваться

¹ Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла*. Отдел шестой: Мы ученые, фрагмент 208 (перевод Н. Полилова). — В кн.: Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 332.

национально-государственным пониманием политики — разрушительная форма политического.

Тот, кто отличает Первый модерн от Второго, национальное общество от мирового, имеет в виду не только другую общественную эпоху, но и *другое понимание общества*. Именно эта не-тождественность все того же понятия «общества» и мешает видению Второго модерна.

Для переформулирования понятия общества можно привлечь понятия «государство», «место» и «функциональная дифференциация».

Мировое общество без (мирового) государства

«Социология глобализации, — пишет Мартин Олброу, — означает очередную попытку найти ответы на вопросы, которые ставит себе каждое поколение. Каждое поколение должно заново поднимать эти вопросы, поскольку оно только так может выяснить, кто оно есть. Следовательно, при глобализации дело не только в технических или экономических вещах. Речь также не идет здесь только о величайшем вызове, перед которым оказываются главы концернов и правительств. Все это присутствует, но есть и нечто гораздо более важное. Речь идет о том, как ты и я строим свою жизнь»¹.

А Марк Постер спрашивает: «Если я разговариваю со своим парижским другом непосредственно или по электронной почте, когда нахожусь в Калифорнии; если я слежу за политическими и культурными событиями повсюду на земном шаре, не покидая дома; если данные, содержащие персональную информацию обо мне, используются правительствами и

¹ Albrow M. *Auf dem Weg in eine globale Gesellschaft?*, in: Beck U. (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, а. а. О.

концернами на всем земном шаре, причем меня не ставят об этом в известность или я не могу этому воспрепятствовать; если я, сидя дома, делаю покупки с помощью компьютера, то где я нахожусь в таком случае? Кто я?»

Необратимая глобальность, сказали мы выше, означает, что мы уже давно живем в мировом обществе, а это подразумевает две вещи: во-первых, совокупность не-национально-государственных, политически организованных социальных и властных отношений, а во-вторых, опыт жизни и действий *поверх границ*. Единство государства, общества и индивида, предполагаемое Первым модерном, рассыпается. Мировое общество подразумевает *не* мировое *государственное* общество или мировое *экономическое* общество, а *не-государственное* общество, т. е. такое агрегатное состояние общества, для которого территориально-государственные гарантии порядка, но также и правила общественно-легитимированной политики теряют свою обязательность.

«Безгосударственность» означает, что существует *отношение конкурентной борьбы* между национальными государствами и национальными обществами, с одной стороны, и постоянно меняющейся в рамках мирового общества путаницей связей, акторов и пространств действий — с другой. Если в Первом модерне поле международных отношений национальных государств строится по принципу «друг с другом» или «друг против друга», то во Втором модерне это давно уже не так. Если подобно Майклу Оукшотту трактовать государство западной традиции как «гражданскую ассоциацию», которая служит определенной цели: сделать возможными и объединить в единый пучок социальные, политические и экономические активности своих граждан, то глобализация несет с собой не только эрозию государственной структуры задач и институтов, но и фундаментальную трансформацию ее предпосылок. Во Втором модерне

наряду с мировым обществом национальных государств возникает могущественное, отличающее себя от всех прежде существовавших форм политической легитимации не-государственное мировое общество, которое составлено из совершенно разнородных транснациональных акторов. Вот их признаки: 1) Они действуют в разных местах, не признают границ, т.е. в полном смысле транснациональны и в результате ликвидируют территориальный принцип национального государства. 2) Их действия осуществляются во многих отношениях более инклюзивно, менее эксклюзивно, чем деятельность государственных акторов (так, транснациональные концерны и активисты «Гринпис» действуют *одновременно в нескольких* государствах, их члены принадлежат к разным странам и т. д.). 3) Часто они действуют более эффективно, чем инстанции национальных государств, даже сообразно основным критериям успеха государственных действий (например, по устранению безработицы, по упрочению благосостояния, но также по обвинению в нарушении основных прав человека); так, именно транснациональные концерны создают или ликвидируют благосостояние и рабочие места в определенном городе; «Эмнести интернешнл» публично указывает на нарушения прав человека, о которых государство из дипломатических соображений умалчивает. 4) Не-государственные, транснациональные акторы создают себе свой собственный, как бы «инклюзивный суверенитет», натравливая друг против друга эксклюзивные территориальные государства.

Чем больше эти всевозможные компоненты взаимно пересекаются и усиливаются, тем настойчивей под сомнение ставится авторитет, легитимность, политическая власть организационного формосозидания и контроль государств внутри своих границ и вне их. Следовательно, в поле деятельности мирового общества мы имеем дело с *политизацией через депо-*

литизацию государств. «Критическое пороговое значение превышает тогда, когда кумулятивные эффекты глобализации в стратегически важных полях подрывают способность государства обеспечить благосостояние или цивилизованность общества»¹. Как сообщает газета «Файненшл таймс», в настоящее время 53% всего экономического прироста ценностей обеспечивается транснациональными концернами, а не предприятиями, действующими в рамках какой-либо одной страны. В результате этого тают возможности национальных государств и соответствующих правительств влиять на создание рабочих мест и обеспечение благосостояния граждан.

Это конкурентное отношение между государственными и транснациональными акторами подразумевает, что национальные общества и мировое общество не альтернатива, между двумя этими общественными формами имеется разрушительное отношение — они вытесняют друг друга и ставят друг друга под сомнение. С одной стороны, (мировой) рынок угрожает заменить/отменить политику, с другой — политика повсюду сталкивается с новыми геркулесовыми задачами, состоящими в том, чтобы политически оформить мировые рынки. «Здесь требуется не диагноз, а объяснение сдержанности по отношению к одной перспективе, которая уводит взгляд на все еще непроходимую тропу транснациональной внутренней политики. Почему считается ошибочным поиск институтов и методов, которые необходимы для конструирования общих интересов во “всемирно-гражданском аспекте” и для установления “глобального режима благоприятствования”?»²

¹ Cerny P.G. *Globalization and the Changing Logic of Collective Action*, in: *International Organization*, 49, 1995, Heft 4. S. 597.

² Habermas J. *Jenseits des Nationalstaats?*, а. а. О.; см. об этом в наст. изд. с. 188 и след., 228–236.

Мировые общественные акторы — если смотреть с позиций национально-государственных акторов — являются в некотором смысле «субакторами», чья легитимность и лояльность сомнительны. При этом, с другой стороны, мировые общественные акторы задирают нос, потому что для них в контактах с национально-государственными контрольными органами и акторами растут новые возможности действий и власти. Они часто являются *выигравшими* от глобализации, причем слово «выигравший» вполне может пониматься и как персонифицированная сравнительная степень в узком денежном смысле слова «выигрыш»¹.

Для глобальной эры справедливо следующее: *национальные государства не могут существовать без мировых обществ, а мировые общества не могут существовать без национальных государств и национальных обществ*. Ситуацию политически обостряют обусловленные этим препятствия, срывы и открытые вопросы.

Если еще раз сконцентрироваться на мировом общественном аспекте, то безгосударственность мирового общества означает, помимо прочего, две вещи, а именно — несколько утрируя: во-первых, существование (еще) *без порядка*, во-вторых, (еще) *без институтов*. «Мир» в мировом обществе — это «*многообразие без единства*» (Олбру). В противоположность этому «национальное» общество — «единство с ограниченным многообразием»².

Множественность мест мирового общества

Мировое общество подразумевает территориально незакрепленное, не-интегрированное, неэкссклюзивное «общество»,

¹ Игра слов: автор предлагает рассматривать суффикс *-er* в слове *Gewinner* (выигравший) как суффикс степени сравнения, добавленный к нейтральной степени — *Gewinn* (выигрыш). Тогда *Gewinner* можно перевести как «выигравший больше». — *Прим. перев.*

² См. различие между Культурой 1 и Культурой 2 в наст. изд. с. 121.

но это не означает, что данный вид социального многообразия и культурной дифференциации вообще не имеет привязки к месту или не знает ее; мало того, род этой привязки к месту упраздняет предполагаемое в национально-государственном образе общества *отождествление пространственной и социальной дистанции*, так что возникают «транснациональные» жизненные миры. Эти транснациональные феномены не должны отождествляться с «межгосударственными» явлениями. Транснациональная совместная жизнь означает социальную близость, *несмотря* на географическую дистанцию. Или: социальную дистанцию, *несмотря* на социальную близость.

Что отсюда следует для идентичности людей? Разумеется, ничего похожего на аномию, распад, разложение социального, о чем свидетельствуют и эмпирические исследования¹. В мультилокальных, транснациональных, глокальных биографиях множатся точки соприкосновения и пересечения людских жизней. Возможно, образцом этого могут служить (виртуальные) формы коммуникативных контактов с помощью компьютеров. Представление о «глобальной деревне» ложно не в последнюю очередь потому, что оно в который раз создает иллюзию возврата к «общности». Но тайна электронных масс-медиа кроется в их *принципиально* мобилизующем и тем самым в *потенциально* политическом моменте. Электронная коммуникация делает возможным то, что было немислимо прежде: активное, одновременное и взаимное установление контакта между отдельными акторами поверх всех границ между странами, религиями и континентами.

Нет смысла заклинать прекрасный новый мир масс-медиа, но нельзя упускать из виду и предоставляемых им политических шансов: благодаря простому щелчку выключателя каж-

¹ См. Eade J. (Ed.), *Living the Global City*, а. а. О.

дый может воспользоваться ими; они ориентированы на деятельность, а не созерцание, на текущий момент, а не на традицию. Таким путем *можно было бы* преодолеть то, что локально-моногамные формы жизни и мышления ради самоподтверждения подают как свою противоположность и нечто ужасное: разложение социального. В отличие от привязанной к месту общности электронно-цифровые формы диалога опираются не на родственные, традиционные либо социальные связи или пространственное соседство, а только на общность интересов и на участие в Сети. «Сила этих будущих сценариев, — пишет А. Бюль, — в изображении предоставляемых индивидам расширенных возможностей диалога и действий, их слабость — в постулировании своего рода бесклассовости, фетишизма виртуального пространства, который уже не осознает того простого факта, что число обитателей Сети составляет ничтожный процент населения земного шара»¹.

Дедифференцированное мировое общество

В социологии и в обществе господствует представление, согласно которому модерн распадается на несколько обособляющихся институциональных полей или, в зависимости от терминологии, на функциональные области или жизненные сферы. Они обособляются друг от друга и друг против друга и капсулируются, поскольку каждое поле следует своей собственной «логике развития» (Н. Луман говорит о «коммуникативных кодах»). Это функциональное членение общества модерна можно описать также, используя отдельные группы экспертов и профессии, которые возвели свои «царства» на

¹ Bühl A. *CyberSociety — Mythos und Realität der Informationsgesellschaft*, Köln 1996. См. критические высказывания в сборнике: Sardar Z., Ravetz J.R. (Ed.). *Cyberfutures. Culture and Politics on the Information Superhighway*. London 1996.

базе той или иной специфической монополии: права, медицины, экономики, техники; многие даже полагают, что и журналисты аналогичным образом монополизировали масс-медийную общественность. Эта теория сфер функционально дифференцированного общества часто подвергается критике, утверждающей, что отдельные области уже давно обособились, варятся в собственном соку, так что некогда существовавшая «функциональная рациональность» превратилась в «организованную иррациональность».

Был предложен ряд возможных коррективов для преодоления этого обособления и для взаимной иммунизации частных областей. Одни полагают, что иммунизация удастся лишь в той мере, в какой индивиды в своих конкретных интеракциях перекрывают противоречия частичных областей. Другие высказывают сомнение в том, что некая предварительно запрограммированная системная координация повысит значимость необходимых аспектов кооперации. Третьи убеждены в том, что взгляд на целое должен создаваться политическим путем, поскольку центральная задача частичной системы — государственная политика, чьи возможности координации и управления нужно обновлять и расширять»¹.

Все эти предложения уязвимы для серьезной критики. Но решающим моментом является здесь то, что в последние годы все дебаты благодаря спорам о глобализации приобрели новый поворот. Вдруг выяснилось, что речь уже не идет о том,

¹ Критика образа «контейнера» для отграниченных друг от друга отдельных обществ затрагивает, конечно, системную теорию Толкотта Парсонса. Н. Луман уже давно ввел понятие «мировое общество» (см. его работу *Weltgesellschaft*, in: ders., *Soziologische Aufklärung 2*. Opladen 1975, S. 51–71; для него возникновение мирового общества обуславливается логикой функционального дифференцирования, которое не знает никаких границ. Остается открытым вопрос о том, что это означает в эмпирическом плане, в частности, справедливо ли это для транснациональных мировых обществ. См. также Stichweh R. *Zur Theorie der Weltgesellschaft*, in: *Soziale Systeme*, 1995, S. 29–45.

как можно замедлить и остановить самопроизвольный процесс функционального дифференцирования и избавиться от вытекающих отсюда проблем, но, совсем наоборот, о том, не становится ли сомнительным в результате глобализации самоистолкование, бытующее в частных областях, которые обладают собственной логикой и функционально дифференцированы.

Вкратце это можно проиллюстрировать на примере одного, экономического, измерения глобализации. Все началось с того, что перемещения глобального капитала не только избегали регулирующего вмешательства государства, но и, похоже, уже более не подчинялись какому-либо сравнимому упорядочивающему фактору. Соотносительные рамки сдвинулись: в центр внимания попала глобальная экономика как целое, а поскольку она не признает никакой упорядочивающей силы, в мировом обществе под вопросом вместе с национальным государством оказывается и функционалистская системная ортодоксия. Становится не только неясным, что в эру глобального капитала понимается под «национальной экономикой», но, еще глубже, как вообще следует понимать «экономику» и «экономическую деятельность» и отграничивать ее от «политики».

Аналогичное справедливо для всех функционально дифференцированных областей. Что такое политика, право, культура, семья, гражданское общество в транснациональном мировом обществе? Как было показано выше, надо различать два понимания мирового общества: как суммы национальных государств и национально-государственных обществ, с одной стороны, и как мировые общества транснациональных акторов и пространств — с другой. Первые могут пониматься функционально-дифференцированно, вторые — нет. В результате возникает вопрос, не было ли и не является ли единство госу-

дарства и общества – национально-государственное общество – молчаливо подразумеваемой предпосылкой теории функционального дифференцирования, так что с утратой значения национального государства утрачивает свое значение и свою реальность также идеал этого государства – общество, управляемое функционально-дифференцированно.

Одновременно меняется тактика. Если в парадигме функционально дифференцированного Первого модерна «общество» предстает как остаточная категория, как бы остаточное общество, которое своим ропотом скорее препятствует, чем способствует рационально-безупречному протеканию системных процессов, то теперь справедливо обратное. «Мировое общество», понимаемое как горизонт, в котором капитал, культура, технология, политика кишат и смешиваются *вне сферы действия* национально-государственной упорядочивающей силы, должно быть теоретически и эмпирически выявлено и исследовано.

«Глобализация, – доказывает Олброу, – снова ставит понимание и организацию общества в центр общественных дискуссий», причем с настойчивостью, небывалой со времен марксизма и полемики по классовому вопросу. Однако мы имеем дело не с «классовым кризисом», речь идет о «кризисе», возникшем как результат новой неизвестности и хаотичности, в которых пребывает мировое общество. Все дело «в идентичности» – таков тезис Олброу¹. Кто я? Где я? Чему, кому я принадлежу? – вот ключевые вопросы Второго модерна.

Иными словами, мировое общество указывает на своего рода Новый Мир, неисследованный континент, который раскрывается в транснациональной ничейной земле, в промежутке между национальными государствами и национальными

¹ Albrow M. *Auf dem Weg in eine globale Gesellschaft?* A. a. O.

обществами. Результатом этого является *властный конфликт* между национально-государственной политикой и полем деятельности мирового общества. Это выражается не только в отношении национальных государств к мультинациональным концернам, где властный конфликт проявляется наиболее зримо¹. Но он определяет также утверждение транснационального права, борьбу с транснациональной преступностью, возможности осуществления транснациональной культурной политики или деятельности транснациональных социальных движений и т. п.

6. Перспективы: транснациональное государство

В связи с этим многие авторы видят в эре глобальности начало конца национального государства, а значит, и демократии. «Конец нации несет с собой смерть политики, — пишет Жан-Мари Геенно. — Как только солидарность и общие интересы лишатся своего естественного местоположения, рухнет прекрасный порядок общества, в котором, как в матрешке, размещены различные виды власти. Уже не будут приниматься большие решения, из которых могли бы вытекать малые, не будет законов, из которых выводятся распоряжения. Поскольку городская община уже не находится больше в регионе, а регион — уже не включен в национальное государство, то нельзя будет выводить малое решение из большого. Кризис пространственно обоснованного понятия власти отражается, таким образом, на процессе нахождения решения. Решения принимаются уже не в линейном модусе, когда всякая корпорация имеет четко очерченную сферу компетенции; вместо этого они дробятся, и традиционные

¹ См. выше об этом на с. 13 и след. наст. изд.

политические дебаты, споры о принципах и основополагающих идеях, об идеологии, об общественном порядке теряют остроту и просто угасают. В этом проявляется дробление самого процесса принятия решения и его профессионализация. На примере США, которые лидируют в институциональном построении власти, лучше всего наблюдать, как истощается логика институтов, а сама политика втягивается в процесс разложения»¹.

Но в этом французском неошпенглеризме глобальной эры проявляется, конечно, и некий непризнаваемый мыслительный барьер: люди не могут и не хотят представить никакой альтернативы национально-государственной архитектуре политического и демократии. Против этого мыслительного вируса необходимости нет более эффективного средства (принимать трижды в день!), чем мучительные вопросы об альтернативах. Мы хотим по крайней мере намекнуть на подобную альтернативу своей концепцией транснационального государства как возможного ответа на глобализацию. Мы утверждаем, что (национальное) государство вовсе не устарело, без него даже нельзя обойтись; оно необходимо не только для того, чтобы обеспечивать внутреннюю политику и геополитику, политические основные права и т. п.², но и для того, чтобы политически оформлять процесс глобализации, транснационально его регулировать. Транснациональные государства, следовательно, являются *сильными* государствами, чья политическая формосозидающая власть вырастает из кооперативных ответов на глобализацию. На основе этих предпосылок можно понимать и развивать транснациональные го-

¹ Guéhenno J.-M. *Das Ende der Demokratie*. Stuttgart 1995.

² Mann M. *Hat Globalisierung den Siegeszug des Nationalstaats beendet?* In: Prokla, Heft 106, 1997, S. 113–141.

сударства как «реалистические утопии» (Э. Гидденс) *третьего* пути: против парализующей мышление идеи о монополии национального государства на политическое и жуткого образа имперского мирового государства, от чьих властных притязаний невозможно уклониться, направлено это по-иному сформулированное и реформированное понятие международного политического пространства, которое делает возможной сложную архитектуру суверенитета и идентичности. Осуществление этой возможности привязано к центральной предпосылке: сотрудничающие национальные государства должны быть «на уровне внутренней политики заметным образом интегрированы в принудительный процесс кооперации космополитически обязательной общности государств. В связи с этим ключевой вопрос состоит в том, может ли в гражданских обществах и политической общественности, которые существуют в режимах, сросшихся на больших пространствах, возникнуть *сознание* космополитической принудительной солидарности. Только под воздействием изменений в сознании граждан, изменений, оказывающих сильное влияние на внутриполитическую сферу, сможет измениться и самопонимание активных глобальных акторов, во все большей мере видящих в себе членов сообщества, которые безальтернативно принуждаются к кооперации, а тем самым ко взаимному учету интересов друг друга»¹. Подобной смены взглядов — от международных отношений к транснациональной внутренней политике — не следует ожидать от правящих элит, если у общественности в каждом конкретном случае не будет артикулирован подобный подход, преодолевающий национальные перегородки, если в пользу этого не будут говорить решающие собственные интересы разных групп населения. Иными словами, транснацио-

¹ Habermas J. *Jenseits des Nationalstaates*, а. а. О.

нальные государства станут возможны в том случае, если появится *сознание, осознание* необходимости транснациональных государств.

Модель транснационального государства есть промежуточная, гибридная модель, в которой основные признаки по-новому комбинируются и сливаются в виде идеального типа, причем эти признаки в обыденном понимании могут показаться взаимоисключающими. Дело в том, что транснациональные государства являются, во-первых, *не-национальными государствами*, а значит, также и *не-территориальными государствами* (во всяком случае, в узком смысле). Они должны пониматься как единственное опровержение, как контр-модель контейнерной теории государства и общества.

Во-вторых, модель «транснациональное государство» хотя и отрицает *национальное* государство, но утверждает *государство* (как понятие). Понимание государства освобождается из территориальной западни теории национального государства и открывает путь к такому понятию государства, которое а) (при)знает глобальность в ее многомерности как необратимое базовое положение дел и б) делает определение и организацию транснационального ключом для нового определения и возрождения политического (не только в аспекте государства, но также и в аспекте гражданского общества).

Но транснациональные государства не являются также и *межнациональными* государствами или *наднациональными* государствами (т. е. региональными мировыми государствами), поскольку для подобных модельных образований – *международная организация, мультилатерализм* или *многоуровневая политика* в рамках наднациональной системы – отправной точкой все еще остается национальное государство: как партнер (международная организация), как исходная единичность, которую необходимо преодолеть с помощью всеобщих

норм или специфических взаимоотношений между государствами-членами (мультилатерализм) или как самостоятельное наднациональное государство (многоуровневая политика). В транснациональных государствах, как подчеркивают сторонники и мультилатерализма, и подхода многоуровневой политики, надо также видеть межгосударственную кооперативную модель; а потому их подстерегают многие из «ловушек политической интеграции», открытые Фрицем В. Шарффом. Главное же различие состоит в том, что в рамках теории транснациональных государств (множественное число обязательно) политическая система координат образуется уже не из отграничения наций и их противопоставления, но вдоль осей глобализация – локализация.

Транснациональные государства, в-третьих, являются *глобальными* государствами, которые, согласно принципу включающего (инклюзивного) различения, рассматривают себя как провинцию мирового общества и в соответствии с этим обретают свое место – в мировом рынке, в многополюсной мировой политике.

Модель транснационального государства отличается от других межгосударственных кооперативных моделей тем (подчеркнем это еще раз), что с появлением этой концепции *глобальность необратимо* делается *основой политического мышления и действий*. Моя опытная модель транснационального государства являет собой политическую теорию и практику глобальной эры, она расстается с мнимыми императивами политической эпохи, которая объявляла национальное государство или *non plus ultra*, или необходимым злом. Мое предложение – лишь начало, оно наверняка породит больше вопросов, чем ответов. Опирается оно на два принципа.

Первое. Попытка ошестиниться против глобализации или даже провести мобилизацию, т. е. реагировать протекциониз-

мом, не только абсолютно бессмысленна, но и явится свидетельством слепоты и глухоты к прорывам, которые становятся *возможными* благодаря обрывам и крахам. Этот исторический шанс, который вполне можно упустить (или испортить), я вижу в том, что взаимосвязь в рамках мирового общества позволяет если не преодолеть, то все же смягчить или ограничить травму от насилия, свойственную национально-государственному модерну. Мы стоим на пороге, за которым *также* становится возможно космополитическое общество (это «также возможно» включает в себя и катастрофы). Не замечать этого «также возможно», заиклившись на катастрофичности, значит быть нереалистичным. Я категорически настаиваю, что *радикальный скепсис* по отношению к опрометчивому оптимизму по поводу умиротворения мирового общества есть необходимая предпосылка для использования шанса, предоставляемого этим «также возможно».

Как становятся возможными общественные формы с «прицелом на мировое общество»? Второй принцип отвечает на этот вопрос: путем транснациональной кооперации и созданием взаимозависимостей в сферах экономики, политики, обороны, права, культуры и т. д. В Первом национально-государственном модерне считалось: в мире национальных игровых имеется только два пути к стабильности: равновесие (баланс устрашения) или гегемония. В век глобализации, напротив, справедлива альтернатива: потеря национального суверенитета или транснациональная кооперация.

Теперь, суммируя предшествующую аргументацию в пользу транснациональных государств, нужно осветить обе аксиомы в некоторых частных аспектах.

Признание мирового общества и его динамики. В рамках парадигмы национального государства те главы этой книги, которые демонстрируют транснациональную динамику капитала,

труда, культуры и общества, представляют собой как бы объявление войны; пусть врага и нет, но национально-государственная политика теряет почву под ногами, а это в известном смысле воспринимается еще болезненнее, вот почему глобализацию часто понимают как квазиобъявление войны («империализм», «американизация») и реагируют на нее протекционизмом. В транснациональном понимании политики, как уже говорилось, глобализация осмысливается как политизация, т. е. степень произошедшей интеграции мирового общества делается основой переориентации и реорганизации политического пространства. Это означает отречение от двух принципов доктрины национального государства: от *отождествления* государства с обществом и от положения об *исключительно территориальной связи* государства и общества (например, путем создания возможности перекрывающихся членств).

Транснациональная кооперация. Не существует ответа на глобализацию в рамках индивидуального государства. Одиночная национально-государственная политика становится все *более ложной*, читай: более затратной (причем «затраты» понимаются не только экономически). Индивидуализм на уровне государства *разрушает*, транснациональная кооперация *оживляет* государственную политику.

От национально-национального к глобально-локальному. Соотносительные рамки меняются; не противоборство эксклюзивных притязаний на суверенитет и различных национальных идентичностей образует ядро политического, но подключение к взаимосвязи мирового общества, к экономической, экологической, культурной, гражданско-общественной глобальности и глобализации. Соответственно нужно переформулировать ключевые понятия политики и общества.

Провинции мирового общества. Эксклюзивная противопоставленность друг другу по образцу наций сменяется инклю-

живной противопоставленностью как ниш, мест, «провинций» мирового общества. «Инклюзивная противопоставленность» подразумевает общую отправную точку — мировое общество (признание его) и особое подключение к нему путем подчеркивания, инсценировки, оживления региональных особенностей. В аспекте труда это могло бы привести к отказу — ради усиления позиции мирового рынка — от попыток делать и производить то же, что и другие, — например, те или иные виды «рыночного чудо-оружия» от геной инженерии до микроэлектроники, — и к осмыслению регионально-культурных особенностей и сильных сторон и разработке на основе этого промышленных продуктов и форм труда, которые в этом случае, скорее всего, окажутся вне конкуренции.

Дефинитивное многообразие. Транснациональное подразумевает также транскультурное. Предположим, что транснациональные государства признают нетождественность государства и мирового общества, — что означает это для культурного самопонимания? Если мировое общество подразумевает *множественность без единичности*, а национальное общество — *единичность с ограниченной множественностью*, то транснациональное государство подразумевает *дефинитивную множественность*. Это означает, что за рамками глобализации или локализации познаются на опыте и признаются варианты *глокальных* культур во взаимосвязи, присущей мировому обществу. Таким образом, ось «глобальное—локальное» расширяется до оси «локальное—локальное».

Централизация и децентрализация. Транснациональные государства должны мыслиться как сочетание централизации и децентрализации. Многообразие транснациональных акторов не только признается, но они также включаются в сферу политической ответственности. Поэтому образование транснациональных переплетений сопутствует делегированию вла-

сти и ответственности местному транснациональному гражданскому обществу. Этим формам децентрализации власти и ответственности противостоят формы централизации: например, концентрация власти с целью издания рамочных директив для социального и экологического регулирования рынка должна вначале транснационально образоваться (скажем, на уровне Европы), ее надо добиться, завоевать.

Контрагенты транснациональных концернов. Национальные государства страдают от болезни к смерти из-за снижения собираемости налогов. Следовательно, транснациональные государства должны затыкать налоговые лазейки, чтобы развивать свою политическую и социально-политическую потенцию и компетенцию. Европейское транснациональное государство могло бы, к примеру, после введения евро в значительной мере ограничить спекулятивные валютные потоки минимальным налогом — так называемым «налогом Тобина»¹. Для этого можно было бы воспользоваться тем, что не только национальные государства, но и *интернациональные концерны впадают в противоречия*. С одной стороны, они хотят избавиться от опеки государства, т. е. руководствуются политикой минимизации роли государства. А с другой, они вынуждены считаться с тем, что перед лицом кризисной динамики мирового рынка транснациональное пространство остается для них ограниченным. Ибо безграничная бедность уничтожает не только демократию, но в конце концов также рынки и прибыли.

Инклюзивный суверенитет. Дебаты по поводу национального государства или мультилатерализма, наднационального государства и т. п., как правило, сводятся к утверждению о том, что национальные государства утрачивают свой сувере-

¹ Тобин, Джеймс (Tobin, James) (р. 1918), американский экономист. Известен трудами по монетарной теории и государственным финансам. Лауреат Нобелевской премии по экономике (1981). — *Прим. перев.*

нитет (право на установление автономного права) и автономию (право принимать решение о применении средств насилия), а более высокие инстанции соответствующим образом повышают концентрацию власти. Разделение суверенитета тем самым мыслится и реализуется как игра с нулевой суммой, где кто-то должен отречься от чего-то, что дает какие-то полномочия наднациональному институту. Но идею транснационального государства, напротив, нужно понимать как *игру с прибылью*, выигрышем. В результате кооперации возникает прирост суверенитета, который идет на пользу и транснациональному концентрату власти, и включенным в него локальным государствам.

Новое средневековье. Во Втором модерне, таким образом, осуществляются те формации политического, которые, как это ни забавно, носят *средневековые* черты. Транснациональные государства должны делить лояльность своих граждан с другими авторитетами на уровне регионов и мирового общества, с одной стороны, и с субгосударственными, субнациональными авторитетами — с другой. Это «новое средневековье» (Х. Балл) означает следующее: социальные и политические связи и идентичности должны мыслиться как перекрывающиеся в понятиях глобальных, региональных, национальных и локальных отправных точек и концепций действий¹.

Глобальная игра-загадка допускает, следовательно (по крайней мере) два прочтения. Согласно одному, неолиберальный глобализм уничтожает национальный институциональный скелет Первого модерна. Согласно Второму, оборотная сторона неолиберальной бесцеремонности — «предательства своего отечества» транснациональной экономики и (суб)по-

¹ Дальнейшие рассуждения о транснациональном государстве см. в наст. изд. с. 228–236.

литики — есть выработка навыка транснациональных способов мышления, действий и жизни. Политика мирового рынка принуждает — против воли некоторых своих акторов — к образованию транснациональных обществ и связей — во всяком случае, там и постольку, где и поскольку государственная политика понимает и учится использовать глобализацию как курс омоложения.

Часть третья

**ЗАБЛУЖДЕНИЯ
ГЛОБАЛИЗМА**

Существенным признаком различия между Первым и Вторым модерном является, как уже говорилось, *необратимость достигнутой глобальности*. Это означает: мы живем в многомерном, полицентричном, контингентном, политическом мировом обществе, в котором транснациональные и национально-государственные акторы играют друг с другом в кошки-мышки. Глобальность и глобализация подразумевают, стало быть, также следующее: *не-мировое государство*. Точнее: мировое общество *без мирового государства* и *без мирового правительства*. Возникает глобально дезорганизованный капитализм¹, ибо не существует никакой гегемонистской власти и никакого международного режима — ни экономического, ни политического.

Эту непростую фактуру глобальности следует четко отличать от *новой простоты глобализма*, понимаемого как всепроникающее, всеизменяющее господство мирового рынка. И дело не в том, чтобы демонизировать деятельность (мировой) экономики. Напротив, необходимо разоблачить проповедовавшиеся в неолиберальной идеологии глобализма примат и диктат мирового рынка для всех — для всех измерений общества, — вскрыв то, чем они являются: раздутый до гигантских масштабов устаревший экономизм, подновление метафизики истории, социальная революция сверху, прикидывающаяся неполитической. Блеск в глазах неолиберальных «улучшателей мира/мирового рынка» может нагнать страх². Далее

¹ Lash S. / Уггу J., а. а. О.

² Слишком мало уделяется внимания тому факту, что за последнее время в международном масштабе развернулась острая *критика менеджмента изнутри*, объектами которой стали «экономический кошмар» (Forrester V. *L'Horreur économique*, Paris 1996), «колдуны» (Micklethwait J./Wooldridge A. *Witch-Doctors*, New York 1996), как «направления мысли, в котором мысль отсутствует» (Sur J. *Une alternative au management: La mise en expression* Paris 1996), для которого все становится деньгами (Kuttner R. *Everything for Sale*. New York 1997). См. подведение итогов этого в: Nigsch O. *Von der Soziologie zum Management. Und wieder zurück?*, in: *Soziale Welt*, Heft 4, 1997.

будут «подняты на вилы» следующие десять заблуждений глобализма:

1. Метафизика мирового рынка.
2. Так называемая свободная мировая торговля.
3. В области экономики мы имеем дело (еще) с интернационализацией, а не глобализацией.
4. Драматургия риска.
5. Отсутствие политики как революция.
6. Миф о линейности.
7. Критика катастрофического мышления.
8. Черный протекционизм.
9. Зеленый протекционизм.
10. Красный протекционизм.

Ниже этим ловушкам для ума будут противопоставлены десять ответов на глобализацию.

1. Метафизика мирового рынка

Глобализм редуцирует новую сложность глобальности и глобализации к одному — экономическому — измерению, *которое к тому же мыслится линейно* как непрерывное расширение всякого рода зависимости от мирового рынка. Все остальные измерения — экологическая глобализация, культурная глокализация, полицентрическая политика, возникновение транснациональных пространств и идентичностей — тематизируются (если это вообще делается) только в предположении о доминировании экономической глобализации. Мировое общество, таким образом, урезается и фальсифицируется, оказываясь мировым *рыночным* обществом. В этом смысле неолиберальный глобализм есть форма проявления *одномерных* типов мышления и действий, разновидность *монокаузаль-*

ного взгляда на мир, т. е. экономизма. Привлекательность и опасность этой далеко не новой метафизики истории мирового рынка проистекают из одного и того же источника: из стремления, даже зуда к простоте, чтобы сориентироваться в мире, ставшем необозримым.

В какой мере эта метафизика мирового рынка ослепляет, можно показать на примере споров вокруг реформы пенсионного обеспечения в Германии. Здесь пенсии — и это поражает британцев и американцев, — несмотря на всю бюрократию и критику ее, являются частью живой, практикуемой солидарности. И когда теперь неолибералы в экономике и политике доказывают, что это экономически неразумно, поскольку эти же деньги можно было бы с гораздо большей отдачей разместить в пенсионных фондах частной экономической сферы, то они лишний раз подтверждают, что смыслят в политической культуре столько же, сколько глухой в музыке. Ведь пенсиями, во-первых, обеспечивают и тех, кто не делает отчислений в пенсионный фонд, например иждивенцев — членов семьи (жена, дети), — а во-вторых, в расходах участвуют (и здесь конкретно проявляется солидарность) работодатели.

Пенсии — это элемент антикапитализма в социал-демократическом сердце германского капитализма, причем элемент не-рыночной логики, который был проведен в виде государственного закона Бисмарком и который-то и сделал возможным капитализм; они-то и создали прочный фундамент демократии после Второй мировой войны.

Коварство разговоров о пенсии как «коллективной принудительной системе» (Вольфганг Шойбле) заключается в том, что в них шельмуется и приносится в жертву часть социальной солидарности, причем со стороны тех, кто в иных случаях не жалеет носовых платков, публично оплакивая утрату общности между людьми.

2. Так называемая свободная мировая торговля

Глобализм поет гимн свободной мировой торговли. Утверждается, что глобализированная экономика лучше всего пригодна для того, чтобы поднять во всем мире уровень благосостояния и тем самым ликвидировать неудовлетворительное положение в социальной сфере. Говорится, что даже в охране окружающей среды можно достигнуть прогресса благодаря свободной торговле, поскольку давление конкуренции якобы способствует бережному отношению к ресурсам, побуждает к деликатному обращению с природой.

При этом старательно обходится тот момент, что мы живем в мире, весьма далеком от модели свободной торговли а-ля Давид Рикардо, опирающейся на сравнительные выгоды/издержки. Высокий уровень безработицы в так называемом третьем мире и в посткоммунистических странах Европы вынуждает правительства этих стран вести экономическую политику, ориентированную на экспорт, — в ущерб социальным и экологическим стандартам. Благодаря низкой заработной плате, зачастую убогим условиям труда и «зонам, свободным от профсоюзов», эти страны конкурируют друг с другом и с богатыми западными странами в стремлении привлечь зарубежный капитал.

Утверждение, что мировая торговля обостряет конкуренцию и ведет к снижению затрат, отчего в конечном итоге выигрывают все, на редкость цинично. Замалчивается тот факт, что существуют два вида снижения затрат: повышенная экономичность (более совершенные технологии, организация и т. п.) или нарушение достойных человека условий труда и производства. Разумеется, при этом навар здесь с точки зрения экономики и организации производства больше, но только за счет отката к позднему варианту транснационального пиратства.

3. В области экономики мы имеем дело (еще) с интернационализацией, а не глобализацией

Глобализм не только путает многомерную глокализацию с одномерной экономической глобализацией. Одновременно экономическая глобализация смешивается с интернационализацией экономики. Экономические показатели свидетельствуют, что, строго говоря, в регионах мировой экономики речь (еще?) может идти не о глобализации, *но об интернационализации*. Можно зафиксировать укрепление *транснациональных* торговых и промышленных связей *внутри* определенных мировых регионов и *между* ними — это касается Америки, Азии и Европы. Подтверждением служит то, что торговля и зарубежные инвестиции развиваются все еще между этими тремя крупными экономическими блоками мира, почему и говорят о триадизации мировой экономики. Для Германии это помимо прочего означает, что — вплоть до сегодняшнего дня! — конкуренция (за счет низкой заработной платы) со стороны государств бывшего Восточного блока или азиатских стран существует в статистически незначительных масштабах (около 10 %).

«В результате глобализации рынков и интернационализации производства в Германии преимущественно трудоемкие отрасли промышленности и неквалифицированные рабочие попадают под пресс конкуренции в мировой экономике. Конкретно это означает, что дело дошло до снижения спроса на низкоквалифицированную рабочую силу благодаря перемещению производства за границу в форме оптимизации заработной платы и прямых инвестиций, а также увеличения импорта. Произошедшая за последние сто лет внутриэкономическая трансформация, которая ведет к прогрессирующей замене труда капиталом и знанием, усиливается за счет развития мировой

экономики. Но в будущем следует ожидать повышения конкурентного давления на капиталоемкие и наукоемкие отрасли промышленности, а также на высококвалифицированных рабочих, пороговые страны и страны Центральной и Восточной Европы, поскольку в результате прогрессирующего уменьшения экономического отставания они выступят как дополнительные конкуренты странам ранней индустриализации в соответствующих отраслях производства. Как, в таком случае, в ходе роста глобальных рынков и интернационального производства будет развиваться спрос на высококвалифицированных рабочих в Германии, в настоящее время неясно»¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что внешняя торговля Германии все еще ориентируется в основном на западные промышленно развитые страны. «Германия осуществляет внешнюю торговлю преимущественно с западными промышленно развитыми странами. В 1993 году 77,29 % ее экспорта и 77,81 % ее импорта приходились на этот регион. В рамках этой группы стран наибольшая часть прямых инвестиций приходилась на страны ЕС. Налицо *сильная ориентация германской внешней торговли на Европу*. Это связано, во-первых, с географической близостью этих стран, а во-вторых, и это решающий фактор, с эффектом внутреннего рынка ЕС, который дискриминирует возможных кандидатов из третьих стран. Крупнейшим внешнеторговым партнером западных промышленно развитых стран за пределами ЕС являются США, на которые в 1993 году приходилось 7,01 % импорта и 7,27 % экспорта.

На типичные страны с дешевой рабочей силой в Африке, Америке и Азии, а также на реформирующиеся страны и стра-

¹ Kommission für Zukunftsfragen, Bericht II: *Erwerbstätigkeit in Deutschland: Entwicklung, Ursachen und Maßnahmen*. Bonn 1997, S. 111.

ны с государственной монополией на внешнюю торговлю в 1993 году приходилось около 20 % немецкой внешней торговли. Из этой группы стран Германия получила в 1993 году 22,14 % своего импорта, а поставила туда в рамках экспорта 22,44 %. Внешнеторговая структура показывает, что германская экономика, опиравшаяся на поддержку внутреннего рынка ЕС, опиралась как раз на рынки с минимальными возможностями роста, тогда как экспорт в растущие рынки Юго-Восточной Азии и Южной Америки, напротив, был, скорее, скромным...

В будущем можно ожидать, что давление импорта усилится в сфере и капиталоемкой и наукоемкой продукции. Как конкуренты выступят здесь прежде всего пороговые страны, а также страны Центральной и Восточной Европы. Это будет относиться в первую очередь к “мобильным производствам Шумпетера¹”, т. е. таким отраслям промышленности, в которых легко можно отделить научные исследования от производства. Сюда относятся химическая и резиновая промышленность, производство офисной аппаратуры, вычислительной техники и электротехнического оборудования. В то время как научные исследования в этих областях осуществляются в промышленно развитых странах, производство располагается в пороговых странах, особенно если продукция легко стандартизуется².

4. Драматургия риска

В измерении экономической глобализации — в отличие от всех других измерений — свою доказательную силу для исто-

¹ Шумпетер, Йозеф Алоис (1883–1950), австрийско-американский экономист. — *Прим. перев.*

² Ebd. S. 111 f.

рически информированного взгляда теряет даже такой козырь, как новизна¹. Так, например, Макс Вебер в 1894 году в работе «Хозяйства аргентинских колонистов» обсуждает вопросы, которые волнуют нас сегодня, как новые. «В конечном счете мировая экономика, как ее представляет учение о свободной торговле, без мирового государства и полного выравнивания культурного уровня человечества, является утопией; путь туда далек. Поскольку мы еще и сейчас находимся в самом начале такого пути, мы будем действовать в интересах дальнейшего развития, если старые древесные стволы, из которых будущие поколения, возможно, сообща сколотят когда-нибудь здание хозяйственного и культурного сообщества человечества, — исторически данные национальные экономические единицы, — не будем пытаться слишком поспешно срубить и распилить для будущей постройки, но будем беречь их и ухаживать за ними в их данном от природы состоянии. — Для нации, конечно, полезно есть дешевый хлеб, но не в том случае, когда это происходит за счет будущих поколений»². Но и противоположное требование: посадить короля, Рынок, на трон общественных отношений, — вовсе не такое уж и новое. Даже у его критики — длинная борода. Куда ни посмотришь, везде повторения повторений³.

Свое могущество глобализм лишь на ничтожную долю черпает из того, что происходит в действительности. В большей мере потенциал могущества глобализма создается *инсцениро-*

¹ См. об этом: Hirst P., Thompson G. *Globalisierung?* In: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, а. а. О.

² Weber Max, 1993 (1894). *Argentinische Kolonistenwirtschaften*, in: ders., *Landarbeiterfrage, Nationalstaat und Volkswirtschaftspolitik. Schriften und Reden 1892–1899*. Tübingen (Max Weber Gesamtausgabe. Abt. I, Band 4, 1. Halbband), S. 303.

³ Подытожил это Гидденс: Giddens A. *Jenseits von Links und Rechts*, а. а. О., Kapitel I, S. 47–83.

ванной угрозой: всем правит сослагательное наклонение — «могло бы быть», «должно бы быть», «если, то».

Таким образом, перед нами разновидность общества *риска*, которому транснациональные предприятия и обязаны своей властью и могуществом. Не «фактический ущерб» *осуществившейся экономической* глобализации, скажем, из-за полного перемещения рабочих мест в страны с дешевой рабочей силой, но в первую очередь угроза этого, публичные разговоры об этом разжигают страхи, внушают опасения и в конце концов даже вынуждают профсоюзных контрагентов совершить в собственной режиссуре то, чего требует «инвестиционная готовность», чтобы избежать худшего. *Семантическая гегемония*, публично разжигаемая идеология глобализма есть источник власти и могущества, из которого предприниматели берут свой стратегический потенциал.

5. Отсутствие политики как революция

Глобализм — это мыслительный вирус, который за последнее время поразил все партии, все редакции, все институты. Не то, что люди должны действовать экономически, является его догматом, но то, что все и всё — политика, наука, культура — должны подчиняться примату экономического. В этом неолиберальный глобализм напоминает своего заклятого врага — марксизм. Да, он является возрождением марксизма как идеологии менеджмента. Так сказать, «Нью эйдж». Своего рода «движение пробуждения», чьи апостолы и пророки, однако, не раздадут брошюрок на выходах из метро, но возвещают спасение мира, обретаемое в духе рынка.

Поэтому неолиберальный глобализм представляет собой *в высшей степени* политическое поведение, которое, одна-

ко, подает себя как полностью *аполитичное*. Отсутствие политики *как* революция! Согласно этой идеологии, люди не действуют, но осуществляют законы мирового рынка, которые – увы – вынуждают минимизировать (социальное) государство и демократию.

Однако тот, кто верит, что глобализация подразумевает исполнение *законов* мирового рынка, которые должны быть осуществлены так, а не иначе, тот заблуждается. Экономическая глобализация как таковая *не есть* механизм, *не есть* нечто самодвижущееся, это всецело *политический* проект, причем проект транснациональных акторов, институтов и совещательных коалиций – Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО), Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, мультинациональных предприятий, а также других международных организаций, которые проводят неолиберальную экономическую политику.

Итак, вопрос формулируется следующим образом: кто есть *акторы* неолиберального глобализма? А также: что такое *политические* альтернативы? Кто определяет международные договоры и организации (например, в рамках ВТО) – мировой порядок конкуренции или что-то другое? Находят ли туда доступ минимальные стандарты социального и экологического труда и производства, достойные человека? Только на словах или как действительные стимулы? Какое влияние оказывает при этом политика, национальная и на уровне ЕС? Какой курс берет внешняя экономическая политика ЕС? А какой – политика развития, аграрная политика? Кто попадает в число *проигравших* от глобализации? Как выглядят будущие модели внутреннего и межевропейского рынка труда? Как должна регулироваться конкуренция с соседними странами на юге и вос-

токе, а также между регионами/странами Европы? Как движутся потоки капитала? Какое влияние на все эти процессы может иметь, могла бы иметь, должна бы иметь (транс)национальная политика, каковы перспективы этого влияния? Иными словами, каким образом можно *заменить* пугало глобализма *политикой*?¹

Уже сейчас можно заметить, что растущая группа проигравших от глобализации не улавливается сетью политического восприятия.

Ни одна партия в США и Европе еще не поняла, насколько велика, например, частная экономическая неуверенность в жизни служащих – в центре политического спектра возникает гигантская дыра. Эти актуальные или потенциальные проигравшие от глобализации в средних и высших этажах профессиональной иерархии уже не бьются за лучшие места работы и более высокие доходы, за гарантии стабильности для их более или менее скромного благополучия. Они ощущают себя брошенными и обманутыми как «правой» политикой, поскольку она работает на глобализацию и на тех, кто выигрывает от нее, так и «левыми» программами. Ибо люди, которые опасаются за свое экономическое будущее, не нуждаются, как считает Эдвард Литвак, в политических партиях, «которые хотят обложить ненадежный доход более высокими налогами, чтобы помочь тем, кто не работает».

6. Миф о линейности

«Возврат в прошлое предлагает мрачную перспективу ретрайбализации больших частей человечества в результа-

¹ Об этом ниже – в разделе «Ответы на вызов глобализации».

те войны и кровопролития», – пророчит Бенджамин Р. Барбер, а настроенная в духе культур-пессимизма западная интеллигенция согласно кивает – «балканизация национальных государств, в которых культура выступает против культуры, народ против народа, племя против племени, своего рода джихад против любого рода взаимозависимости, сотрудничества и взаимных уступок: против технологий, против поп-культуры, против мировых рынков.

Порыв в будущее подогревается напираниями вперед экономическими, технологическими и экологическими силами, которые требуют интеграции и унификации, людей повсюду увлекают быстрой музыкой, быстрыми компьютерами и быстрой едой (“фаст фуд”) – все эти MTV, “Макинтош” и “Макдоналдс”, а страны впихивают в гомогенную мировую культуру, в “Мак-мир” (McWorld), живущий благодаря коммуникации, информации, развлечениям и коммерции. Зажатая между Диснейлендом и Вавилоном, планета внезапно распадается и одновременно соединяется, пусть и с неохотой»¹.

Редко случается, чтобы мыслительный стереотип был бы так основательно опровергнут, как этот миф о линейности². Глобализация повсюду приводила также к появлению *нового смысла локального*. Выражение «глобальная культура» все равно вводит в заблуждение. Возникают транснациональные, транслокальные культуры или, соответственно, социальные пространства и «ландшафты», об этом свидетельствуют:

– туристский бум;

¹ Barber Benjamin R. *Dschihad versus McWorld – Globalisierung, Zivilgesellschaft und die Grenzen des Marktes*, in: *Lettre international*, Heft 36/1997, S. 4.

² См. в наст. изд. с. 81–88.

- возникновение небольших транснациональных миров экспертов, которые едва ли привязаны к определенным местам;
- растущее число международных институтов, агентур, групп, движений, которые вмешиваются во все возможные и невозможные дела;
- утверждение небольшого числа общепринятых языков (английский, испанский).

Тот, кто перед лицом этих (вышеизложенных) аргументов и результатов исследований все еще находится в плену мифа о линейности и разделяет тезис о культурной конвергенции как непосредственном следствии экономической унификации, – попросту невежественный человек.

7. Критика катастрофического мышления

Большинство людей убеждены – Ханна Арендт сформулировала это еще в 60-х годах, – что если из общества наемного труда уйдет наемный труд, то это «кризис» или просто «катастрофа». Что бы ни представлялось аборигенам общества труда, это – если смотреть с птичьего полета исторической перспективы – также фантастика. Многие поколения и эпохи мечтали о том, как бы окончательно сбросить ярмо труда или ослабить его тем, что все большее богатство производилось бы со все меньшими затратами труда. Вот мы теперь и достигли этого, но никому не ведомо, как быть с этой ситуацией.

В методическом плане это означает, что при переходе от Первого модерна ко Второму мы имеем дело с трансформацией основ, изменением формы, прорывом в неведомый мир глобальности, а не с «катастрофой» или «кризисом», если понятие кризиса по сути подразумевает, что мы можем возвратиться в *status quo ante*, при условии что будут приняты «правильные» (читай «обычные») меры.

Массовая безработица, которая сотрясает Европу, также *не является* «кризисом», поскольку возврат к полной занятости представляет собой фикцию. Это и не «катастрофа», поскольку замена труда частично или полностью автоматизированным производством — если правильно его использовать — могла бы открыть эпохальные шансы для свободы. Эти шансы, однако, должны быть раскрыты в противоположность старому мышлению, их надо политически использовать, придать им форму. Для этого нам требуется *публичный мозговой штурм*, политическо-институциональная фантазия. Только так может быть сформулирован вопрос: как возможна демократия по ту сторону фикции общества полной занятости — и дан ответ на него¹.

Неолиберальный глобализм не только сеет страх и ужас, он парализует политически. Если ничего нельзя сделать, тогда в конце концов остается лишь одно: отгородиться от всех, выпустить колючки, ошкетиниться. Зараженные мыслительным вирусом глобализма протекционистские аргументы и идеологии, проповедующие ре-акцию, приобретают влияние во всех партиях. По видимости против, а на самом деле в плену глобализма формируется *гигантская черно-красно-зеленая коалиция протекционизма*, которая с противоположными целями защищает старый (боевой) порядок от наседающих реальностей и мерзостей Второго модерна.

8. Черный протекционизм

Черные протекционисты запутываются в особом противоречии: они преклоняются перед национальным государ-

¹ См. ниже «Союз за гражданский труд», с. 243 и след. наст. изд.

ством и демонтируют его посредством неолиберальной идеологии крестоносцев свободного мирового рынка.

Но черный протекционизм – не только пойманное за руку противоречие консервативного мышления и поведения: с одной стороны, утверждают ценности нации (семья, религия, общность, община и т. п.), а с другой – в неолиберальном миссионерском задоре раскручивается экономическая динамика, которая подрывает и уничтожает эти консервативные ценности. Те, кто все больше урезает социальное государство, должны иметь в виду, что при этом подрывается фундамент «социальных гражданских прав» (Т.М. Маршалл), а с ним и политическая свобода.

И наконец, неолиберальная стратегия глобализма противоречива сама по себе. Она терпит крах, когда ее универсализируют (когда она мыслится универсализированной). «Попытка создать рабочие места путем относительного повышения собственной производительности – до известной степени безусловно легитимна. Но в такой стране, как Федеративная Республика Германия, – ввиду сохраняющегося в ней превышения экспорта промышленных товаров над импортом – начиная с какого-то момента эта попытка является крайне сомнительным предприятием. Полная занятость в соответствии с этим зависела бы от готовности других стран смириться с еще более высоким дефицитом внешнеторгового баланса.

Этой стратегии тем самым полагаются политические пределы, к тому же она и без того работает вхолостую из-за дальнейшей ревальвации собственной валюты, обусловленной превышением экспорта над импортом. Однако полностью бессмысленным дело становится тогда, когда борьба за наивысшую производительность труда между наиболее промышленно развитыми странами ведется преимущественно в форме снижения (побочных) затрат на заработ-

ную плату. Дело в том, что эта безумная гонка может в конце концов привести к тому, что всеобщий спрос на рынках с мощной покупательной способностью будет снижаться и пирог, который нужно делить, в результате уменьшится, тогда как собственная доля в пироге останется прежней»¹.

9. Зеленый протекционизм

Зеленые протекционисты воспринимают национальное государство как находящийся под угрозой вымирания политический биотоп, который защищает экологические стандарты от вмешательств мирового рынка, и потому — как и находящаяся под угрозой природа — нуждается в защите.

«Эко-протекционистская политика, которая хотела бы отстыковать рынки со строгими экологическими регламентациями от рынков с регламентациями менее строгими, может рассматриваться как контрпродуктивная. Она защищает промышленность, экологические стандарты которой относительно независимы от стандартов, принятых в странах с менее развитой экономикой, и препятствует распространению более высоких стандартов в регионах с неразвитым экологическим сознанием, т. е. там, где она с экологической точки зрения исключительно необходима.

Кроме того, экономические затраты, которые возникали бы, если бы подобная политика расстыковки стала бы всеобщей, катастрофически высоки. Они породили бы экономические кризисы в таких размерах, которые на продолжительное время сделали бы осуществление всякой экологической политики невозможным.

¹ Züm M. *Schwarz-Rot-Grün-Braun: Reaktionsweisen auf Denationalisierung*, in: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, а. а. О.

Чтобы предупредить возможные недоразумения, заметим: несомненно, некоторые из современных транснациональных производственных цепочек с экологической точки зрения представляют собой просто катастрофу. Крабы из Северного моря, которые по пути в Марокко обрабатываются (чищаются), в Польше упаковываются, а в Гамбурге попадают на рынок, — пример хищнического подхода к экологии. Но с этим нельзя бороться принятием протекционистских мер. В этом случае необходим соответствующий налог на энергопотребление, который отражал бы реальные транспортные затраты.

Поскольку важнейшие экологические проблемы действительно стали глобальными, в мире, полностью фрагментированном социально и политически, не было бы никакой надежды на решение этих проблем. Положение в самом деле настолько серьезное, что вызывает скепсис. Однако без мировых экономических и политических переплетений, которые в итоге насаждают и ужесточают эко-политические регламентации, ситуация выглядела бы еще хуже»¹.

Иными словами, зеленый протекционизм, во-первых, противоречит глобальности экологического кризиса, а во-вторых, лишает себя политического рычага, позволяющего мыслить локально, а действовать глобально.

При этом зеленые в интеллектуальном и политическом отношении выигрывают от глобализации, ведь экологические вопросы — равно как и ответы на них — должны мыслиться как глобальные. Но из-за своего легкомысленного антимодернизма, пристрастия к провинциальному и опасений утратить вместе с национальным государством бюрократический рычаг для проведения экологической политики многие зеленые политики мешают сами себе.

¹ Ebd.

10. Красный протекционизм

Красные протекционисты на всякий случай выбивают пыль из костюмов классовой борьбы; для них «глобализация» означает одно: «мы же говорили». На дворе просто марксистская пасха: празднуют новое «воскресение». Однако речь идет об утопической слепоте, выдающей желаемое за действительное.

Нет сомнений в том, что политика социального компромисса и социальной ответственности в век глобализации оказывается между молотом и наковальней. Если не снижать социальные затраты и (побочные) затраты на зарплату, будет расти число безработных; но без новых рабочих мест может рухнуть вся система социальных гарантий, построенная на наемном труде. Если теперь объемы наемного труда (измеряемые в рабочих часах на одного работающего) снижаются — не (только) из-за возможностей экспорта рабочих мест на некогда Дальний, а теперь вполне близкий Восток, в грозные уже по прозвищу «страны-мигры», но прежде всего из-за «скачкообразно» выросшей производительности сохранившегося остаточного труда¹, — то социальная политика, которая всецело рассчитывает на наемный труд, попадает, мягко выражаясь, в логическую западню.

Многие поэтому хватаются за радикальное противоядие, предлагая отбросить всю альтернативу, которая порождает эту болезненную ситуацию, т. е. ликвидировать мировую торговлю (читай — капитализм) и государство всеоб-

¹ *Restarbeit* — остаточный труд или остаточная занятость. В борьбе с безработицей предприятия сокращают рабочий день, а на оставшееся время нанимают других работников. — *Прим. перев.* См.: Der Bericht der Kommission für Zukunftsfragen von 1996. S. 5; а также в наст. изд., с. 107–116.

шего благоденствия, социальное государство. Последнее выбрасывается на свалку истории как отменяемый глобализацией компромисс¹.

Более мягкий вариант левой *ностальгии по социальному государству* упускает из виду, что кризис социальных систем не носит конъюнктурного характера. Подходит к концу целая эпоха, столетие, которое началось с социальных законов Бисмарка и, как казалось, в последней трети XX века для одного поколения действительно решило великую задачу: большинству людей на основе участия в наемном труде можно обеспечить жизнь в свободе и безопасности.

Это решение «социального вопроса», в свою очередь, становится социальной проблемой. Но это означает: кто вообще хочет что-то изменить, *должен быть «несправедливым»*, урезать, отвергать запросы, поощрять собственную инициативу и, таким образом, призывать к другой логике, другой морали социальной политики.

Новый порядок *социальной помощи* в Германии, например, необходим, поскольку прежняя форма во все большей мере оказывается неспособной дать гарантии от массовых рисков продолжительной безработицы. Более правильным и важным шагом реформы была бы минимальная гарантия, ориентированная на потребности, также в виде базового гарантирования от массовых рисков, совместно обеспечиваемая коммунальными общинами, землями и федеральными властями.

Модели этого существуют, даже такие, которые помогают снижать затраты, не увеличивая нужду. Однако подоб-

¹ См., например: *The Golden Age of Capitalism*, ed. by Marglin Stephen A. and Schor Juliet B. Oxford, 1990; или Altwater E. /Mahnkopf B. *Grenzen der Globalisierung*, a. a. O. По поводу критики см. подробно в: Zürn M., a. a. O.

ные стратегии «рефлексивной модернизации» социальной помощи — впрочем, как и многие другие — терпят крах (все еще) из-за структурного консерватизма во всех партиях, из-за отсутствия воли к реформам в политике и обществе.

Часть четвертая

**ОТВЕТЫ
НА ВЫЗОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Из всего сказанного можно сделать только один вывод: наконец-то открываются дебаты по поводу *политического* оформления глобализации!

На первых порах (что уже происходит) это предполагает решительную *критику неолиберальной идеологии глобализма*, ее экономической одномерности, ее линейного одностороннего мышления, ее политического, мирового рыночного авторитаризма, который выдает себя за неполитический, а действует в высшей мере политически. Далее становится ясным: глобальность и глобализация не являются ни стратегически раздутым фантомом, в публичном выведении которого на сцену капитализм, усмиренный социальным государством, видит способ избавления от своих пут, ни понятиями, дающими хорошие основания требовать и навязывать всем подчинение новым природным законам мирового рынка. Нужно бесконечно повторять: веком глобальности *не* возвещается конец политики, а открывается ее новое начало.

Шок от глобализации, характеризующий переход ко Второму модерну, действует — в конечном счете — политизирующе, поскольку *все* акторы и организации на *всех* уровнях общества *должны* выяснять свое отношение к изменяющейся основы динамике глобализации, с ее парадоксами и вызовами. Любопытно, что это долженствование взрывает старый схематизм «левый — правый». Существует левая и правая ностальгия. Левая превозносит социальное государство, правая — государство национальное. Обе сходятся в том, что надо защищать национально-государственный *status quo ante* от «вторжения мирового рынка».

Какие же вырисовываются политические ответы на глобальность?

Десяти описанным выше мыслительным ловушкам глобализма я бы хотел противопоставить десять ответов на глобальность:

1. Международное сотрудничество.
2. Транснациональное государство или «инклюзивный суверенитет».
3. Участие в капитале.
4. Переориентация образовательной политики.
5. Являются ли транснациональные предприниматели недемократичными, антидемократичными?
6. Союз в поддержку гражданского труда.
7. Что придет на смену нации, экспортирующей «Фольксваген»? Новые культурные и политико-экономические целеполагания.
8. Экспериментальные культуры, нишевые рынки и общественное самообновление.
9. Общественные предприниматели, трудящиеся-для-себя.
10. Общественный договор против эксклюзии?

1. Международное сотрудничество

Первый – особенно излюбленный социал-демократическими модернизаторами – политический ответ на глобализацию таков: политическое сотрудничество между национальными государствами необходимо упразднить, чтобы ограничить закулисные сделки или воспрепятствовать им, поскольку с их помощью глобальные предприятия стремятся минимизировать налоговые отчисления и максимизировать государственные субсидии.

Задача политики видится здесь в том, чтобы объяснить обществу, что глобализация не означает предоставления карт-бланша рыночным силам. Напротив, при глобализации растет потребность в общеобязательных международных регламентациях, в международных конвенциях и институтах для трансакций, перешагивающих границы. А поэтому гло-

бализации должны сопутствовать более совершенная координация политики между суверенными национальными государствами, более тщательный международный надзор над банками и финансовыми учреждениями, ликвидация межгосударственных налоговых демпингов (например, в рамках Европейского Союза) и более тесная взаимосвязь в международных организациях и их усиление в смысле повышения мобильности и эффективности.

«Как в границах национальных государств, так и в сфере международных экономических отношений должно соблюдаться правило: рынку необходимы политически установленные рамки порядка, — пишет председатель СДПГ Оскар Лафонтен. — Социальная и экологическая рыночная экономика является политической системой координат Европейского Союза. Мы выступаем за то, чтобы эту модель рыночной экономики с социальной и экологической ответственностью использовать теперь и как основу бизнеса в новом порядке мировой экономики. Тем самым могут быть созданы наилучшие предпосылки для конкуренции предприятий в области производства и идей и условия для честной торговли, которая выгодна всем участникам.

Для этого нам необходимы международные соглашения в рамках наднациональных учреждений. Эти учреждения имеются. Я назову Европейский Союз, страны “семерки” (G-7), Организацию по европейской координации и сотрудничеству, Международный валютный фонд и новую организацию мировой торговли ВТО. Экономические предпосылки также имеются. Ибо международные потоки торговли и инвестиций, которые составляют сердцевину глобализации, концентрируются прежде всего в пределах так называемой триады: в европейских странах и внеевропейских промышленно развитых странах “семерки”, т. е.

США, Канаде и Японии. Это значит, что так называемая глобализация не находится за пределами сферы нашего политического влияния. Мы должны использовать политические возможности для действий, направленных на совершенствование международного сотрудничества. Тогда существующие и возможные в будущем проблемы глобализации будут решаемыми»¹.

Здесь, таким образом, ответ на глобальность ищется не в наднациональном великом государстве или даже мировом государстве, а в «стоянии плечом к плечу» национальных государств. Они должны между собой договориться и создать общую сеть, чтобы а) указывать транснациональным предприятиям их рамки, дабы они не могли натравливать эти государства друг на друга; б) обновлять свои государственно-политические притязания на власть и создание организационных форм. Надежда видится в следующем: национальная эпоха социал-демократии могла бы быть одновременно модернизирована, укреплена и спасена идущей ей на смену международной эпохой космополитической социал-демократии.

«Попросту говоря, следовательно, это означает, что в неосоциал-демократической картине мира международная кооперация, как альтернатива протекционизму, наднациональной интеграции и дерегулированию, должна обезопасить интервенционистское государство тем, что страны-участники, с одной стороны, отказываются от «системной конкуренции», чтобы, с другой стороны, поставить себя в положение, которое позволило бы посредством национальной, социальной и промышленной политики создать соб-

¹ Lafontaine O. *Globalisierung und internationale Zusammenarbeit*, in: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, а. а. О.

ственной экономике конкурентные преимущества в международном масштабе на высоком социальном уровне»¹.

Однако успех этих стратегий международно-государственных союзов в плане переформулирования и реформирования социал-демократической эпохи не только необходим, но и сомнителен по трем причинам: во-первых, масштаб изменения основ оптимистически недооценивается; речь в конечном счете идет о стратегии «и так далее» на более высоком уровне.

Вместе с тем, во-вторых, не учитывается, что международная политика — во всяком случае сейчас — повсеместно является политикой *дерегулирования*.

В-третьих, неясно, каким образом может быть снижена конкуренция национальных государств в области инвестиций и рабочих мест, которая растет с ростом массовой безработицы.

Национальные государства суть картель эгоистов, которые стоят перед выбором: сдать, поскольку они действуют эгоистически и потому собирают меньше налогов, или же сдать, чтобы собирать больше налогов в другом союзе государств.

И наконец, в-четвертых, «политический капитал», который социал-демократы Первого модерна хотели отдать в рост, — установление и упрочение социального мира — не имеет той же цены во Втором модерне. Ибо сами социал-демократы оказываются между молотом и наковальней. С долей цинизма, но вполне реалистически можно выразиться так: кто знает, может быть, транснациональным предприятиям удастся установить социальный мир по соб-

¹ Streeck W. *Industrielle Beziehungen in einer internationalisierten Wissenschaft*, in: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, а. а. О.

ственному сценарию именно при условии более радикальной конкуренции на мировом рынке?

2. Транснациональное государство или «инклюзивный суверенитет»

«В расхожих тезисах о глобализации многое не ново в экономическом плане, а кое-что ложно, — пишет М. Йеннике. — Утверждение, что экологическая политика попадает в “ловушку глобализации”, что защита окружающей среды перед лицом глобальной конкуренции просто дорога, может быть тем не менее верным. А уж популярно такое представление всегда. Даже защитники окружающей среды порой разделяют его, признавая свое бессилие.

Все же стоит проверить, как, собственно говоря, обстоят дела в экономике государств, которые относительно много делают в области охраны окружающей среды. И вот что выясняется: у стран, лидирующих в глобальной экологической политике, в экономике дела идут, пожалуй, лучше, чем у других. Передовыми странами в области инноваций в начале 70-х годов были США и Швеция, потом Япония, затем вплоть до 1994 года даже ФРГ. Сегодня роль лидеров перешла к таким странам, как Нидерланды, Дания и снова Швеция, а вне Европы — к Южной Корее. Любопытно, что экологическими лидерами сегодня почти всегда оказываются небольшие страны, чья привязанность к мировым рынкам особенно велика.

Но почти сенсационным является то, что они при этом относятся к странам, достигшим больших успехов и на рынке рабочей силы. В настоящее время это стало особенно заметно в отдельных случаях: Нидерланды, Дания, а также весьма активная в экологическом плане Новая Зелан-

дия почти на треть сократили у себя процент безработных со времен рецессии 1993 года. В Швеции также безработица снижается — как и во всех скандинавских странах. Северные страны помимо прочих экологических выплат ввели еще и налог на диоксид углерода и затем даже повысили его. В Дании и Швеции, переживших в 1993 году экономический кризис, осуществлена настоящая экологическая налоговая реформа. Итак, защита окружающей среды не мешает успешно конкурировать на глобальном уровне, более того, разумная экологическая политика становится ключевым индикатором конкурентоспособности страны. Так считает и Майкл Портер, известный теоретик инноваций и экономист из Гарвардского университета.

Несомненно, что отдельное национальное государство не стало сильнее в ходе развития мирового рынка. Но государства сегодня достаточно часто действуют в коллективе. В последнее время глобальные сети министерских сотрудников определяют как национальную экологическую политику стран, так и деятельность национальных, а также интернационализованных экологических союзов»¹.

Но решающий вопрос таков: что представляет собой коллективные действия государств? Рассматриваемые в литературе модели — например, международная организация, многосторонняя (мультилатерализм) или многоуровневая политика — связаны, как было показано, с национальным государством. Выше я набросал модель транснационального государства, которая не соответствует этим различиям. При этом отношения «взаимоисключающихся» национальных государств и национально-государственных

¹ Jänicke M. *Umweltpolitik: Global am Ende oder am Ende global?*, in: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, a. a. O.

обществ заменяются рамочной схемой, в пределах которой и возникают союзы государств, локализующиеся в мировом обществе и таким образом возрождающие свою особенность и самостоятельность как «глокальные» государства.

Модель транснационального государства противоречит, таким образом, всем другим моделям кооперации: транснациональные государства объединяются в ответ на глобализацию и развивают *благодаря этому* свой региональный суверенитет и идентичность за пределами национального. Они, следовательно, являются кооперативными и индивидуальными государствами, индивидуальными государствами *на основе* кооперативных государств. Иными словами: межгосударственное объединение открывает постнациональным государствам новые пространства для действий.

Например, только европейские инициативы позволяют положить конец налоговому демпингу и снова пригласить «виртуальных налогоплательщиков» к кассе, чтобы таким путем не только создать предпосылки для социальной и экологической Европы, но и вернуть индивидуальным государствам способность действовать и власть организационного формосозидания. Итак, ответом на вопрос, почему государства должны объединяться, будет здесь государственный эгоизм: поскольку лишь так они могут возрождать свой суверенитет в структуре мирового общества и мирового рынка.

Этот аргумент имеет смысл только в том случае, если мир представлений, характерный для эксклюзивного суверенитета, заменяется миром представлений *суверенитета инклюзивного*. Этот аргумент известен по сфере труда и по разделению труда: кооперация не тормозит, но *развивает* и производительность, и суверенитет отдельных членов. Если вспомнить различие, которое проводил Эмиль Дюркгейм, то можно сказать: во взаимоотношениях между странами на место ме-

ханической анархии разнообразия вступает *органический суверенитет кооперации*. Это означает, что национально-государственные акторы получают пространства для политического организационного формосозидания в той мере, в какой им удастся увеличить экономическое и общественное богатство путем транснациональной кооперации. Транснациональные государства являются, следовательно, глобальными *торговыми* государствами, которые, отказавшись от эксклюзивного территориального принципа, распрощались при этом и с приоритетами геополитических расчетов.

В результате создается такая ситуация, когда война становится, так сказать, роскошью, которую могут позволить себе только изолированные друг от друга национальные государства, и только в том случае, если они еще не попали в сферу влияния какого-либо военного союза и не обладают самыми современными средствами насилия¹.

На вопрос, каким образом создается и достигается политическая архитектура транснациональных государств, можно ответить, указав на две цели, два столпа: это, во-первых, принцип правового пацифизма²; а во-вторых, федералистский принцип межгосударственного контроля³.

¹ См. об этом: Mandelsbaum M. *The Dawn of Peace in Europe*. New York 1996; Weber Robert J. (Ed.). *Eagle Drift*. New York 1997.

² См. об этом: Archibugi D. *From the United Nations to cosmopolitan Democracy*, in: Held D. (Ed.), *Cosmopolitan Democracy*. London 1995, p. 121–135.

³ Другой принцип – принцип общего валютного пространства – здесь не рассматривается, потому что он уже достаточно освещался в свое время в общественной полемике по поводу введения евро. Вразрез с сетованиями, будто форсированное введение евро учитывает исключительно Европу экономическую, кое-что говорит в пользу тезиса, что именно через экономическую Европу внедряется – вольно или невольно – Европа политическая. Одномоментно должны быть унифицированы в общем валютном пространстве притязания, интересы на рынке рабочей силы, при допусках к работе (свидетельства о квалификации), признание дипломов, минимальный размер оплаты труда и т. п. До сих пор национально-государственные солидарности расширяются в транснациональные солидарности – и конфликты!

Первый принцип — принцип пацифизма, основанного на международном праве, — гласит: без создания и совершенствования международного права и правовых инстанций абсолютно невозможно урегулирование транснациональных конфликтов мирными средствами¹. Правовой пацифизм следует отличать от пацифизма *социального*; последний сводит конфликты между странами к социальным причинам; его, в свою очередь, не нужно путать с *религиозным* пацифизмом, который нацелен на диалог и примирение религий. Правовой пацифизм не следует смешивать и с ненасилием. Определяющими для применения военной силы являются правовое решение и правовое обязательство.

И все же краеугольный камень правового пацифизма может быть в транснационально-государственном строе только необходимым, но отнюдь не достаточным условием для мирного урегулирования конфликтов. Это справедливо для улаживания конфликтов как внутри национальных государств, так и между ними. История XX века учит, что политическая судьба международных трибуналов и судов характеризуется *парадоксальностью успеха благодаря неуспеху*: суды и трибуналы были всегда успешны тогда, когда они, вообще говоря, не использовались; и они всегда терпели крах, когда их действительно использовали. Логическая конструкция, согласно которой от международной правовой системы нельзя отрекаться, противоречит отрезвляющему опыту: государства борются за каждый миллиметр сохраняющегося у них правового суверенитета, причем тем ожесточеннее, чем меньше остается защищать и чем большего результата можно добиться объединением.

¹ Кстати, в этом и состоит основная идея трактата Канта «К вечному миру», см. об этом: Beck U. (Hg.), *Kinder der Freiheit*, a. a. O., S. 147 ff.

В связи с этим сегодня повсюду идет работа над основами международного права, и никто всерьез не сомневается, что это необходимо. Тем не менее фактические успехи весьма скромны. В самом деле, хотя наличие международных трибуналов в Гааге и Аруше привело к тому, что военные преступления в ходе гражданских войн на Балканах и в Руанде подверглись судебному преследованию, но даже в случае Боснии и Герцеговины Дейтонские соглашения не позволили обеспечить суд над небезызвестными персонами, обвиняемыми в военных преступлениях, такими, как Младич, Караджич или Кордич, и создать таким образом возможность примирения через правовой процесс, а тем самым положить начало нового политического этапа.

Из неудач, постигших международное право до настоящего времени, не следует делать вывод о его ненужности. Напротив, есть хорошие доводы в пользу того, что транснациональные правовые пространства и институты уже не роскошь, а давно стали необходимостью для всех государств в глобальную эпоху, причем потому, что национальные государства в ходе глобализации все больше теряют пусть и не номинальную правовую власть выносить решения, но контроль над выполнением законоположений. Поскольку стратегии действий отдельных государств, например, в Интернете, в сборе налогов или в борьбе с безработицей и экономическими преступлениями, не дают результатов, индивидуальные государства вынуждены прибегать к транснациональной кооперации для осуществления своего национального права.

Здесь снова вырисовывается парадоксальный принцип приобретения полномочий путем отказа от власти: национальные государства для увеличения возможностей контроля вынуждены делегировать свои властные средства ко-

оперативным транснациональным инстанциям; только таким образом они как постнациональные индивидуальные государства могут в сотрудничестве с другими обновлять и расширять свои шансы влияния и организационного формотворчества. Как уже говорилось, государственный частный интерес вынуждает жертвовать частными национально-государственными интересами ради самих этих интересов.

И наоборот, существует опасность, что противоречие между национально-государственными рамками деятельности и транснациональными проблемами соблазнит — для демонстрации политического активизма — на издание все большего количества явно бесполезных национально-государственных контролирующих законов, а эти законы не только совершенно не затрагивают проблему, на решение которой они нацелены, но и ограничивают и одновременно подрывают основные правовые пространства действий. «Национальные нормы в конечном счете все меньше способствуют безопасности перед лицом оживающей международной преступности разного рода, основанной на разделении труда и организованной с использованием глобальных технических средств: призыв издавать национальные законы для создания “равенства оружия” в борьбе с национально-государственными преступлениями неизбежно заводит все в тупик. Наступления на основные права, как, например, запланированные мероприятия по визуальному и акустическому надзору за частной сферой, которые несут в себе серьезную угрозу правовому государству и свободам граждан, лишь имитируют способность к действиям, но не в состоянии эффективно бороться с этой преступностью и тем самым заботиться о безопасности своих граждан. Когда это разрушение иллюзий безопасности

окончательно похоронит доверие к демократически легитимированному порядку – вопрос времени»¹.

Федерализм применительно к отношению между государствами имеет то решающее преимущество, что власть контролируют или по крайней мере держат под шахом не сверху и не снизу, а горизонтально. Существенная же проблема заключается в том, что инстанция, которая контролирует индивидуальные государства, не имеет права быть надгосударственной. Надгосударственная инстанция либо была бы неэффективной, либо оказалась бы монополизированной сильнейшим государством и в конце концов привела бы к мировому государству. И это было бы самым тираническим образованием, спастись от которого в конечном счете не смог бы никто. Впрочем, заменяя многообразие единообразием и не имея никаких институтов для разрешения конфликтов, оно было бы весьма непрочным.

Транснациональный федерализм подразумевает политику активной *самоинтеграции* индивидуальных государств в международные деятельные комплексы, нацеленные на возрождение индивидуальных глокальных государств и ограничение власти транснациональных центров. «Предполагается, что демократическое государство до тех пор является несовершенной политической единицей, пока оно не располагает институтами, позволяющими непосредственно связывать своих граждан с гражданами других государств»².

Подведем итоги: *инклюзивный суверенитет* подразумевает, что уступка суверенных прав сопровождается выигрышем в политической власти организационного формосо-

¹ Däubler-Gmelin H. *Globalisierung geht keineswegs Hand in Hand mit globalem Recht*, in: *Frankfurter Rundschau*, 18. 4. 1997, № 90.

² Archibugi D., a. a. O., S. 156.

зидания на основе транснациональной кооперации. Но это удастся только в том случае, если глобализация будет успешно понята и оформлена как политический проект. Только в результате этого станет возможной ситуация, когда согласие, рабочие места, налоги и политические свободы будут расти на локальном *и* транснациональном уровнях. И в этом смысле Европа стала лабораторным экспериментом инклюзивного суверенитета.

3. Участие в капитале

Если верно, что труд заменяется знанием и капиталом, тогда новая социальная политика может *ориентироваться на цель участия труда в капитале*. Здесь как дополнение (или как конкурент) принципа участия в управлении выступил бы принцип участия в праве собственности. Обсуждаемых моделей много — от замены долей в зарплате долями собственности (в капитале предприятия, а тем самым в его прибылях *и* убытках) до такой картины: скажем, «Мерседес» и «Хёхст» производят там, где это всего дешевле, а немцы как «народ акционеров» наслаждаются жизнью за счет добытых дивидендов и спекулирующих с акциями на глобальном уровне.

«Партии и профсоюзы, — пишет Фриц В. Шарпф, — которые, как и прежде, преследуют цель справедливого распределения, должны переориентировать свои усилия от политики налогов и зарплат на распределение капитала».

И он тут же указывает на одно ограничение: «Во времена сильно растущих реальных зарплат такую цель было бы, конечно, легче осуществить, чем сегодня; это месть за то, что соответствующие планы коалиции социал-демократов и свободных демократов в начале 70-х годов потерпели крах

из-за полемики профсоюзов против “народного капитализма”»¹.

Пределы этой политики налицо: смена цели — от политики зарплат к политике доходов от капитала — поддерживает или страхует лишь тех, кто интегрирован в трудовой процесс, но не безработных, которые стоят перед закрытыми воротами рынка труда.

4. Переориентация образовательной политики

Если труд заменяется знанием и капиталом, то — и это второе политическое следствие — труд, следовательно, должен благодаря *знанию* повысить свою ценность или быть подвергнут перестройке. Но это означает, что *необходимы инвестиции в сферы образования и научных исследований!* — полная противоположность тому, что происходит сегодня в Германии².

«Политики не поняли, — пишет Роберт Б. Райх, — что подлинные технологические активы страны заключаются в способности ее граждан решать сложные проблемы будущего». Их знания, их умение, их вклад в мировую экономику (а не только — как было до сих пор — в технологию и капитал) определяют благосостояние страны. «Деньги и фабрики, информация, машины и эмблемы фирм не привязаны к определенной точке на карте, носители знания и опыта — в еще меньшей степени»³.

¹ См.: Scharpf F.W. *Demokratie in der transnationalen Politik*, in: Beck U. (Hg.), *Politik der Globalisierung*, а. а. О.

² Новое британское лейбористское правительство при Тони Блэре, очевидно, начинает осознавать этот принцип.

³ Reich R. B. *Die neue Weltwirtschaft*. Berlin 1993, S. 181.

Вместо того, чтобы субсидировать «немецкие» фирмы, политики должны вкладывать деньги в сферу знания и образования, давая гражданам возможность овладения способностями и ориентирами, которые помогут им разбираться в транснациональных ландшафтах и противоречиях мирового общества.

Поэтому один из великих политических ответов на глобализацию гласит: *создание и совершенствование общества образования и знания*; увеличение, а не сокращение сроков получения образования; ослабление или ликвидация его привязки к определенным рабочим местам и профессиям и ориентация процессов профессиональной подготовки на ключевые квалификации, находящие широкое применение; под этим понимается не только «гибкость» или «пожизненное обучение», но и социальная компетенция, умение работать в команде, отсутствие боязни конфликтов, понимание культуры, многоплановое мышление, готовность к неуверенности и парадоксам Второго модерна¹.

«Обучение должно сочетаться с теми видами деятельности, посредством которых люди берут свою жизнь в собственные руки, — пишет Райнхард Каль. — Обучение одновременно расширяется и освобождается из своего гетто. Разумеется, на словах это получается легче, чем на практике»². Однако смысл учения изменяется в условиях транскультурной взаимосвязи. Увлекательная диалектика глобализации подразумевает замену традиционных «поучающих обществ» (В. Лепениес) ориентацией на диалог (мужество к непониманию). То тут, то там люди начинают обнаруживать, что необходимы и

¹ См.: Bollinger H./Nothdurf W. *Schlüsselqualifikationen*. Ms. Fulda 1997.

² Kahl R. *Globalisierung zwingt zu einer Reorientierung des Lernens*, in: taz, 4. 8. 1997.

такие вещи, как, например, транснационализация (университетских) процессов образования и образовательных программ («global studies»). Последние должны способствовать осмыслению студентами трудностей транскультурных коммуникаций и конфликтов и учить преодолению их. Они также должны раскрывать перед студентами когнитивную картину, которая поможет им понять многомерность и ловушки «глобальной» жизни и деятельности и избегать последних.

Для этого в эру индивидуализации уже недостаточно довольствоваться «гибким усвоением заданных норм» со стороны молодежи (Кольберг), все гораздо глубже; требуется, как пишет Михаэль Братер, «формирование собственного “я” как деятельностного и ориентирующего центра. Каждый молодой человек должен учиться вести свою жизнь, всецело опираясь на самого себя, рассчитывая на собственные силы, нужно учиться пробовать, формировать открытый процесс»¹.

5. Являются ли транснациональные предприниматели не-демократичными, анти-демократичными?

Транснациональный капитализм, который не платит налогов и ликвидирует наемный труд, утрачивает свою легитимность. Он становится нефункционально-паразитарным, как это и предсказывал Шумпетер. Следовательно, нужно сформулировать – теоретически и политически – центральный вопрос, капитальный вопрос Второго модерна: являются ли транснациональные предприниматели антидемократами? Или: какой ценностью обладает для них новое обоснование демократии?

¹ Brater M. *Schule und Ausbildung im Zeichen der Individualisierung*, in: Beck U. (Hg.), *Kinder der Freiheit*, a. a. O., S. 153.

Как представляют будущее демократии «виртуальные налогоплательщики»? Каков их вклад в космополитическое расширение демократии?

Как, следовательно, может выглядеть общественный договор не (только) с точки зрения национально-государственной политики, а с точки зрения транснациональных предприятий – договор, который заново обосновывает и делает возможной демократию Второго модерна?

Возможно, я безнадежный оптимист; возможно также, что этот оптимизм является стратегическим. Простой, но чреватой тяжелыми последствиями, пожалуй, даже самоубийственной ошибкой была бы попытка вычлнить рыночную экономику из ее политического контекста возникновения в Европе и осуществить ее как бы в чистом виде. Проект рыночной экономики всегда был также политическим проектом, причем тесно связанным с демократией. Но демократия – дорогая вещь. И потому нельзя не напомнить тем, кто выиграл от глобализации, об их долге демократическим институтам, а это значит, что надо *пригласить виртуальных налогоплательщиков к кассе*¹.

Это не немецкая, не европейская проблема, это проблема мирового общества. Ее можно решить только с помощью международных урегулирований. Но можно также использовать зависимость этих предприятий от рынка, их зависимость от имиджа. Транснациональные экономические акторы ранимы, у каждого из них – своя ахиллесова пята. Дело в том, что безграничная самореализация капитала привязывает: во-первых, к *местам*, во-вторых, к *продуктам*. «Беглый» капитал должен сделаться «оседлым»; вписаться в локальные культуры и их законодательные и политические рамочные условия,

¹ См. по поводу трудностей различных форм налогообложения: Streeck W. *Industrielle Beziehungen*, а. а. О., но и в наст. изд. с. 264 и след.

что также означает — оправдать себя в них¹; производить товары и предоставлять услуги, которые люди покупают, должны выбирать, а значит, могут сделать выбор и не в их пользу.

Найдутся ли свои «Эмнести Интернешнл» или «Гринпис» для движения потребителей, которое будет не только поощрять действующие во всем мире предприятия к *политизации потребления* с целью сохранения демократических стандартов, но и принуждать их к этому, угрожая бойкотом? Насколько политически бдительный, организованный потребитель, овладевший ремеслом масс-медиаальной символическо-политической инсценировки, может дополнить или заменить организованного рабочего как корректив против безграничной «самореализации капитала»?

Принято считать, что по сравнению с попыткой обнаружить и задержать ответственных за что-либо в дебрях мирового рынка, знаменитая попытка найти иголку в стоге сена — просто детская забава. Но это неверно. Вменяемость никогда не выявляется сама собой, но всегда есть вопрос *формирования* ответственности.

Существует весьма простой способ обеспечить движению потребителей возможность добиваться существенного политического результата с помощью крошечных рычажков: это, во-первых, броский символ;

во-вторых, социальные, демократические и экологические этикетки, которые дают сведения об условиях изготовления продуктов и добровольной демократической ангажированности предприятия-изготовителя;

а также, в-третьих, гарантия на продукт, так что торговле вменяется в обязанность возмещать издержки, если сведения о продукте не соответствуют действительности и это можно доказать.

¹ См. об этом в наст. изд. с. 86 и след.

Против этой, по сути, простой политики «прозрачного продукта» и гарантии, которая не увеличивает числа бюрократических контрольных инстанций и прекрасно согласуется с предпринимательскими обязательствами и самоконтролем, постоянно возражают представители торговли: откуда мы знаем, в каких условиях были изготовлены продукты, которые мы продаем? В этом-то и суть: гарантия продукта *вынуждает* создавать ясность и соблюдать *minima moralia* (нравственный минимум) в социальном, экологически ориентированном производстве по отношению к его деловым партнерам, если производители не хотят прогореть.

Кто занимается торговлей во всем мире, должен быть готовым во всем мире нести свою долю ответственности за социальные и политические условия этой торговли. Этот политический ответ на глобализацию соединяет то, что кажется несовместимым: контроль *на месте* и предпринимательский *самоконтроль*¹.

Социальные и экологические стандарты, надо сказать, также не гарантируют укрощения мировой экономики. Пределы их возможностей налицо: в первую очередь они действуют в отраслях и государствах, ориентированных на экспорт. А потому только косвенно (в лучшем случае!) могут способствовать всеобщему развитию обществ в направлении социальной справедливости. О парадоксальных побочных последствиях этого стоило бы поразмыслить.

¹ По поводу социальных и экологических стандартов в мировой торговле см.: Brafel F., Windfuhr M. *Welthandel und Menschenrechte*. Bonn 1995, Kreissl-Dörfler W. (Hg.), *Mit gleichem Maß-, Sozial und Umweltstandards im Welthandel*. M. d. EP DIE GRÜNEN im Europäischen Parlament, 1995.

6. Союз за гражданский труд

Можно ли — и если да, то каким образом — заключить союз между транснациональным капиталом и транснациональной политикой для создания и упрочения тенденций к образованию одновременно децентрализованного и транснационального гражданского общества?

Новый общественный договор должен был бы исходить из следующего: наш труд стал таким производительным, что его требуется все меньше, чтобы производить все больше товаров и услуг. Материально-социальная интеграция людей через наемный труд, конечно, как и прежде, имеет значение, но это уже не единственная форма. Я предлагаю задуматься над тем, нельзя ли повысить престиж того, что проявляется повсюду как ангажированность гражданского общества в социобиотопах общества — как способность к самоорганизации, как интерес к политическим проектам, выпадающим из поля зрения институтов, — чтобы помимо наемного труда возник второй центр активности и интеграции: *общественная работа, гражданский труд*. Что это такое?

Работа по уходу за престарелыми, инвалидами, бездомными, больными СПИДом, работа с неграмотными, с изгоями общества, участие в природоохранных акциях и многое другое — все это осуществлялось до сих пор на общественных началах; надо сделать эту работу «видимой» экономически, т. е. оплачивать (например, в форме гражданского *пособия*, размеры которого примерно соответствуют социальному пособию). Общественная работа могла бы сделать города обитаемыми, прилагаемую энергию — эффективнее используемой, демократию — живее. Может быть, следует говорить даже не о «союзе за труд», а о союзе

«гражданин – государство за гражданское общество» и привлекать на это капитал? Общественную работу нужно организовать в такой форме, чтобы она не оказывалась простым отстойником для безработных: она должна быть привлекательной для всех. Второй центр активности должен обеспечивать демократическую субстанцию общества. Речь идет не о том, чтобы заменить этим наемный труд, но о том, чтобы дополнить его. Гражданская работа стала бы в конце концов, возможно, одной из трех опор – наряду с трудом по найму, служащим основной экономической гарантией, и частной работой, – на которых стоит воспитание и/или самореализация. Гражданская работа не обязательно должна встраиваться в национально-государственные рамки и могла бы поддерживать и обогащать транснациональное гражданское общество, его сети и социальные движения. Такие занятия – как в «Гринписе» или «Эмнести интернешнл» – привлекательны для молодежи.

Итак, налицо прежде всего два принципа – *добровольность*, или *самоорганизация*, а также *общественное финансирование*, – которые могли бы сделать из гражданской работы привлекательную альтернативу¹.

Сразу возникает вопрос: откуда взять деньги? *Социальная помощь и пособие по безработице*: согласно предложенной модели, безработные в будущем окажутся перед выбором – остаться безработными и на длительную перспективу быть привязанными к социальному пособию или же заняться деятельностью в добровольном секторе общественной работы; соответственно, могли бы быть использованы различные трансфертные доходы; я уже не говорю о том, что безработ-

¹ См.: Der Bericht III der Kommission für Zukunftsfragen – *Maßnahmen*, раздел «Bürgerarbeit», November 1997.

ные исчезнут не только из статистических отчетов. *Налоговые льготы*: так же, как на зарегистрированные союзы, на гражданскую работу должны распространяться льготы — снижение или освобождение от уплаты (подходного) налога. *Благотворительные союзы*: кто, что и кому здесь распределяет? И как можно сделать эти ресурсы более прозрачными и открытыми для финансирования добровольной гражданской работы? *Немонетарные источники*: сети обмена вещами, системы талонов. *Социальное спонсирование*: прежде транснациональные предприятия занимались поддержкой культуры, что благотворно влияло на их имидж. Затем они перешли к проблемам экологии. В настоящее время среди крупных предпринимателей существует настоящее движение по социальному спонсированию. Активная общественность на основе установленных ею самой правил могла бы вменить это в обязанность концернам. Я исхожу из того, что менеджеры ценят политическую свободу этой культуры как достижение и хотят внести свой вклад в ее поощрение.

Для всего этого необходимо политическое понимание, порывающее с той монополией на политику, которой обладает политическая система. Надо найти и правильно уравновесить новое разделение власти и труда, например, между государственной системной политикой и (транс)локальным гражданским обществом. Укреплять гражданские общества, перешагивая границы, не означает взваливать на них с помощью коммуитаристской демагогии все нерешенные побочные проблемы бюрократической волокиты. Укрепление гражданских обществ означает, что за возросшей самоответственностью следует перемещение власти от центра в регионы, в города; одновременно гражданские инициативы благодаря гражданскому пособию делаются самостоятельными в материальном отношении и становятся дееспособными.

Нет сомнений в том, что таким образом можно получить новые проблемы. Например, возникает постоянная конкуренция с представительской политикой партий и в органах местного самоуправления; или возникшие самостоятельно организации гражданского общества конкурируют с (весьма дорогим) профессиональным трудом — экспертов и наемных работников. Таким образом разжигаются многообразные перманентные конфликты на границах.

7. Что придет на смену нации, экспортирующей «Фольксваген ? Новые культурные, политические и экономические целеполагания

Преодоление раскола Германии — это не просто включение ГДР в ФРГ. Оно сочетается с преодолением разделения Европы, а потому является концом одной эпохи и началом нового этапа европейской истории.

Что это означает и что предполагает, можно объяснить на примере самопонимания послевоенной Западной Германии и понимания ее развития. Тогда пересекались различные частичные перспективы: восстановление, внутренняя демократизация, преодоление прошлого в осмыслении национал-социалистического террора, а также борьба за воссоединение. Эти исторические частные цели вовсе не образуют естественного единства. Более того, они сами по себе противоречивы и допускают, навязывают различные акценты и приоритеты. Однако они были увязаны вместе в проекте *экспортирующей нации*.

Целью производства определенных товаров массового спроса (на заводах «Фольксваген», «Мерседес», «Сименс» и т. п.), которые под маркой «немецкая качественная работа» завоевали рынки мира, было свести воедино культурные

энергии и раскрутить мотор обогащения, сотворить то самое «экономическое чудо», которое заложило основы для внутренней демократизации, для осмысления обществом нацистской практики организованных массовых убийств и прежде всего, разумеется, для восстановления страны, ее внешнего и внутреннего престижа.

Боннская республика смогла сочетать цели производства, завоевания мирового рынка с культурно-политическим стремлением подключиться к западному модерну. Причем решающим источником легитимности и общественного консенсуса были (*по-видимому*) вечные слова «*все больше и больше*»: они подходили и для общества процветания, и для массового потребления, и для социальной безопасности. На втором месте оказалась политическая свобода.

Однако многие сбиты теперь с толку и глубоко обеспокоены тем, что источники благосостояния начинают пересыхать или весьма энергично фонтанировать. Другие частные цели — восстановление, а также объединение с ГДР — исчерпали себя или сделались ненужными после их достижения; всюду мы встречаемся с непредвиденными последствиями успеха. И опять надо растолковывать другие частные цели, отвечающие новой мировой ситуации.

Самопонимания экспортирующей нации, являющегося оборотной стороной национализма немецкой марки, уже недостаточно: одним из решающих вызовов является тот факт, что страны Юго-Восточной Азии, а затем, пожалуй, и Китай, за последнее время научились производить хорошие и недорогие товары, которые до сих пор поддерживали немецкую торговую марку: автомобили, машины и оборудование, холодильники. Это товары массового спроса, которые догоняющие страны могут производить часто с меньшими затратами. К тому же рынки товаров массового

спроса переместились в другие части света (Южная Америка, Восточная Европа, Китай и т. д.) и могут там обслуживаться дешевле; в результате этого успешная модель экспортирующей нации опять выдыхается. Мало того, дальнейшее победоносное шествие товаров массового спроса (самый характерный пример — автомобиль) оказалось под вопросом после осознания экологических последствий.

Политики и предприниматели, чтобы сохранить свои позиции на мировом рынке, в режиме «непрекращающейся молитвы» публично призывают к «инновациям» и «мужеству к риску». Однако все говорит о том, что *понимание «инноваций» глубоко устарело*, ведь по старинке рассчитывают, во-первых, на товары массового спроса, и во-вторых, на модель «экспортирующей нации», а затем с резвостью подбитой утки плетутся в хвосте у тех, кто и так уже научился работать лучше и производить более дешевые товары. Гонка преследования на так называемых рынках будущего — информационные технологии, геновая инженерия, человеческая генетика, — к которой призывают повсюду, оказывается проявлением распространенных (мыслительных) препятствий и отсутствия фантазии. «Инновация» в мировом обществе — относительное понятие. Оно подразумевает, что надо изобретать и делать то, чего другие *не* делают и (еще) *не* могут делать. Нельзя научиться держать нос по ветру, подражая другим. Поэтому все «дискуссии о позиционировании» (слово взято из военного жаргона) глухи к инновациям и даже *контринновативны*.

Итак, вопрос звучит так: что могло бы — в аспекте культуры, политики и экономики — заменить страну, экспортирующую «Фольксваген»? Какие рыночные и культурные инновации являются опорными во Втором модерне? Мировой рынок вознаграждает за *различие*. Значит, то, что изобража-

ют в черном свете (например, региональные особенности), следует открывать и развивать как силу и новые возможности.

Во-первых, *экологические продукты*. Нельзя упускать из виду и сбрасывать со счетов популярность на мировом рынке мирового экологического сознания немцев. Все еще господствующая ортодоксия, свойственная индустриальному обществу (на предприятиях, но также в бюрократиях и крупных политических партиях), клеймит возросшую экологическую чувствительность немцев как «инновационное препятствие», вместо того чтобы сделать из него немецкий козырь мирового рынка во Втором модерне. Президент Немецкого патентного бюро уже несколько лет назад говорил, что более 85% всех изобретений не реализуются, причем вовсе не из-за их коммерческой нерентабельности, но из-за того, что рентабельность оценивается неправильно или вообще не проверяется. Концерны и политики мыслят только в категориях высоких, генных и информационных технологий и мечтают об уничтожении конкуренции в этих секторах, т.е. стремятся к созданию инновационной монополии, которой другие обладают уже давно. Сегодня мало кто собирается брать на себя частичную ответственность за риски, связанные с производством новых продуктов, и при этом открывать новые рынки, что было вполне обычным делом еще 20–30 лет назад. Так, в коалиционных договоренностях на двенадцатый срок полномочий германского Бундестага (от 16 января 1991 года) в разделе «Окружающая среда и транспорт» чудесным образом возвещались такие намерения: «...налог на транспортные средства преобразовать в налог на вредные вещества с сильным выбросом и CO₂-компонентой», а также разработать «экологически безопасные виды топлива с

добавкой этилового спирта и/или биологических смазочных материалов». Но эти добрые намерения так и остались только намерениями¹.

Во-вторых, *индивидуализация* – часто непризнанная и поносимая, но тоже дающая шанс превратить локальный индивидуализм Западной Европы в конкурентное преимущество на мировом рынке. В применении к производству и рынку это означает: разрабатывать высокоиндивидуализированные продукты и услуги, а также связанные с ними формы труда и производства, которые, в свою очередь, вероятно, даже должны быть трудоемкими, во всяком случае, существенно более трудоемкими, ведь индивидуализация продукта и производства есть в определенном смысле принцип, противоположный автоматизации производства. Одновременно речь идет о том, чтобы испытывать и изобретать комбинации услуг и продуктов. Таким образом возникают новые формы предложения – например, лизинг программного обеспечения, – которые решают проблемы предприятий и потребителей².

В-третьих, *рынки риска*. Постоянно слышишь, что разговор об «обществе риска» носит немецкий оттенок надежности и процветания. Однако со времен «коровьего бешенства» (которое явно политически заразно, поскольку порождает бешенство институтов и бешенство политики), а то и раньше, стало очевидно, что невежество по отношению к рискам мстит за себя не только политически, но и экономически, причем *самое позднее* при продаже. Возникают *проблемные*

¹ На этот факт мне любезно указали в инженерном бюро Ханса Кнауца (Мерсбург).

² Проблемы, которые, возможно, у них и не возникают.

рынки, потребители на которых при первых (всегда возможных) сообщениях о риске обращаются в бегство. Общественные дискуссии о рисках, столь же обязательные, как «аминь» в церкви, обесценивают капитал и вынуждают его в конечном счете по всему миру серьезно отнестись к возможным сомнениям потребителей в бдительных странах Запада, а в производстве товаров и услуг предупреждать их. Против этого бессилён любой экспорт рабочих мест и исследовательских отделов в регионы мирового общества, безразличные к рискам. Во-первых, все это может когда-нибудь кончиться — достаточно несчастного случая или сообщения о нем. Во-вторых, продукты или услуги должны продаваться как раз тем самым «истерически реагирующим на риски» потребителям в Западной Европе.

В связи с этим один из решающих вопросов Второго модерна гласит: каким образом можно добиться того, чтобы рискованные товары, продукты и услуги (например, ген-модифицированные продукты питания) стали вызывать одобрение в обществе? Этому должны в некоторой степени способствовать социологи. Новый немецкий «рыночный товар», таким образом, мог бы состоять в том, чтобы испытывались и экспортировались «способные вызывать одобрение пакеты продуктов», т. е. давался бы ответ на вопрос, как благодаря новым формам участия в производстве и прозрачной политике в сфере продукции проектировались и создавались бы (а не только упаковывались) продукты таким образом, чтобы они, в дополнение к потребительской стоимости, получали бы еще и *одобрительную* стоимость. Если это удастся, то «способные вызывать одобрение» продукты и формы производства в перспективе превзойдут все другие также и на мировом рынке¹.

¹ См. об этом еще и выше, с. 243 и след.

В-четвертых, *ре-регионализация рынков*¹: глобализация предполагает низкие транспортные и энергетические затраты. В этом отношении тормозом глобализации, т. е. созданием возможности существования региональных рынков продуктов, услуг и труда, является ликвидация существующих субсидий, позволяющих поддерживать низкий уровень транспортных расходов. Если бы таким образом были повышены фактические энергетические и транспортные затраты (например, с помощью налогов или оплаты работы инфраструктур), это бы поощрило *политику региональных рынков коротких расстояний*, а тем самым одновременно и экологические формы труда и жизни.

Эта политическая стратегия может быть связана с политикой производства, в которой — если угодно — *биографии* продукта становятся интегральной составной частью продукта. Здесь продукт приобрел бы три компонента: потребительную стоимость, цену и историю его происхождения и производства, т. е. сведения об экологических (свободные от химии зоны), социальных (неиспользование детского труда, социально защищенные условия труда) и политических (основные права, профсоюзы) условиях его изготовления, причем на хорошо читаемых этикетках. Затем пресловутый социально зрелый гражданин может решать, насколько важно для него превратить вполне повседневный акт покупки в политическое голосование по вопросу о глобальных формах труда и жизни. Поскольку биографии продукта предполагают трудоемкое производство, это может существенно повлиять также (например, в пищевой промышленности и сельском хозяйстве) на рынок труда и занятость. Ответ на глобализацию мог

¹ Эту идею подсказала мне Барбара Адам.

бы, следовательно, также заключаться в комбинации двух стратегий: повышения фактических транспортных затрат и введения социально-экологических биографий продукта. В сумме все это сводится к политике укрепления или возрождения региональных рынков.

В-пятых, *преодоление культурного препятствия — однообразия*, которое, как это ни забавно, делает «экспортирующую нацию» невосприимчивой к многообразию Второго модерна в рамках мирового общества. Так — приведем лишь один вполне рядовой пример — в нижнебаварском городке Штраубинг тамошнюю среднюю школу в настоящее время посещают дети из 24 различных стран, но в федеральных головах, партиях и административных органах все еще царит иллюзия, будто Германия имеет возможность не сделаться мультикультурным обществом. Итак, полагают они, со спокойной совестью можно продолжать политику *ius sanguinis*¹.

«Гражданство — не конфета, которую суют ребенку, если он хорошо себя ведет. Гражданство — не сладкая награда. Это демократический основной продукт питания. Не стоит поэтому удивляться проявлениям дистрофии, если жителям иностранного происхождения в Германии отказывают в хлебе демократии. Ведь предоставление гражданских прав в немецком обществе не может зависеть от расы, религии, происхождения и вероисповедания. Тот, кто здесь постоянно проживает, работает, платит налоги, тот принадлежит этой стране, должен принадлежать, поскольку в противном случае демократия не функционирует. И если семьи принадлежат этой стра-

¹ В соответствии с *ius sanguinis* («правом крови»), гражданство детей определяется гражданством родителей, а не местом рождения (*ius solis* — «право почвы»). — *Прим. перев.*

не, то и подавно ей принадлежат дети, которые родились и выросли здесь... Однако среди молодежи и подрастающего поколения (кстати, вполне независимо от национальности) наблюдается новое явление, которое заставляет задуматься о лучшей интеграции и немецкой молодежи. Проблема лишь весьма академически описывается ключевым словом «социальная изоляция растущих маргинальных групп». Реальность состоит в проколотых шинах, в равнодушии и агрессивности, царящих в школах, в климате всеобщей неуверенности и перегруженных городских властях. Требование не делать немцами рожденных в Германии детей иностранцев, чтобы позднее легче было их выдворить, — печальный пример такой перегрузки.

Сколько же поколений так называемых иностранцев должно здесь родиться, чтобы наконец их стали называть гражданами страны и обращались с ними как с немцами? Речь идет не об акте милосердия, а о вещи само собой разумеющейся в условиях демократии»¹.

8. Экспериментальные культуры, нишевые рынки и общественное самообновление

Индивидуализация подразумевает многое, но не упразднение ценностей — о чем постоянно пророчат, — а их дифференциацию и превращение личной автономии в нечто само собой разумеющееся и неотъемлемое². Не в последнюю очередь индивидуализация означает также, что воз-

¹ Prantl H. *Probleme kann man nicht abschieben*, in: *Süddeutsche Zeitung* vom 20. 5. 1997, S. 27.

² См. об этом: Beck U./Beck-Gernsheim E.(Hg.), *Riskante Freiheiten*. Frankfurt/M. 1993, а также Beck U. (Hg.), *Kinder der Freiheit*. Frankfurt/M. 1997.

никли культурные источники радости от рисков и креативности¹. Есть люди, которые могут и хотят, чтобы эти радости и креативности выдержали испытание рынком в изменившемся понимании и не нуждались бы в ложных бюрократических помочах. Речь идет о появившейся в наши дни среде будущего, а именно о «жизненных эстетках», в которых видят только эгоистов.

«L'état, c'est moi. Всякий эстет жизни есть аристократ» — так описывают поколение 1989 года изнутри Йоханнес Гёбель и Кристоф Клермон в своей книге «Добродетель отсутствия ориентации». «Своим княжеством, созданным им самим, он правит абсолютно суверенно. Его существование ориентировано в первую очередь не на мирские цели, на деятельную мораль бургеров, но служит прежде всего оформлению сферы его господства. Его действия проистекают не из принципа удовольствия, но из долга по отношению к собственному кодексу чести. Его цель — совершенствование бытия, которое было бы достойно того, чтобы оформлять современность и инсценировать славную историю.

Так, труд служит эстетам жизни не самоцелью, а свободное время — не оазисом самореализации. Напротив, долг по отношению к избранным для себя знакам своего достоинства объемлет все. Рыцари неомодерна властвуют в сфере господства, которая охватывает только одну персону, но средства, служащие оформлению этого господства, — потенциально безграничны. Их сообщество “круглого стола” разбросано по всему миру, их дворцы рассеяны по континентам.

В Германии до 2006 года будут унаследованы состояния в размере 2,6 миллиарда марок. Для эстетов жизни тем самым

³ См. об этом: Wilkinson H. *Kinder der Freiheit*, in: Beck U. (Hg.), *Kinder der Freiheit*, а. а. О., S. 85–123, а также новое исследование Shell-Studie *Jugend* '97.

открываются обширные возможности отказаться от деятельной жизни и посвятить свое бытие (пусть в большинстве случаев это скромное существование) в первую очередь реализации своего императива, вместо того чтобы преобразовать экономические принуждения наемного труда в смысл жизни. Но и так растущая поддержка родителей, которые с небывалым долготерпением субсидируют порывы своих чад, в том числе и великовозрастных, и даже ненадежная работа в ресторанах “Макдоналдс”, которая вне сферы заработка не требует никакой самоидентификации, делают эстетов жизни независимыми от экономики.

Аристократическое бытие есть бытие до-экономическое. Пока существование — в каком бы то ни было виде — гарантировано, экономические соображения не берутся в расчет. Это, разумеется, не означает, что экономические механизмы всецело чужды мышлению эстета жизни. Он оставил позади себя только сферу пожизненного существования в качестве наемного служащего. Экономика для него уже не связана с зарабатыванием денег, а понимается как существенно более широкая модель процессов прикидок и торга, всегда необходимых при контактах с другими аристократами. Экономика есть сфера внешней торговли княжества, в иных случаях управляемого согласно иррациональным принципам эстетов жизни, живущих милостью Божьей.

Как бы ни был велик его внутренний суверенитет, эстет жизни не хочет и не может никого себе подчинять. Так что неизбежный коррелят к господину — слуга — вовсе отсутствует у эстета жизни. Единственной моделью совместной жизни людей является модель дипломатии в отношениях между суверенными господами.

До тех пор, пока соблюдались нормы рыцарственности, мораль аристократа была утилитаристской. Романтическая

устремленность бюргера к целостности была ему абсолютно чужда. И как распушенный дворянин XVIII века вызывал отвращение у морализирующего бюргера, так и новая мораль эстетов жизни сегодня слишком часто принимается за упадок ценностей и эгоистический оппортунизм.

Итак, эстетов жизни нельзя назвать маленькими деспотами, которые создали свою собственную страну, дарующую особую идентичность. Страну, которая печется о своей истории (детство, собственная биография) и гордо предъявляет свои специфические символы, флаги, гербы, формы одежды (жилье, стиль и т. д.). Пока границы остаются в неприкосновенности, он мирно сосуществует со своими соседями, не будучи чересчур дружественно настроенным по отношению к ним. Разумеется, при этом не исключаются союзы для достижения той или иной четко очерченной цели. Только при угрозе чужого владычества или завоевания (опека, институциональные принуждения), самые мирные сообщества превращаются в общества рьяных защитников. Ежедневные контрольные обходы границ предупреждают властителя о ситуациях, которые ставят под угрозу беззаботное развитие его владычества. Горящие приюты для беженцев, экологические катастрофы, войны и кризисы во всем мире — все это проверяется, оценивается степень исходящей от этого угрозы неприкосновенности проекта, который осуществляет эстет жизни. Если требуется, малые кабинеты министров решаются на всеобщую мобилизацию, хватаются за свечи и проводят предупреждающие пикеты, организуют бойкоты или демонстрации. Эти миротворческие миссии суверенных эстетов жизни представляют собой, конечно, краткосрочные акции. Как только исчезает угроза, угасает и ангажированность. Однако на механизм можно положиться!»¹

¹ Goebel/Clermont. *Die Tugend der Orientierungslosigkeit*. Ms. Berlin 1997, S. 22 f.

Среда (количественно совсем не такая уж маленькая, а для подрастающего поколения она может даже диктовать стиль поведения) индивидуализированных эстетов жизни является социальным контекстом, в котором цивилизаторская лаборатория стала повседневностью. Художники, творящие свою частную жизнь, не только изобретательны в закреплении своих особенностей. Они также постоянно проводят согласование противоположных и тем не менее автономных жизненных форм, оформляют и инсценируют себя самих и свою жизнь как эстетический продукт. Поскольку здесь живут, мыслят и производят в непосредственной связи между работой для себя и работой для других, рынки, которые при этом возникают, — не массовые, это нишевые или мини-рынки. Но будет предубеждением считать, что эти особые рынки всегда и непременно так и останутся малыми рынками. Справедливо обратное: в век глобальных локальностей эти культуры нишевых особых рынков являются изобретательными биотопами, откуда шеф-дизайнеры продуктов мирового рынка (например, в среде любителей музыки «рай») крадут свои творческие импульсы — изящнее сказать: «черпают».

При этом *повсеместное распространение нишевых рынков*, которые регионально укоренены и пышно расцветают (следовательно, также должны освободиться от путаницы предписаний и целенаправленно поощряться политически), — один из центральных ответов на два великих финала Первого модерна: ликвидацию массового производства и ликвидацию полной занятости.

В остальном налицо, коротко говоря, саморазвитие в форме *самоэксплуатации*. Есть готовность делать очень много, зарабатывая при этом очень мало; и это происходит именно потому, что экономическое преимущество раз-

рушено индивидуализмом и оценивается с точностью до наоборот: высокая ценность самоидентификации и самореализации той или иной деятельности заменяет ничтожный заработок.

Нишевая культура и нишевое производство могли бы породить контр-модель к господствующему крупнокапиталистическому остервенению рациональности. Здесь возникают трудоемкие виды деятельности (продуктов, услуг) с ограниченной, но в перспективе — высокой содержательной ценностью, при ничтожной производительности и ничтожном доходе, что компенсируется многообразием дополнительных деятельностей. Нишевое производство делает возможными три вещи:

во-первых, культурную лабораторию будущего и изобретательный способ производства; а это,

во-вторых, при ничтожных производственных затратах, по собственной инициативе, т.е. без бюрократических законов поощрения будущих мастерских, которые, одновременно,

в-третьих, предполагают и укрепляют региональные особенности и транснациональную самоорганизацию гражданского общества.

И наоборот, все попытки не терпящих возражений взрослых, защищающих старые ценности и старый мировой порядок, подстричь артистическое поколение самоиронических искателей своего «я» (внуков экономического чуда!) под одну гребенку и втиснуть его в функциональное существование в качестве колесиков и винтиков в иерархических и бюрократических машинах, — эти попытки сводятся к бессмысленному принесению в жертву культурного богатства креативности жизненного мира, которую олицетворяют и продуцируют «молодые кроткие». И тогда эта столь необходимая среда общественного самообновления может иссохнуть и исчезнуть.

9. Общественные предприниматели, трудящиеся-для-себя

На место социальной фигуры наемного рабочего и работополучателя как противников капиталиста и работодателя выступает на одной стороне фигура *трудящегося-для-себя*, а на другой – фигура *общественного предпринимателя*. Трудящийся-для-себя знает, что он уже не обязан или не может быть только исполнителем работы, которую ему подсунули другие во исполнение их чертова долга и принятых обязанностей, – и если они этого не делают, то это *их* несостоятельность, *не его*. Он знает, что «свою» работу он всегда должен находить (изобретать) и обосновывать в плане социально расширенной потребительной стоимости (здесь учтены все три компонента – социальный, эффективный и стоимостный), и действует соответствующим образом. Это предполагает сильную идентификацию как с потребностями других, так и с работой. Работа-для-себя подразумевает в этом смысле всегда работу и на себя, и на других.

Однако существует также капиталистическая сторона значения предпринимателя-самого-по-себе, который руководит собой на манер менеджера и управляет своим рабочим состоянием. Это показывает Андреас Цильке:

«Массовое превращение работающих по найму в работодателей уже идет полным ходом. И оно показывает, что с новой ведущей компетенцией рынка, какими бы жесткими ни были последствия, не связан откат к Дикому Западу раннего капитализма. Сегодняшний капитализм применяет существенно более изощренные, сложные и циничные методы увеличения стоимости капитала, чем могли бы представить себе его довольно неловкие отцы-основатели.

Ранний капитализм был рассчитан на эксплуатацию труда, сегодняшний – на эксплуатацию ответственности. Прежде коллеги должны были участвовать в предмете труда, теперь

они должны соучаствовать в результате предприятия. Прежде они должны были только соучаствовать в труде, теперь они должны соучаствовать в мышлении и в опасениях. Прежде они были подчинены процессу изготовления, как простое колесико в машине, теперь процесс изготовления подчинен их вовлеченности. Всегда ненадежная и вызывающая сопротивление эксплуатация иностранцев заменяется снятием сливок путем принципиально безграничной самоэксплуатации. Крупные предприятия на широком фронте расчищают в настоящее время внутренние пути между инстанциями, чтобы раздробить власть принятия решений и перераспределить ее среди имеющихся голов. При этом образуются не только децентрализованные прибыльные группы; даже отдельные рабочие команды уже должны не просто выполнять свой рабочий план, а думать о своей экономической рентабельности.

Можно ли изолированные рабочие стадии делегировать путем “outsourcing” (перемещения за пределы источника) исполнителю заказа или субпредпринимателю или, наоборот, обязан ли внешний поставщик делать все вплоть до предоставления собственного ленточного транспортера — и над тем и над другим тяготеет все тот же нивелирующий ответственность примат. Так же обстоит дело с «франчайзингом»: мировое предприятие типа «Макдоналдс» состоит только из небольшого твердого ядра. Торговые точки его сети, опутавшей весь земной шар, переданы в собственность бесчисленным отдельным вторичным предпринимателям, которым центральное руководство уступает только лицензию на пользование торговым именем, ноу-хау и соответствующие продукты питания в обмен на участие в обороте. Работодатель становится лицензиодателем, работополучатель — лицензиополучателем. Более высокую прибыль из этой комбинации объединения и атомизации, как утверждает новая философия

фирм, извлекают обе стороны, дающая и принимающая, крупный и мелкий предприниматели.

Все эти синхронные процессы расщепления ядра и внутренней приватизации, происходящие в недрах самих предприятий, позволяют уже сейчас накапливать поразительный опыт связанной с фактическим доходом, собственной ответственности в серой зоне между зависимостью и независимостью. Крупные предприятия в растущей мере продуцируют уже не только массы товаров, но и массы виртуальных предпринимателей»¹.

10. Общественный договор против эксклюзии?

Но не является ли все это сделанными в хорошую погоду фотографиями некоего общества в нише благоденствия, общества, которое в непогоду — почти пять миллионов *зарегистрированных* безработных в Германии летом 1997 года — имеет на редкость запыленный вид? Не относятся ли разговоры о творческой «нишевой культуре» и транснациональном «гражданском обществе» только ко вчерашнему дню, а не к сегодняшнему, когда налицо растущая нищета и запущенность городов? Разве эти города не предполагают обеспечения элементарной безопасности, где бы тебя не ограбили или не зарезали на ближайшем углу? Не кроется ли здесь причина плохо скрытого иррационализма, приверженности к насилию — не только на периферии общества, но и в его сердцевине?

Во-первых, расширяется вилка доходов. За последние 15 лет доходы от труда (практически не) выросли в реальном исчислении на 2%, тогда как доходы от капитала за тот же пе-

¹ Zielcke A. *Der neue Doppelgänger*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 20. 7. 1996, № 167.

риод как бы взлетели на крыльях на 59%¹. И это указывает лишь на начальную фазу, в которой растет производительность капитала без труда. В глобальную эпоху считается: труд растет и дешевеет. Капитал уменьшается и дорожает. В соответствии с этим снижающийся фактический доход от труда и растущий фактический доход от капитала ведут к обостряющемуся расколу мира на мир бедных и мир богатых.

Во-вторых, все больше групп — по крайней мере временно — охвачены безработицей и нищетой. В промышленно развитых странах Запада возникает новый «люмпен-пролетариат» (Маркс), постоянно растущая группа *отверженных*. Эксклюзия — социологическое понятие для этой ловушки бедности, которая раскрывается в центре современного общества. *Без жилья нет работы. Без работы нет жилья. Без работы и жилья нет демократии.*

В прошедшие два десятилетия стоимость мировой продукции выросла с 4000 миллиардов долларов до 23 000 миллиардов долларов, а число бедных за это же время — более чем на 20%. Доля беднейшей пятой части человечества в мировом доходе снизилась в период с 1960 по 1990 год с 4% до 1%. На этом фоне 358 долларовых миллиардеров имеют сегодня больше, чем зарабатывает половина человечества². Даже если на это мало кто обращает внимание, стоит отметить, что ежедневно во всем мире умирает более 35 000 детей, и не от тайфунов и наводнений или других природных катастроф, а в результате цивилизационных болезней, причем таких, которые при соответствующем уходе и питании сравнительно легко предотвратить или излечить (пневмония, диарея, ветрянка, малярия, стол-

¹ См.: Kommission für Zukunftsfragen 1996/1997; а также: Eckardt T. *Arm in Deutschland*. München 1996.

² Все данные взяты из доклада Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, лето 1996 (цит. по: *The Independent*, 4. April 1996).

бняк, коклюш). За два дня умирает больше детей, чем погибло американцев за все время войны во Вьетнаме (58 000)¹.

В Германии в настоящее время более 7 миллионов человек живут в тени благосостояния — даже на первый взгляд обеспеченная середина общества находится под угрозой упадка. В США, как и в европейских странах, перед лицом этого едва ли преувеличиваемого по своему социальному и политическому драматизму расширения вилки между доходами бедных и богатых внутри и между странами крупные экономисты и политики начинают гадать: *сколько бедности вынесет демократия?*

В-третьих, бедность и безработица все меньше следуют классовым стереотипам, и потому их все труднее идентифицировать и тем самым организовать как политическую силу. Не только безработица, но и развод, внезапная болезнь, лишение доступной по квартплате квартиры или кредита суть типичные люки, через которые проваливаются в бедность, в жизнь без крыши над головой.

В-четвертых, в индивидуализированных формах существования то, что прежде преодолевалось сообща как классовая судьба, люди должны теперь приписывать самим себе как личную судьбу, как индивидуальную неудачу и часто в одиночку преодолевать ее.

«Мы уже не люди. Потерю лица невозможно описать» — так говорит о своей беде один безработный из Восточной Германии. В новых федеральных землях этот призрак безработицы прямо или косвенно держит в настоящее время в своих когтях большинство людей. То, что потеря работы означает «потерю лица», справедливо там в еще более глубоком смысле: ГДР была буквально «обществом трудящихся»; здесь люди

¹ Bradshaw Y.W., Wallace M. *Global Inequalities*. London 1996, p. 16 f.

обобществлялись в гнезде труда — зачастую и после своего ухода, в пенсионном возрасте.

Важно различать ситуации биографической неуверенности, которые еще кажутся индивидам поддающимися расчету и контролю, и те, которые кажутся *уже неконтролируемыми*. Первые я называю биографией риска, вторые — биографией *опасностей*.

Подобные градации социально обусловленной неуверенности существования трудно разграничить. Серые зоны широки и не просматриваются, поскольку сама граница есть не что иное, как восприятие границы с точки зрения индивидов. В подтверждение этого можно указать объективные индикаторы, ресурсы и действующие масштабы нормальности; но все же нет сомнений в том, что граница между еще калькулируемой биографией риска и уже не калькулируемой биографией опасностей открывает дорогу субъективным мнениям, догадкам, ожиданиям, надеждам и недобрым предсказаниям.

Тем не менее надо прямо сказать: если все больше людей — по какой бы то ни было причине — видят себя жертвами обстоятельств, которые они со своими средствами и способностями не могут предусматривать, преодолевать или игнорировать, то такое положение дел имеет большое значение для общества (и анализа общества). Принуждение к самостоятельной деятельности, самоорганизации может привести в отчаяние, а возможно, и в немую ярость. Биографии ощущаемых опасностей образуют питательную среду для насилия, неонационализма и революций.

Но что делать, если люди не хотят истощать себя жалобами (не страдая)?

В этой книге разобрано много подходов и стратегий. Постоянно обрисовывалась сама проблема и ее генезис. Можно

было назвать это *положением между молотом и наковальней*, характерным для социальной политики в век глобальности: экономическое развитие ускользает от национально-государственной политики, тогда как ее социальные проблемы в результате *накапливаются* в сборных сетях национального государства. Прогноз трудных времен налицо: уровень социальных конфликтов из-за распределения и принуждения к непопулярным политическим решениям растет, но все это тем не менее необходимо преодолеть.

На ключевой вопрос Второго модерна: как возможна социальная справедливость в эру глобальности? — ни у кого нет ответа. И на следующий вопрос: существует ли что-то вроде транснациональных социальных систем гарантирования безопасности — ответить так же трудно, как и в предстоящие годы его обсуждать¹. Не следует выступать против мирового государства и мирового государства социального обеспечения, поскольку оно теперь действительно нам не грозит. С точки зрения прагматики, напротив, речь возможно пойдет о

во-первых, встраивании и создании основных гарантий (см. выше),

во-вторых, укреплении социальных сетей самоснабжения и самоорганизации,

в-третьих, выдвигании и постоянной актуализации вопросов экономической и социальной справедливости в мировом масштабе в центрах глобального гражданского общества.

Помощь в малом и великом, на месте и на других континентах часто рассматривается в неразрывной связи с набором бедствий — нищетой, бездомностью, болезнью Альцгеймера, экологическим ущербом и т. п. В статье под названием *Про-*

¹ См. о этом статьи в кн.: Leibfried S./Pierson P.P. (Hg.), *Standort Europa. Europäische Sozialpolitik*. Frankfurt/M. 1997.

щание с юдолью слез это оспаривает Файт Пост, спикер Германского отделения Всемирной организации помощи голодающим. «Все это вызывает сожаление и бесполезно. Ибо деятельность большинства организаций помощи предпочтительней призыва к политике экономического развития. Данные организации — государственные или частные — могут сослаться на множество успешных дел, даже таких, которые можно подтвердить с цифрами в руках... В чересчур извиняющемся тоне, как бы оправдываясь, твердят, что эти успехи зиждутся на важных предпосылках: на компетенции, профессионализме и более чем средней мотивации сотрудников и организаций помощи.

Девять из десяти немцев считают помощь развивающимся странам необходимой; сотни тысяч граждан жертвуют ежегодно несколько миллионов марок на эту цель; среди учеников растет интерес к условиям жизни людей в третьем мире. Можно ли представить более благоприятные предпосылки для пробуждения желания проводить политику развития?

Если организации помощи хотят вытащить эту тему из юдоли слез, то они должны научиться общаться, а не поучать; предлагать более удачные решения вместо того, чтобы просто перечислять проблемы; завоевывать сердца людей, а не «только» их разум. Они должны демонстрировать больше возможностей для действий вместо того, чтобы публиковать новые исследования: быть более готовыми к конфликтам вместо того, чтобы коситься на государственных кредиторов; видеть в себе помощников, оказывающих услуги, и в меньшей степени — наставников в сфере морали.

Результат частного опроса среди африканских друзей: понятие “юдоль слез” нельзя адекватно перевести на их язык»¹.

¹ Post V. *Abschied vom Jammertal*, in: *Die Zeit* vom 28. 3. 1997.

VII

Европа как ответ на глобализацию

Многих мучает странный эссенциалистский вопрос: что *есть* Европа? Нередко ответ звучит так: Европа *была*. «Не может быть возврата в Европу, по той простой причине, что Европа существует только в музее риторики»¹.

Но Европа не географическое, а *воображаемое пространство*. На вопрос, что составляет идентичность Европы, отвечает, например, Милан Кундера: *мудрость романа*. «Мне нравится мысль, что искусство романа пришло в мир как эхо божественного смеха... Есть замечательная еврейская поговорка: человек думает, Бог *смеется*. Вдохновленный этой сентенцией, я охотно представляю себе Франсуа Рабле, однажды услышавшего смех Бога, — так родилась идея первого великого европейского романа»². Европа для Кундеры означает: открывать, видеть мир как многозначность и жить в нем. Мудрость романа — это мудрость неопределенности, мудрость иронии.

Можно придумать бесконечное множество других определений, например «европейские граждане мира», которые описали Монтень, Гёте и Кант (если назвать только троих), сами жившие как таковые. Эти граждане мира после катастрофы, которой стала национал-социалистическая Германия и для европейских евреев, сегодня чувствуют себя как дома повсюду, в том числе и в Израиле. Все эти определения в эпоху гло-

¹ Siefert R. P. *Epochenwechsel — Die Deutschen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert*. Berlin 1994, S. 78.

² Kundera M. *Die Kunst des Romans*. München 1987, S. 166.

бализации незаменимы для европейской идентичности экзистенциально и политически, они указывают на будущее.

Но остается вопрос: может быть, Европа все-таки иллюзия? Те, кто возьмет на себя труд изучить многотомные материалы жалоб на конференциях, где сетовали по поводу небытия Европы и говорили о ее становлении, не смогут сдержать зевоту. Это самое лучшее чтение перед сном! Самый эффективный заменитель снотворного (без побочного действия!).

Смушает то, что политическая Европа не только не существует; очевидно, что ее несуществование все еще не воспринимается как недостаток. Даже ангажированные интеллектуалы, которые всегда готовы украсить своим именем призывы творить добро и противиться злу, не в состоянии вмешиваться в «европейские дела» поверх все еще существующих стен, разделяющих общественности отдельных государств.

Не существует, к примеру, настоящей общеевропейской ежедневной газеты, общеевропейской телепрограммы, которая бы заслужила это имя, настолько приковав внимание своей европейской публики, что рейтинги национальных телепрограмм просто рухнули бы. Да и рынок «Европа», кажется, породил мелочный дух, провинциализм, а не европейство. В эти беспокойные времена люди цепляются за обломки старого и привычного, чтобы их не унесло потоком всеобщих перемен.

Но, может быть, поднимутся стенания по поводу политического провала Европы, когда Европа ложной утопии споткнулась о то, чем «политическая» Европа должна была бы быть?

Тот, кто сетует на то, что европейское политическое пространство до сих пор еще не возникло, думает в конечном счете так: Соединенных Штатов Европы, сравнимых с Соединенными Штатами Америки, не существует. Нет европейского

парламента, нет европейской общественности, которые бы заслужили это название, следовательно, нет политической Европы как национального государства; и едва ли можно прикрыть даже прозрачными надеждами это голое ничто.

Но возможно ли сделать набросок политической Европы, исходя из понятия национальной общественности в тот исторический момент, когда рушится система отношений национального государства и возникают локально-глобальные идентичности? Позволяет ли, мешает ли европейство идентифицировать себя с людьми, выброшенными в фавелы — бразильские трущобы? Могу я как европеец чувствовать себя обязанным «Гринпису» (также и за то, что он вместо меня занимается сортировкой мусора в мировом масштабе)? Вытесняет ли «Европа» мое феминистское самосознание? Или европейская идентичность усиливает феминистскую и экологическую идентичность? Против чего или за что выступают люди, если они настроены дополнительно или преимущественно за или против Европы?

Из этих вопросов следует одно: никто не ждет Европы. Европа сама навязывается. Она должна выслуживаться, чтобы на нее обратили внимание. Европа в первую очередь есть просто-напросто лейбл, наклейка на автомобиле или еще одно бюрократическое распоряжение.

Почему Европа? Почему не Хельга, или бабушка, или бездомные по соседству, а то и на другой стороне планеты? На этот вопрос *европейцы* в будущем должны дать ответ. О чем идет речь, когда говорят о Европе? О субсидиях для поддержания цен на молоко и т. п.? Об *эксклюзивной* Европе, т. е. о строительстве крепости Европа? Или речь идет об *инклюзивной* Европе, которая видит в себе политического укротителя экономической глобализации, активно оформляет ее политически. Ключевое знание, ключевой подход таковы: *без Ев-*

ропы нет никакого ответа на вызов глобализации. А значит, то, чем является или чем должна быть Европа, не следует — как в фокусе — вытягивать из прошлого, оно должно политически набрасываться как политический ответ на вопросы будущего, причем во всех тематических полях: рынка труда, экологии, социального государства, международной миграции, политических свобод, основных прав. Только в транснациональном пространстве Европы политика индивидуального государства может превратиться из объекта угрожающей глобализации в субъект творимой глобализации.

Но тогда вопрос формулируется так: какие ответы может дать политическая Европа — и *только* политическая Европа — на вызовы глобальной эры?

«Я разделяю мнение, — говорит Йошка Фишер, — что Европа строится вокруг банка. Вопрос только в том, какие выводы делаются из этого? Я также хотел бы, чтобы первым шагом был не Маастрихт, а процесс политической интеграции. Но не прервем ли мы тем самым этот первый реальный перенос суверенитета на европейский уровень? Я считал бы это неправильным». Ибо, во-первых, рассуждает дальше Фишер, дебаты о введении евро будут «вестись во всех национальных обществах аналогично. И это хорошо: возможно, впервые удастся вывести европейские дискуссии из сферы внутренней политики тех или иных национальных культур. Во-вторых: европейский рынок труда, будучи нерегулируемым, создает все больше проблем. Португальские строители используются здесь [т. е. в Германии], африканские строители — в Португалии, а немецкие строители оказываются без работы. Сейчас это впервые приводит к дебатам по вопросу, не стоит ли вернуться назад и снова перекрыть границы, или же нужно сделать шаг вперед и подумать о регулировании европейского рынка труда. В-третьих: Ширак во время полемики вокруг

испытаний ядерного оружия на атолле Муруроа в 1995 году должен был осознать, что европейская внутренняя интеграция продвинулась дальше, чем в 1965-м, во времена де Голля. Общество уже не дало согласия на атомные испытания. Этими тремя фактами я хочу показать, что начинаются споры вокруг создания европейской валюты. Они могут быть использованы для того, чтобы не застрять на стадии общеевропейского банка, но прийти к европейской дискуссии о конституции. Нам нужна европейская дефиниция основного права»¹.

Из ловушки глобализации нет национального выхода. Но есть, пожалуй, выход транснациональный. Транснациональная совокупность государств масштаба Европейского Союза могла бы восстановить приоритет политики, восстановить демократически контролируруемую общественно- и экономико-политическую способность действий для кооперирующихся стран. В самом деле, сильный демократический Европейский Союз, как самая большая торговая держава мира, мог бы использовать свой вес для проведения подлинных реформ – и внутри, и снаружи. Всемирную торговую организацию нужно было бы еще раз реформировать. Настоятельно необходимо ввести социальные и экологические минимальные стандарты. И это должно делаться не из протекционистских соображений, а для преодоления европейской двойной морали, когда люди в других странах не защищены в отношении того, что в Европе дефинировано и защищается как человеческое достоинство. Политике дерегулирования транснациональных государств нужно бы противопоставить требование *ре*регулирования, введения новых социальных и экологических стандартов. Нам нужно единое налогообложе-

¹ Fischer J. Доклад в рамках дискуссии «Вон из национального биотопа» («Heraus aus dem nationalen Biotop»), in: *taz*, 13. 6. 1997.

ние в Европейском Союзе, чтобы не возникали дополнительные налоговые лазейки. Нужно прийти к взвешенной мировой торговле, в которой не действовал бы принцип, когда все меньше игроков выигрывают все больше, а за кутеж расплачиваются все остальные. Мы должны наконец начать обсуждение всеевропейской экологической налоговой реформы, которая лишила бы национальных игроков их аргументов. Мы должны помочь другим странам в том, чтобы они производили для *собственного* рынка, чтобы в нем участвовало их *собственное* население. Глобализация означает, как сказано, ререгионализацию на субнациональном и наднациональном уровнях.

Политика типа «что бы я хотел получить в подарок на Рождество». Раньше это называлось «утопией». «Общество освобожденного времени, социальная система, которая деликатно переводит граждан на самостоятельную деятельность, активное государство, которое посредством целенаправленного спроса поощряет обновление промышленности и ориентирует его (какие технические системы мы хотели бы иметь в будущем? в каких системах нуждается мир?), Европа, которая не капсулируется, но на своих границах организует обмен с соседними регионами и мировым рынком, укрощение “мультиков” (мультинациональных концернов) по всему миру — какие еще будут пожелания? — спрашивает М. Греффрат и отвечает: — Все верно. Общество освобожденного времени и Европа, которая замечает свой “второй шанс” (Ю. Хабермас) и приводит в порядок кое-что из того, чем Европа за последние четыре сотни лет обогащала и охватывала мир, — это, разумеется, была бы просто культурная революция, великое событие, не менее значительное, чем эпоха Возрождения. Забавно призывать к этому. Но как-то приходит все же в голову, что время года на дворе может сыграть

свою роль, да и несколько ласточек уже как будто прилетели: вот уже маститый мировой спекулянт считает, что либеральный финансовый капитализм более опасен, чем в свое время коммунизм, вот уже фабрикант предметов роскоши Йооп заявляет, что он ни в грош не ставит весь свой хлам, вот он публично дает понять, что, в сущности, презирает тех людей, которые пользуются его продукцией, и все это значит, что в воздухе носится смена ценностей, пусть такие мягкие формы диссидентства еще не достигли масштаба Сахарова. А значит, назревает возможность смены элиты. Скромные начатки. Вот уже рабочие на заводе “Фольксваген” в Вольфсбурге довольны, а их жены очень довольны меньшей зарплатой; вот собственник крупной станкостроительной фабрики (как и многие его коллеги) мечтает о всеобщем сокращении рабочего времени — “только это должны ввести все”. Вот уже Юрген Шремпп, выступая перед немецкими банкирами, мечет громы и молнии из-за отсутствия европейских проектов и настаивает на строительстве скоростных магистралей до Москвы, чтобы в результате получить рабочие места, прибыль и торжество европейского духа; вот швабские предприниматели мечтают о солидной инициативе, благодаря которой крупные города Юго-Восточной Азии смогут осуществить экологически допустимые транспортные проекты; вот Пол Кеннеди бесцеремонно ожидает, что “Европа” очистит Средиземное море. “Вообще говоря, — сказал машиностроитель, — именно это мы бы могли хорошо сделать”. Если мир перестраивается, если крупные системы распадаются или стагнируют, то люди ищут новых путей. Вначале индивидуальных, окольных, полуполигальных. И на какое-то время будет важно не то, что управляющие работают по старинке, а то, что многие люди ориентируются по-новому. Ибо в свое время, как кажется, не будет большого разрыва между требованиями, которые содер-

жаты в больших аналитических исследованиях, и повседневностью учеников, биржевых спекулянтов, студентов. Другая политика станет возможной, когда какое-нибудь правительство отважится на публичное признание того, что рынок им больше не правит. Только тогда может наступить время New Deal (Нового курса): между поколениями, между безработными и занятыми, между полами, между государством и обществом»¹.

¹ Greffrath M. *Die Frage nach dem New Deal*. Ms, Berlin 1997.

VIII

Перспективы. Гибель *à la carte*¹: бразилизация Европы

Если эта Новая сделка не будет заключена, если фатализм постмодерна и неолиберального глобализма окажется самоподтверждающимся пророчеством, то ситуация действительно станет фатальной. Но тогда могут стать реальностью ужасные картины будущего, всецело захватившие общественное воображение. В качестве традиционного эпилога рассмотрим одну из них – *бразилизацию Европы*.

Итак. Неолибералы одержали победу. Даже себе в ущерб. Национальное государство упразднено. На месте социального государства – руины. Но беспорядка не возникло. Вместо властного и правового здания национально-государственных акторов появились раздираемые противоречиями союзы господств. Между ними расположились ничейные земли норм и права.

В опасных городских центрах служащие в галстуках живут и работают в охраняемых видеокамерами небоскребах, похожих на средневековые замки; эти крепости снабжаются и управляются транснациональными концернами.

Также имеются парки и природоохранные зоны, которые содержатся воинствующими «зелеными» (так называемыми «террористическими вирусами»), защищающими их силой оружия.

В определенных районах можно свободно приобретать и употреблять наркотики. В других уже введена смертная казнь за курение сигарет. Вооруженные отряды пенсионеров патрулируют границы ухоженных поселков для престарелых.

¹ Согласно меню, на выбор (*франц.*).

Имеются скоростные автомагистрали для суперлимузинов, но водители последних свое желание обогнать в вечном движении по кругу должны удовлетворять, сигнализя друг другу фарами, переключая их с ближнего на дальний свет (юрких спортивных тачек они попросту не замечают).

А по кругу они мчатся потому, что эти автомагистрали граничат с районом для велосипедистов, в котором *не* ехать на велосипеде запрещено под угрозой сурового штрафа — со всеми неудобствами для повседневной жизни. И каждый (каждая) должен (должна) решать проблему: как сойти с велосипеда, не нарушив (не переступив — надо было бы сказать) по крайней мере на мгновение закона, запрещающего здесь хождение пешком? Вот почему в этом районе для удобства велосипедистов устроены лестницы и лестничные клетки, а рядом с супружеской кроватью, как и рядом с письменным столом, смонтированы стойки, чтобы велосипедистам было удобно устанавливать свои велосипеды; предусмотрен также беспешеходный переход к другим функциям жизни, например, ко сну и работе; пусть это далеко от совершенства, но такова жизнь.

Средства общественного транспорта запрещены. Они воспринимаются как динозавры эпохи национального государства. Символы их власти, кстати, можно еще осмотреть только в хорошо охраняемых музеях.

Входя в еще действующее метро, пассажир сигнализирует, что он готов к нападению на себя. Так что здесь факт нападения равносителен самооговору. Правило такое: подвергшиеся нападению сами виноваты в том, что на них напали.

Среди этих нечетко разграниченных областей господства концернов, союзов, фармацевтических картелей, армий спасения, воинствующих защитников природы, обществ велосипедистов и возможностей добровольно предоставить себя

в качестве объекта ограбления (возможно, в связи с тем, что терапевт счел этот индивидуальный опыт необходимым в ходе становления личности) — лишь смутно припоминается то гордое национальное государство, ради которого миллионы мужчин протыкали друг друга штыками, дырявили пулями и взрывали. Государства представляют частные интересы среди частных заинтересованных лиц.

Если взять какой-нибудь транснациональный концерн — например, «Дойче банк», который теперь называется «Вельт-банк» (т. е. «Мировой банк»), — то соотношение сил здесь будет обратное. Если мелкое государство, чтобы его рассмотреть, нужно положить под лупу, то концерны надо будет рассматривать через перевернутый бинокль, чтобы их вообще можно было бы разглядеть.

Соответственно Организацию Объединенных Наций сменил альянс под названием «Объединенная кока-кола» или что-нибудь в этом роде.

Оставшееся государство максимально вздует налоги — или следует говорить «притязание на налоги»? Но налоговые выплаты уже давно, во всяком случае де-факто, перейдут в разряд добровольных услуг, пожертвований, так сказать. А значит, их надо отбирать, вытягивать, конкурируя со многими другими платами за защиту и данями, которыми угрожают указанные выше персональные союзы господства с помощью их вооруженных услуг по безопасности. Ибо государственная монополия на применение насилия будет, как и другие монополии, упразднена. Что останется, так это опыт какой-то внешней политики. И это обычное в литературном ремесле почетное название («опыт», «эссе») здесь особенно уместно.

Рекомендуемая литература

Сборники статей

- Ulrich Beck (Hg.), *Politik der Globalisierung*, Edition Zweite Moderne, Frankfurt: Suhrkamp 1997.
- Ulrich Beck (Hg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft*, Edition Zweite Moderne, Frankfurt: Suhrkamp 1997.
- John Eade (Hg.), *Living the Global City*, London: Routledge 1996.
- Mike Featherstone (ed.), *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*, London: Sage 1990.
- Mike Featherstone / Scott Lash / Roland Robertson (ed.), *Global Modernities*, London: Sage 1990.
- Stuart Hall / David Held / Tony McGrew (ed.), *Modernity and its Futures*, Cambridge: Polity Press 1992.
- David Held (Hg.), *Cosmopolitan Democracy*, Cambridge: Polity Press 1995.
- Kommission für Zukunftsfragen, *Die Entwicklung des Arbeitsmarktes, Bericht I*, Bonn 1996.
- Werner Weidenfeld (Hg.), *Demokratie am Wendepunkt*, Berlin: Siedler 1996.

Монографии

- Martin Albrow, *Abschied von der Heimat. Gesellschaft in der globalen Ära*, Edition Zweite Moderne, Frankfurt: Suhrkamp 1998.
- Barry Axford, *The Global System: Economics, Politics and Culture*, Cambridge: Polity Press 1995.
- Ulrich Beck, *Das Zeitalter des eigenen Lebens: Die Globalisierung der Biographien*, Edition Zweite Moderne, Frankfurt: Suhrkamp 1998.
- Volker Bormschie, *Westliche Gesellschaften im Wandel*, Frankfurt, New York 1988.

- Frank Deppe, *Fin de Siècle – Am Übergang ins 21. Jahrhundert*, Köln 1997.
- Yehezkel Dror, *Ist die Erde noch regierbar?* München: Bertelsmann 1994.
- Mike Featherstone, *Undoing Culture*, London: Sage 1996.
- Anthony Giddens, *Die Konsequenzen der Moderne*, Frankfurt: Suhrkamp 1995.
- Anthony Giddens, *Jenseits von Links und Rechts. Die Zukunft radikaler Demokratie*, Edition Zweite Moderne, Frankfurt: Suhrkamp 1997.
- Jürgen Habermas, *Die Einbeziehung des Anderen*, Frankfurt: Suhrkamp 1996.
- Ulf Hannerz, *Transnational Connections*, London: Routledge 1996.
- Ronald Inglehart, *Modernization and Postmodernization*, Princeton: University Press 1997.
- Wolfgang Kessler, *Wirtschaften im dritten Jahrtausend*, Oberursel: Publik-Forum-Verlagsgesellschaft 1996.
- Scott Lash/John Urry, *Globale Kulturindustrien*, Frankfurt: Suhrkamp 1998.
- Edward Lutwak, *Weltwirtschaftskrieg – Export als Waffe – Aus Partnern werden Gegner*, Reinbek b. Hamburg: Rowohlt 1996.
- Hans-Peter Martin/Harald Schumann, *Die Globalisierungsfalle*, Reinbek b. Hamburg: Rowohlt 1996.
- Joachim Matthes (Hg.), *Zwischen den Kulturen?*, Sonderband 8 der *Sozialen Welt*, Baden-Baden 1992.
- J. Micklethwait/A. Wooldrige, *The Witch Doctors*, New York: Times Book 1996.
- Kenichi Ohmae, *Die neue Logik der Weltwirtschaft – Zukunftsstrategien internationaler Konzerne*, Hamburg: Hoffmann & Campe 1992.
- Robert B. Reich, *Die neue Weltwirtschaft. Das Ende der nationalen Ökonomie*, Berlin: Ullstein 1993.
- Roland Robertson, *Globalization: Social Theory and Global Culture*, London: Sage 1992.
- James Rosenau, *Turbulence in world Politics*, Brighton: Harvester 1990.
- Rolf Peter Sieferle, *Epochenwechsel – Die Deutschen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert*, Berlin: Propyläen 1994.
- Immanuel Wallerstein, *One World, Many Worlds*, New York: Lynne Rienner 1988.

Содержание

Предисловие. Перевод В. Седельника 5

Часть первая

ВВЕДЕНИЕ

(Главы I– IV перевод В. Седельника)

- I. Виртуальные налогоплательщики 9
- II. Национальное государство между мировой экономикой и индивидуализацией утрачивает свой суверенитет: что делать? 21
- III. Шок глобализации: запоздалая дискуссия 31

Часть вторая

ЧТО ИМЕЕТ В ВИДУ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ? ИЗМЕРЕНИЯ, КОНТРОВЕРЗЫ, ДЕФИНИЦИИ

- IV. Открытие мирового горизонта: к социологии глобализации 46
 - 1. Социология как интеллектуальная дисциплинирующая сила: контейнерная теория общества 47
 - 2. Транснациональные социальные пространства..... 54
 - 3. Логики, измерения, последствия глобализации 60
 - а) Капиталистическая мировая система: Уоллестайн .. 62

б) Постинтернациональная политика: Розенау, Джилпин, Хелд	66
в) Мировое общество риска: экологическая глобализация как принудительная политизация	73
г) Почему ложен тезис о макдоналдизации мира: парадоксы культурной глобализации	81
д) Глокализация: Роланд Робертсон.....	89
е) Власть воображаемой возможной жизни: Архун Аппадурай	98
ж) Глобализованное богатство, локализованная бедность: Зигмунт Бауман	101
з) Капитал без труда	107

(Главы V–VIII перевод А. Григорьева)

V. Транснациональное гражданское общество: как возникает космополитический взгляд на вещи	117
1. Промежуточные итоги: «методологический национализм» и его опровержение	117
2. Символически инсценированный массовый бойкот: инициативы граждан мира и глобальная субполитика	124
3. Полигамия в плане местожительства: полилокальный брак с несколькими местожительствами открывает ворота глобализации в частной жизни	130
4. Возможна ли межкультурная критика?	139
а) «Мудрость, полная плутоватой шутливости»	140
б) Контекстуальный универсализм	146
VI. Контуры мирового общества: конкурирующие перспективы	154
1. Третьи культуры или глобальное гражданское общество?	156
2. Космополитическая демократия	163
3. Капиталистическое мировое общество.....	168

4. Мировое общество риска: клетка модерна
открывается 172
5. Мировое общество как недемократически
легитимированная политика 177
6. Перспективы: транснациональное государство 188

Часть третья

ЗАБЛУЖДЕНИЯ ГЛОБАЛИЗМА

1. Метафизика мирового рынка 202
2. Так называемая свободная мировая торговля 204
3. В области экономики мы имеем дело (еще) с
интернационализацией, а не глобализацией 205
4. Драматургия риска 207
5. Отсутствие политики как революция 209
6. Миф о линейности 211
7. Критика катастрофического мышления 213
8. Черный протекционизм 214
9. Зеленый протекционизм 216
10. Красный протекционизм 218

Часть четвертая

ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. Международное сотрудничество 224
2. Транснациональное государство или
«инклюзивный суверенитет» 228
3. Участие в капитале 236
4. Переориентация образовательной политики 237
5. Являются ли транснациональные предприниматели
не-демократичными, анти-демократичными? 239
6. Союз за гражданский труд 243
7. Что придет на смену нации, экспортирующей
«Фольксваген»? Новые культурные, политические
и экономические целеполагания 246
8. Экспериментальные культуры, нишевые рынки и
общественное самообновление 254

9. Общественные предприниматели, трудящиеся-для-себя	260
10. Общественный договор против эксклюзии?	262
VII. Европа как ответ на глобализацию	268
VIII. Перспективы. Гибель à la carte: бразилизация Европы	276
<i>Рекомендуемая литература</i>	279

ПОСЛЕСЛОВИЕ

<i>А. Филиппов.</i> Печальная глобализация: локальное без границ, глобальное без места	283
---	-----

Ульрих Бек

Что такое глобализация?

Ошибки глобализма – ответы на глобализацию

Директор издательства *Б.В. Орешин*

Зам. директора *Е.Д. Горжевская*

Зав. производством *Н.П. Романова*

Оригинал-макет *Г.В. Славинской*

Корректор *Н.И. Маркелова*

ЛР №065292 от 17. 07. 1997

Подписано в печать 12. 10. 2001. Формат 60×84/16

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 19,0

Тираж 3000 экз. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»

117049, Москва, Крымский вал, д. 8

119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9

Тел.: 245-53-95, 245-49-03

Отпечатано в Производственно-издательском
комбинате ВИНТИ

140010, г. Люберцы Московской обл.,

Октябрьский проспект, 403

Тел. 554-21-86